Эмили Рут

Сказка в отпуске

Annotation

В сказке беда: сбылось древнее пророчество – принца околдовала злая ведьма.

На выручку спешит хранительница мира баба Яга: она и невесту выкрадет и мозги той вправит, да так, что трусливая девушка без труда Горыныча оседлает, на войну с морским чудищем отправится, ведьму победит и принца спасёт. Свадьба? А замуж просто так никто не побежит. В конце концов, сказка сказкой, но ухаживания никто не отменял.

- Эмили Рут
  - Глава 1. Сказка в сказке
  - Глава 2. Чудеса и не только болотные
  - Глава 3. Триста тринадцатая королева
  - Глава 4. Все беды от скуки
  - Глава 5. Королеве и стол королевский
  - Глава 6. Пророчество
  - Глава 7. Избранная или?..
  - Глава 8. Красота и страх
  - Глава 9. Лекарство от страха
  - Глава 10. Психолога вызывали?
  - Глава 11. Настоящее волшебство
  - Глава 12. Встреча с Горынычем
  - Глава 13. Могучий язык
  - Глава 14. Помощница
  - Глава 15. Тёплая беседа
  - Глава 16. Добро или зло?
  - Глава 17. Ведьма спит, Змеёша летит
  - Глава 18. Братья
  - Глава 19. Да начнётся битва!
  - Глава 20. Закон сказки
  - Глава 21. Хранительница и спасительница
  - Глава 22. Тайна пророчества
  - Глава 23. Кто здесь главный?

- Глава 24. Дорога не дальняя, но о-о-очень далёкая
- Глава 25. Картина
- Глава 26. Герои не сдаются!
- Глава 27. Ползком за правдой
- Глава 28. Как Маша сказку спасала
- Глава 29. Полный порядок и свадебный дурдом
- Глава 30. Сказка в жизни

Эмили Рут
Сказка в отпуске

Глава 1. Сказка в сказке

– Прости, что так долго.

– Нестрашно, зато теперь мы вместе навечно.

– Ну столько я вряд ли продержусь, а до старости, пожалуйста. Только я тебе не понравлюсь сморщенной старухой со вставной челюстью.

– С удовольствием подам тебе эту самую челюсть.

– Да? И водичкой ополоснёшь?

– И тряпочкой протру.

(Из летописи Яги Виевны)

Любая сказка подчиняется трём законам. Во-первых, герой всегда храбрый. Во-вторых, добро побеждает зло. И в-третьих, история заканчивается свадьбой. Так всегда думала я, Маша, но… Впрочем начнём по порядку. Нет. Лучше с предостережения.

Никогда! Слышите? Никогда не принимайте горящую путёвку из рук незнакомца! Даже если о Таиланде мечтали, но финансы не позволяли, а парень, отдающий безвозмездно билет (на сколько там тысяч?), красавец, каких поискать. Как там говорят? Ни в сказке сказать, ни пером описать? Так вот конкретно этого парня я могу описать во всех красках, а могу непечатным языком с большим количеством неприличных слов. Попадись мне этот добродетель, убью… Нет, сначала утащу в свой мир и заставлю работать в Макдональдсе, питаться тем, что не продал, ездить на работу два часа на электричке, потом час трястись в автобусе, собирая все пробки, как бусины на нитку. А жить в захудалом домике с прогнившей крышей. Пусть помучается!

А я однажды ночью приду и... нет, в кровать с ним не лягу, прибью на месте. Хотя он невероятно симпатичный: всё при нём – глаза голубые, как я люблю, волосы золотистые и волнами, телосложение не хлипкое и не перекачанное. В общем сила есть, спорт любит – это невооружённым глазом видно.

Когда успела разглядеть? Так у Дома Книги, где он подошёл весь такой сказочный и предложил путёвку, сказал, будто любовь настоящая

его спасёт, ну а для начала отправится в Таиланд. Я-то не смекнула, что парень с придурью. Первый год после универа, первый отпуск на работе: расслабленная, счастливая, чуть-чуть пьяненькая после встречи с подругой, да ещё и воодушевлённая тёплым летом. Такая погода между прочим в Питере бывает нечасто. Да и паренёк – мечта.

В общем, ни о чем не подумала и сразу согласилась. Таиланд за чужой счёт? Да это же чудо! Сказка! Вот только теперь мне эта сказка задаром не нужна. Домой хочу! До-мой! Но кто ж меня отпустит?

Вот и сижу я теперь в темнице у чёрта на куличиках, вернее у бабы Яги, но это неважно. Жду, когда все вокруг перестанут считать, будто я та самая девица, чьим предназначением является спасение того самого красавца из рук какой-то там ведьмы. Ага, мама из Инстаграма, паренёк-то принцем оказался, но мне как-то по барабану его титул. Всё равно прибью, как только доберусь. И Яге этой костлявой объясняю, что задушу их расчудесного мальчика, а она не верит, говорит я сама ещё ничего не поняла. Конечно, не поняла! Я много чего не поняла!

Во-первых, каким образом, сев в электричку до Мги (коллега на пару деньков на дачу приглашала), я оказалась перед воротами дворца? Спасибо, хоть с рюкзаком, правда моя одежда здесь не одобряется, но мне фиолетово, другой у меня нет. А ходить в том, что принято у местных я не стану. Вы помните мультик Золушка? Советский? Так вот здесь все девушки ходят в платьях героини. А нам говорили, что оно эксклюзивное – наврала фея-крёстная, ох, наврала.

Ещё я не понимаю, каким образом Яга узнала, что я избранная? У меня что, на лбу написано? Да я самая обыкновенная девушка, недавно окончившая педагогический! Родители обычные, профессии приличные, сама я не пью, не курю, матом не ругаюсь, точнее не ругалась до этого самого дня, когда из ворот дворца меня стражники не потащили к королю – отцу моего вроде как будущего мужа. Но это они все убеждены, будто я принца спасу и замуж выскочу, а я никуда не собираюсь. Домой – да, а замуж – нет. Не ходила, не хочу и даже не мечтаю. Нет, не то, чтобы не мечтаю, мечтаю, конечно, но лет через пять, а пока погулять хочу. Я собиралась китайский учить, по миру поездить. И самое главное: вернуться в родной городок и гордо пройти мимо девчонок. Те говорили, что после смерти мамы я отрепьем останусь – отец-то на воспитание забил и бабке сдал, а она у меня

старенькая болезненная. Кстати, я ей обещала разных мазей заграничных привезти. Интересно, здесь что-то такое продаётся? Надо будет у Яги узнать.

Пройду возле окон Светки или Аськи вся такая модная, красивая, образованная и даже слова им не скажу. Только дипломом красного цвета перед носом посвечу и обратно в Питер уеду. Пять лет об этом мечтаю. Нет, уже шесть. Так что дел у меня невпроворот. И да, мне ещё кота надо завести. Мечта такая с детства. У мамы аллергия была, отец животных ненавидел, а бабушке лишние рты ни к чему. Ей меня-то прокормить удалось с трудом. Если бы я фасовщицей не подрабатывала, то, наверно, мы бы совсем плохо жили. А так ничего: школьное платье за три года я всего один раз перешивала.

Теперь живу одна, комнату снимаю. Квартирантка добрая и котов любит. В общем, как я уже сказала, дел у меня много и времени спасать всяких красавцев нет, а вот минутка, чтобы разобраться, почему именно меня сюда забрали, всегда найдётся. Я же ну совсем обычная, на принцессу не похожа. Худосочная, как говорит моя бабка, невысокая, лицо обыкновенное. Я внешностью не горжусь, по возможности особо не свечусь и услышать сравнение с какой-нибудь голливудской красавицей не мечтаю. Да и разве красота это главное? Конечно, нет.

Эх, сказала, а сама-то всегда парней по одёжке встречала. Я вообще на облик людей обращаю пристальное внимание. Вот и на Ягу эту я долго пялилась, в уме рисуя план преображения. Нет, ну ходит она в таких тряпках – мама не горюй. Ужас!

– Что там ужас? Так принято, – прозвучало над левым ухом. Я нехотя отвернулась от скатерти-самобранки, которой всё это рассказывала и тяжело вздохнула, глядя в водянисто-зелёные глаза старухи.

– Бабушка, подслушивать неприлично.

– Ты громко разговариваешь, Машенька. А я тебе не бабушка, а Яга Виевна.

– Ну да, помню, вы же дочь того самого Вия. По какой там… мифологии?

– Древнеславянской.

– Ага, мама из Инстаграма, а я, вроде как будущая ваша принцесса.

– Ты давай не ругайся тут! Маму она вспоминает…

– Это выражение такое.

– Выражение… Ты, Машенька, наша будущая королева.

– А нынешняя уже померла?

– Нет, но скоро.

– Какая вы добрая…

– Это не я, это пророчество. А ты – наше спасение.

– А не шли бы вы лесом, Яга Виевна? Не хотите выпускать из башни, так хоть дайте уважаемой скатёрочке поплакаться.

– Плакаться незачем и не груби мне, а то... – Яга задумалась, – сварить тебя не могу, обидеть тоже, живая ты нужна, невредимая.

– Ха! Тогда оставьте меня наедине со скатёрочкой. Я ей ещё не всё рассказала.

– Обидеть не могу, – ухмыльнулась Яга, – а заставить работать – очень даже. У меня в избе давно не прибрано, Степаныча надо выгулять, обед сварить. Не всё же самобранку эксплуатировать? Она тоже отдохнуть желает.

– Какие вы слова умные знаете… Эксплуатировать. А понятие рабство? Удержание в неволе вам знакомо?

– Я добра тебе, Машенька, желаю. Ты сама ещё ничего не понимаешь, а я на путь истинный наставляю.

– Да ладно!

– Не злись.

– Отпустите, а? А то я тут в вашей башне такое устрою… По кирпичикам разберу. Оно вам надо?

Яга вздохнула:

– Башня заговорённая, неразборная. Так что давай, прекращай сопли гонять и готовься к работе. Волосы свои заплети. Нечего ими на пол сыпать. Джинсы эти заморские сними. Стыдоба какая. Платье в углу лежит. Надень. Должно подойти по размеру.

– Я ваши тряпки не надену. Не хотите смотреть на мои джинсы – отпустите домой.

– Ой, капризная ты, Машенька. И какая из тебя выйдет королева… не знаю. Я пойду котёл поставлю, вернусь скоро.

– Ва-ва-рить кого-то будете? – я с трудом сглотнула, представляя все прочитанные сюжеты о Яге и её «вкусных» блюдах.

– Ты совсем дурная? – уточнила старуха, – кого я по-твоему варить собралась?

– Че-человека, – неуверенно ответила я.

– Люди у нас не водятся, а зайцев и белок много. Вот попробуешь мой суп, так тебя за уши потом не оттащишь. Добавки попросишь.

– Не уверена.

– Вот увидишь, Машенька, мои блюда все в округе ценят. Даже король.

– И что, не отравился?

– Тьфу на тебя, глупая! Волосы прибери, скоро вернусь.

Дверь захлопнулась, а я в печали повернулась к самобранке и продолжила своё заунывное вещание.

Никогда не гуляйте у Дома Книги, если пьяны настолько, что, покупая одно единственное мороженое, рассчитываетесь, как за десять, а потом убегаете от тётки, протягивающей вам сдачу. Потому как, не купи я это самое мороженое, золотое, мама из Инстаграма… не стояла бы и не раздумывала, как оплатить проезд в метро. В этот-то момент и появился принц, о чём я тогда, безусловно, не догадывалась. Ну, парень, улыбка такая, что не улыбнуться в ответ невозможно, но знала бы, какой бедой обойдётся мне эта встреча, мчалась бы без оглядки и быстрее любого транспорта прямо до дома. А там бы заперлась на замок, заставила дверь мебелью и спряталась под кроватью. На всякий случай.

Эх, мама из Инстаграма, повернуть бы время вспять, но Яга, та, что Виевна убеждает: такого не бывает – время никому не подвластно. А жаль, я-то думала, в сказках всё возможно.

В общем, как вы понимаете, я никуда не убежала, взяла путёвку, поблагодарила щедрого красавца и поехала домой. А на утро сообразила, что полёт в Таиланд и вся эта история с красавцем выглядят чересчур странно. Собрала рюкзачок и на электричку.

Пассажиры мило улыбались, прямо-таки искрились радостью. Это тогда я подумала, что искрятся они от чувств, а на самом деле мы дружно светились волшебством. Уж не знаю, куда попали остальные, а я очутилась здесь.

Почему я?! В наказание, что ли? Так я же не пью, а тут повод был – с подругой сто лет не виделись. Утрирую, конечно, года два, но

тянулись они как целый век. Анька в Москву с родителями переехала, ну и общение наше свелось к скайпу и телефону.

А если дело не в моём весёлом состоянии, тогда в чём? Я же, мама из Инстаграма, безгрешна! Котиков за хвосты не таскала, бабочек не убивала. Да я даже универ не прогуливала! Ну… один раз. Но исключительно по уважительной причине – парня в армию провожала, а он, кобель, не оценил, явился на место сбора с блондинкой. А на меня только мельком взглянул и руками развёл, этими самыми, что за талию блондинку обнимали. Это я позднее узнала о его постоянных изменах. Он, оказывается, любил меня по чётным дням, а её по нечётным. Говорю же, кобель… Но я не мстила, СМСок слезливых не присылала, кудри блондинистые не вырывала, просто пожелала им счастливой, но бедной жизни. Счастье-то не в деньгах, правда? Так что я почти ангел.

Ещё есть вариант, что я попала сюда потому, что рыжая. Вернее, была такой на момент встречи с принцем. Пошутила я над подругой: клялась, что никогда не покрашу волосы, а тут явилась рыжая. Анька чуть в обморок не грохнулась. Она-то мной гордилась и всем рассказывала, что я такая прекрасная-распрекрасная борюсь за естественность и не гонюсь за модой.

Стаканчик вина и ловкое движение руки: я вновь трясу каштановыми кудрями, а подруга смотрит с уважением.

– Молодец, Маш. Береги то, что дала природа, – улыбается Анька, и мы пьём за мою естественность и её идеальный блонд, подаренный Лореалем. – Ты крутая. И парик прикольный. И не ведёшься на рекламу и тренды, а я… – вздыхает подруга, – не могу без перемен.

Так, может, принц меня за ведьму принял? Или все ведьмы попадают после хм… избытка алкоголя в другой мир? Других объяснений я придумать не могу, потому что повторюсь я совершенно, до скукоты обычная. Работаю в начальной школе, живу в съёмной квартире, закупаюсь в «Пятёрочке», имя у меня простое – Маша, а фамилия странная – Сказка. Вот и попала Сказка в сказку. Ну не из-за фамилии же, мама из Инстаграма?

– Фамилия у тебя красивая, но как выйдешь за принца, всё равно поменяешь, – в дверях показалась Яга. – Пойдём, работка ждёт. Что зря время тратить? Самобранка только готовить всяко-разное умеет, а разговора с ней никогда не получится.

– И почему же? – хмуро поинтересовалась я. – Сейчас я поплачусь, а потом настанет её очередь. Думаете, у многоуважаемой скатёрочки причин для горя не найдётся?

– Найдётся, конечно же. Скатерть нашу часто обижают. Просят небывалые блюда, а она о них никогда и не слышала. Вот роллы – это что такое?

– А я ей сейчас объясню. А кто тут ролы просил?

– Бессмертный, – хмыкнула Яга, – искал тебя, а нашёл ролы.

Видимо по лицу стало ясно, что я зависла, поскольку старуха прислонилась к косяку и так по-доброму пояснила:

– Принц Бессмертного посылал. Поручил ему тебя в наш мир перевести, но бабник этот взял да за какой-то девчонкой увязался, да так там и остался среди людей. А дед его печалится. Жаль старого.

– К-кощея? – уточнила я, туго соображая, когда у того сын или тем более внук появился. В сказках ничего такого не было.

– Почему же Кощея? – удивилась Яга, – тот давно помер. Ваня какой-то иглу сломал. А отец его Коща горюет без внука. Но Рощу не вернуть. Влюбился до смерти.

– Кто? Кощей?

– Ты меня слушаешь? Говорю, Кощей давно помер, Коща хочет вернуть Рощу. Что непонятного?

– Какую рощу?

Яга руками всплеснула:

– Ну ты непутёвая… Ладно. Вникать тебе не обязательно. В общем, Роща увлёкся какой-то блондинкой, а затем в армию ушёл, вернулся и женился на той самой блондинке, а про указ принца забыл. Ясно?

Я искренне покачала головой, а затем воскликнула:

– А-а-а! Так тот кобель из вашей сказки?

Настала пора недоумевать Яге:

– Какой кобель? Псов за тобой никто не посылал. Только Рощу, бабника юного.

– Всё, я поняла, – выдохнула, потому как мне и правда полегчало. Неприятно ощущать себя тупицей, а с этим Кощеевским родом чувствовала себя полной идиоткой.

– Славненько. А теперь идём. Степаныча выгуляешь.

– Подождите! Может, скатёрочка с нами хочет? Давайте её спросим.

– Хоть спрашивай, хоть не спрашивай, она не ответит, – вздохнула Виевна.

– Почему?

– Немая она с сотворения. Наколдовать её наколдовали, а речью наделить позабыли.

– А-а-а, – протянула я, – ну, извини, скатёрочка. Потом договорим. Не скучай.

– Я тебе ленту принесла. Волосы завяжи и идём.

Вздохнула, кое-как сделала хвост: с колтунами, но какая разница? И поплелась за Ягой. Не хотелось, конечно, но в прошлый раз я до того наотказывалась помогать старой, что она взяла и пошептала чего-то. А после этого я до ночи не могла присесть. Будто геморрой в одном месте, а может, это он и был. Я ведь вообще-то тут уже целых три дня. Так что, ладно так и быть, уважу Ягу. По-быстрому выгуляю Степаныча, пыль в углы смету и вернусь в место своего заточения. Буду дальше плакаться скатёрочке, а заодно разрабатывать план побега.

– И куда побежишь? Вокруг лес, болото, а дальше Тридесятое царство. Меня все знают и любят, о тебе тоже наслышаны. Любой схватит и обратно вернёт. Нам же всем надо, чтобы ты принца спасла.

– Мама из Инстаграма! Вы мысли читаете?!

– Редко. Но как тут не прочитать, когда ты с таким хитрым лицом стоишь? Кстати, что стоишь? Двигай за мной в избу! И пыль убирай, как следует, а то я тебя, Машенька заколдую.

– Ух, боюсь, – проворчала я, но на всякий случай послушно зашагала.

Тридцать три ступени, башня позади, и перед нами возникла живописная поляна. Трава всевозможных оттенков зелёного прятала ромашки и синие лютики. Тут и там лучи солнца пересекали лепестки, подбираясь к добротной избушке цвета молочного шоколада, с резным окошком, узорчатой крышей и куриными ножками в белую полоску. Избушка буквально искрилась светом.

– Это отец твоего будущего мужа расстарался, – с нежностью пояснила Яга, – он мне ещё и рассаду подарил для огурцов да

баклажанов. Через месяц начну высаживать. Пока не время, – добавила, улыбаясь.

– А с чего вас так любят? – с подозрением спросила я.

– Так я же баба Яга! Яга Виевна. Отчего меня не любить?

– Ну да. Это естественно всё объясняет.

– А что непонятного? Наш род почитают.

– Странная какая-то сказка, – пробубнила я.

– Правдивая.

– Да? Что-то не верится.

– А ты много правды о сказках знаешь? Молчишь. То-то и оно.

– Яга Виевна, а раз вас так уважают, так может скажете, что с избранницей ошибочка вышла, и я домой?

– Машенька, Машенька… – покачала головой старуха, – принц рисковал, сам в человеческий мир за тобой отправился, а ты спасти его не хочешь. Не стыдно? Муж всё-таки будущий, а ты сбежать хочешь.

– Да не выйду я за него! – скрестила руки на груди прямо перед дверью в избушку.

– Выйдешь, – строго сказала старуха.

– Нет! И не заставите! И внутрь не пойду!

– Входи! – гаркнула старая, – а то сейчас как… – договорить не успела.

Выбежал Степаныч да как вцепится в мои волосы. Что тут начало-о-ось. Я ору на Степаныча, Яга орёт на меня, а Степаныч просто орёт. Он сами, видите ли, испугался. С горем пополам старуха оттащила его от меня и принялась убаюкивать. Его! Не меня! Этот зверь мне волосы повыдергивал! А жалеют его!

– Ай-я-яй, у Степаныча стресс, – зацокала языком старуха.

– Это у меня стресс! – возмутилась я.

– Ты ему не нравишься, – выдала Яга, – но гулять с ним всё равно придётся.

– Ну и логика у вас, Яга Виевна, мама из Инстаграма… С ума можно сойти!

– Не доверяет он тебе, и это неудивительно. Ты ж сбежать мечтаешь, глазками коварно поглядываешь в небо. Никак, метлу угнать задумала? Ты это брось! – пальцем пригрозила.

О метле я не думала, вообще-то просто птиц искала. Интересно, какие они здесь? Я же так ни одной за три дня и не увидела. Но на ус

намотала. Идея с метлой любопытная.

– Даже не думай! – нахмурилась Яга.

– Даже не думаю.

– Сейчас поводок вынесу, – и скрылась в избе вместе со Степанычем.

Тут бы мне бежать, да? Ан нет. Старуха что-то пошептала, пока я в небо пялилась, и ножки мои в кедах любимых белоснежных, купленных не абы, где, а в крутом магазине, приклеились к полу. Намертво.

– На, – протянула Яга поводок, – только к болотам не ходите. Степаныча потом часами отмывать, хотя места там особо топкие он очень любит. В общем, Машенька, я предупредила, если что – мыть будешь сама и, ох, как намучаешься...

– А может, и не надо его выгуливать? – сделала слабую попытку я избежать работёнки, опасливо косясь в сторону Степаныча, – он и так уже на воздухе. Посидит немного и считай погулял. Ну, а если этого мало, так пусть у открытого окошка побудет, а?

– Ой, непутёвая ты, непутёвая… Где ж это видано держать зверя в четырёх стенах? Он же свободолюбивый, как ты не поймешь?

– Что-то я вашей логики не пойму. Если он не может жить в неволе, зачем тогда вы его в избе держите? Отпустите на свободу и всё.

– Да как же я его отпущу? Он же мне как внучок! Эх, не понимаешь ты ничего… – махнула рукой.

– Так вам просто ску-у-учно, – улыбнулась я. – А давайте я вам кино покажу! На телефоне.

– Насмотрелась я ваших кино – зрение посадила. Хотела кота? Иди выгуливай, – вручила Степаныча и хлопнула дверью.

– Но он не кот! – захныкала я, чувствуя, как острые когти впиваются в руку.

Яга проигнорировала. Из трубы повалил дым, и я, наученная трёхдневным опытом поняла, что лучше мне идти гулять. Яга то начала сердиться. Чем это чревато спросите вы? Не знаю и знать не хочу. Достаточно мне и того, как старуха по-доброму в прошлый раз одарила меня геморроем – я всё же думаю, это он был. Так что ладно, ноги отлипли, Степаныч смотрит зло, но вроде кусать не собирается, пойду. Погуляю. Ну и осмотрюсь заодно получше. Может, что-то

упустила из виду, и тут где-нибудь найдётся портал или магический клубок, или хоть что-то, способное вывести меня из этой дурацкой сказки.

– К болоту не ходи! – гаркнули мне из окошка.

Я промолчала, а про себя решила: вот принципиально попрусь именно туда – назло старой. И Степаныча помою, если надо – тоже назло. Что я, зверей не мыла? Мыла, знаете ли. Кошек, собак, хомяков и ежа. Да-да, колючего, совершенно не подходящего на роль домашнего зверька, но безумно милого. Подруга моя, Анька, та самая, с которой мы в тот злополучный день встречались, любительница всякой живности со времён школы. Кого у неё только не было! И пушистые кошки, и лысые; собаки от карманных до монстроподобных, вроде того же дога – пёс Марик был, конечно, симпатяжкой, но крушил всё вокруг, пугая своим неудержимым, хотя и добродушным нравом не меньше веса в сорок килограммов, и это при моих-то сорока восьми. Рассказывать, скольких трудов и литров пота мне стоило искупать этого зверя?

А до этого, классе так в пятом у Аньки был попугай: обычный волнистый, но вредный до жути. Клювом своим мне в руку постоянно тыкал и причём больно так, иногда до крови. Так вот, водные процедуры эта птица не любила ужасно, а вот пачкаться – очень даже: как выпустят по квартире полетать, а делали это часто, так обязательно в гуашь залезет, пока Анька рисует. Она у нас художница и не от слова «худо»: такие картинки создаёт – залюбуешься. Как-то раз она мой портрет взялась писать, так вышло лучше, чем в жизни: внешность симпатичнее, взгляд такой с поволокой. В общем, талант.

Но зверьё своё мыть просила этот талант меня. Я когда попугая отмывала, любителя красок, чтоб его, мама из Инстаграма… все матерные слова вспомнила, даже тех, которых не знала, а вы знаете, я не матерюсь, а если и сквернословлю, то в особо затруднительных жизненных ситуациях. Так что выкупать Степаныча для меня не угроза. Пусть Яга не надеется: таким меня не испугаешь.

Так что поводок в руку, подбородок выше, гордый взгляд в неизведанную даль и вперёд на болото. Может, дело не только в Степаныче и старуха что-то скрывает? А вдруг, там дорога в мир людей, и поэтому старая меня отговаривает? Надо бы проверить. А ты, недокот, чего уставился? Улыбаешься, радуешься… Ну, пойдём,

поглядим, что там за топь такая. Только я туда не ради тебя иду, слышишь?

Зверь кивнул, будто понял и пустился со всех лап, ну а я следом. Эй, стой! Степаныч, мы на марафонный бег не договаривались! Но у того похоже совсем снесло крышу: он обогнул дерево, а я чуть не врезалась в сосну, перепрыгнул яму, а я в неё свалилась, ну а дальше волок меня этот чёртов зверь со своим чёртовым поводком прямо по земле.

Ну ничего, Степаныч, вот доберёмся до болота – утоплю, обещаю!

Глава 2. Чудеса и не только болотные

Желание утопить меня не отпускало ещё долго. Мы со Степанычем уже давно сидели на срубленной берёзе, отряхиваясь от грязи: я от прилипшей земли, листиков и каких-то явно непростых веточек, липнущих к моим многострадальным, теперь уже слегка порванным джинсам, а он от той гадости, в которой измазюкался, пока ловил не то скунса, не то вонючего енота. Ни на одного из конкретно этих животных данное существо особо не походило, а другие в моей памяти и близко не стояли с тушкой, зажатой в клыках Степаныча.

Нет, кто бы что ни говорил, а сказочный мир здесь какой-то не сказочный. Только что мимо пробежал заяц. Я готова была поклясться, что это именно он, пока тот не повернулся спиной. Крылья! У лопоухого оказались настоящие кожистые крылья! Будто он украл их у большой летучей мыши и принарядился для бала-маскарада. А может, так оно и есть? Я на самом деле не в сказке, а во сне? Или меня не по-детски лихорадит, и такие вот галлюцинации посещают несчастную, не до конца отошедшую от алкоголя голову? Сейчас зазвучит классическая музыка, и как подобает на балу ко мне выйдет прекрасный принц. Но не тот, которого я якобы должна спасти – другой, и мы закружимся под шёлковым шатром неба в танце нежности и гармонии с природой.

Но нет, похоже, никто ко мне не спешит. Музыка отсутствует, значит, маскарад или отменяется, или вовсе не ожидается.

Чмок, ням-ням.

Как бы там ни было, а скажу вам одно: больше никакого вина. Сладкое, сухое – любое под запретом. Где бы я сейчас ни находилась, а сознание моё явно не в порядке.

Ням-чмок.

Потому как иначе объяснить, что за зверь Степаныч, и что он ест, причмокивая от удовольствия, я не могу. И почему дерево под моей пятой точкой вибрирует тоже.

А болото? С ним-то что? Я прямо сейчас на него смотрю и искренне недоумеваю: почему прозрачную голубую водицу назвали болотом? Вы помните, как они выглядят, эти болота? Вот и я помню.

Это места с тёмно-зелёной блестящей или почти чёрной водой. Одним своим видом они заманивают людей и животных. На их поверхности обильно растут камыши. Если болота расположены на полянах, то вокруг высокая трава. В самой воде должны быть кувшинки и кубышки.

Вот такими предстают пугающие и вызывающие любопытство топкие места каждому из нас ещё со школьной скамьи. Здесь же ничего хоть отдалённо похожего. Мало того, что вода прозрачная, и сквозь неё я вижу дно, усыпанное ракушками, между прочим, что уже само по себе странно: не море ведь тут, ну да ладно, если сказка, то, наверно, можно. Так никаких кувшинок или их подобия! На ближайшем берегу, где, собственно, я и сижу, цветут высоченные розы цвета… неприятного такого цвета. Чтобы вам было понятнее, предлагаю вспомнить обкаканный подгузник и смешать цвет его содержимого с соплями. Мерзость, верно?

Вот и я морщусь. Цветами такое великолепие язык назвать не поворачивается. Видимо, поэтому прямо на одном из них висит ленточка с текстом: *Цветы. Розы ведьмавяжские. Цвет: неопределённо-противный.*

А то без объяснения не догадаться, мама из Инстаграма… Я-то, естественно, решила, что это розы сорта флорибунда. Что же ещё?

Но, похоже, что я не одна, кто не способен сразу определить вид этого распрекрасного цветка. Даже удивительно…

Но ладно, поёрничали и хватит.

Ням-ням.

Да подавись ты уже, Степаныч! Нет, не давись. Пошутила. Зло пошутила, согласна. Мёртвый ты, Степаныч, мне точно домой не поможешь вернуться, а так… я тут подумала… есть надежда, хотя и мизерная, что Яга поглядит, как я хорошо с тобой обращаюсь и согласится ну, например… исполнить моё желание. А там уж я выкручусь и обхитрю её да так, что она и сама будет рада сплавить меня в родной мир.

– Яга Виевна – не фея, – пробулькало откуда-то из воды. И со стороны противоположного берега, усыпанного клыкастыми ромашками и такими же лютиками, вылезло нечто.

Знаете, за три дня мне не довелось увидеть особых чудес. Ну, камушки у башни иногда сами дорогу мне преграждали, когда я

присматривалась к окошку, соображая смогу ли в него пролезть, заранее понимая – не смогу, но помечтать хотелось. Я же ну никак не могла бы поместиться в ту щёлочку, что мне любезно предоставили в месте заточения. Безусловно, я девушка худая, даже стройная, по мнению коллег и детишек. Бабка, у которой я снимаю комнату мне каждое утро говорит, что на вешалке и то лучше смотрится одежда, чем на мне. Но поместиться в «окошке», названном так, явно издеваясь над пленницами, увы, не сумею, даже втянув и без того отсутствующий живот, а заодно, вжав щёки и попу. Так что камушки старались зря. Каким бы ни было сильным моё желание сбежать из башни, а обдумывать приходилось иной способ. И ничего путного в мысли пока не приходило.

А других чудес, не считая геморроя силой то ли мысли этой проклятой Яги, то ли её колдовства, увидеть мне так и не довелось. Но, похоже, сегодняшний день решил восполнить предыдущие, сбагрив всевозможные волшебные прибамбасы разом на мою несчастную голову. Видимо, удивляться мне ещё долго, ведь вылезшая из воды субстанция, иначе обозвать это что-то, обтекающее зелёной жижей и осыпающееся ракушками, я не могу, на моих широко распахнутых от удивления глазах вдруг начала преображаться, обрастая сначала травой и кувшинками, а затем и шляпой, очень напоминающей зелёную широкополую ковбойскую, но прозрачную. Сквозь неё виднелись сучки и тот самый камыш, который и был присущ болотистой местности.

Шляпа немного приподнялась – ровно настолько, чтобы открыть глаза, салатовые с жёлтыми зрачками-бусинами. Они изучающе смотрели на меня, в то время как тонкие пальцы-тростиночки уже тянулись к груди.

– Эй! Уберись отсюда! Нечего лапать!

Монстр рассмеялся. Приблизился. Создание из воды оказалось очень, ну очень миленьким на лицо. Если не брать в расчёт его глаза, то это нечто выглядело весьма и весьма умилительно. По-сказочному так. По-мультяшному. Я легко представила, как оно сейчас запоёт весёлую песенку о своём распрекрасном болоте или начнёт танцевать под аккомпанемент лягушек.

Я в его свите – уж больно те гордо пузырили щёки – насчитала двенадцать. Одна, самая жирная, прыгнула прямо на сосну.

– Забавная ты, наша будущая королева, – улыбнулась лягушка, и я с удивлением узнала голос того, кто сообщил мне, что Яга – не фея.

Не знаю, как эти земноводные улыбаются – никогда не видела и не думала, что они умеют это делать. Но заявляю со всей уверенностью, с той, что ещё сохранилась в моём воспалённом от чудес мозгу, лягушка улыбалась. Без сомнений.

Я икнула.

– Не бойся. Тебя никто не обидит. Ты же нам живая нужна и здоровая, – продолжала лягушка.

– Утешили, – хмыкнула я, переводя взгляд на водное чудо.

– А Тимофей Евграфович не разговаривает.

– К-кто?

– Тот, на кого ты смотришь. Что-то ты не слишком сообразительная.

– Что-то ты слишком болтливая.

– Дерзите, ваше будущее величество?

– Да, мама из Инстаграма. Всегда мечтала надерзить лягушке.

– Где ваша мама?

– Да нигде, – вздохнула я, – выражение такое. Ай, ладно… – махнула рукой.

– Ещё и выражаетесь. Королева так говорить не должна.

– А ты вообще лягушка и должна только квакать!

Та снова улыбнулась. Тимофей Евграфович вновь рассмеялся. Дерево подо мной вздыбилось и пошло крупной рябью. Я невольно спрыгнула не менее резво, чем лягушка-болтушка и оказалась у соседней сосны. Обхватив ствол руками, я смотрела как то, что секунду назад находилось под моей пятой точкой, начало приподниматься, словно вырастая прямо из-под земли, отряхиваться и превращаться в такого же Тимофея Евграфовича, только состоящего из веточек и коры. Вместо ковбойской шляпы новый персонаж этой донельзя странной сказки носил кепку. Вполне такую человеческую.

В общем и в целом, существо выглядело ещё более странно, чем водный монстр и его наглая земноводная с бородавками.

– Королева здесь, – улыбнулось нечто, подняв голову и открывая моему взору очень привлекательное деревянное лицо. Наверно, представь я родственника Буратино, нафантазировала именно таким.

– Недалёкая королева у нас будет, – фыркнула лягушка, прыгая на плечо к водному Тимофею.

– Недалёкая? – деревянный задумался, а потом просветлел и добавил: – Так она же из мира людей. Наш для неё в новинку. Она, может, и не понимает ничего. Не соображает пока. Но это временно. Пророчество не лжёт.

– Да какое такое пророчество? Меня спросили, хочу ли я быть в вашем мире? Оно мне надо?

– Не сердись. Зла вокруг и без того хватает. Ты, давай, Машенька, присядь, и мы поговорим.

– Ну уж нет. Спасибо. Я присяду, а потом опять кто-нибудь вылезет?

Засмеялись все трое.

– Ой, Машенька, ты и правда ничего не знаешь. Вот это дерево – это просто дерево. Садись, не бойся. Не оживёт. Оно давно мёртвое.

– На трупах сидеть?! Ещё чего не хватало!

– Отпусти сосну и садись вот на то. Оно тоже обычное.

– Мёртвое?

– Просто дерево.

– Да отпусти ты сосну, тьфу на тебя, а не королева…

– Отстань, лягушка, без тебя разберусь.

– Машенька, лягушек не обижай. Они очень нам помогают. А деревце отпусти. Душно ему. Присядь, успокойся.

Я ослабила хватку:

– Оно… тоже сейчас заговорит?

– Нет. Оно просто дерево, но я же дух. Я всё чувствую. Боль каждого деревца, листика, веточки, земельки, полянки, травинки, кусточка. Больших и маленьких, высоких и низких. Старых и молодых…

– Да поняла я, поняла, – перебила болтуна, присаживаясь на указанное место, – всех слышите, понимаете, сочувствуете.

Кивнул.

– Непутёвая, – вновь ляпнула лягушка и получила от меня пока что лишь угрозу в виде кулака, но вообще меня бородавчатая начинала раздражать, о чём я не преминула сообщить деревянному.

– Что она ко мне пристала? Бесит. Я её не трогаю. И сама здесь оказаться не рада… Вот вы все твердите: такая королева вас не

устраивает, так меня это, между прочим, тоже не устраивает! Но и обижает немного – я ведь не хуже любой другой королевы, но и радует. Не хочу я здесь быть. Мне и дома жилось неплохо без всяких там чудес и пророчеств.

– Хочешь, не хочешь, а придётся, – вздохнула лягушка.

И посмотрела на меня так скорбно, что даже мне стало очень и очень грустно, хотя причины грустить я пока не видела. Сказочный мир процветал, пускай и вонючими страшными цветами, так что про себя я решила, что ведьма, околдовавшая принца, не так уж и опасна, и жители вполне могут обойтись без меня.

Хотелось бы верить.

Но когда загрустили оба очаровательных монстра, лёгкий стыд затронул сердце. А может, мне и правда стоит с этой ведьмой переговорить, попросить отпустить принца, и тогда все будут счастливы?

– Машенька… – вклинился в мои мысли деревянный, – я понимаю, тебе нелегко сейчас. Вырвали из привычного мира и требуют действий, но без тебя мы погибнем. Пророчество уже начало сбываться, и если ты откажешься от своей судьбы, то ничего хорошего нам ждать не придётся. Ох, нелегка, Машенька, твоя доля, незавидна, но ведь в конце пути ждёт свадьба с принцем и престол. Ты станешь королевой. Об этом многие девушки мечтают. Богатство, признание, обожание.

– Красивые платья… – мечтательно вздохнула лягушка.

– Ты не сердись на нас. Мы и вправду представляли тебя несколько другой, – продолжал дух. – Думали, ты быстрее освоишься и сразу возьмёшься за спасение, а ты… – вздохнул, –ноешь в башне и мечтаешь о побеге, не понимая, какая честь тебе выпала. Умереть на руках любимого принца, к тому моменту ставшего уже королём – это же чудесная концовка любой сказки!

– Поучительная, – снова встряла лягушка.

– Вы проживёте три года и три дня счастливые, влюблённые. Ты родишь ему наследника, ну а потом закроешь глаза и уснёшь навеки. Молодой король будет тебя оплакивать, грустить, печалиться, но таково пророчество. Потом он займётся воспитанием сына, и все будут счастливы. А тебя он станет вспоминать каждое полнолуние, потому

как именно в это время луна станет приносить твой прекрасный облик…

Бородавчатая кашлянула, бросив на меня оценивающий взгляд, ярче любых эмоций показывающий: прекрасной королевы перед собой не видит. Отвернулась, скрестив лапки, и надула щёки.

Деревянный не успокаивался:

– Облик светлый, окружённый россыпью звёзд, он станет светить усталым путникам и всем нам, жителям, скорбящим о твоей утрате, напоминая, какую цену заплатила замечательная королева, спасая свою единственную любовь и нашу сказку.

Все молчали, словно уже меня похоронили. Ещё и стояли со скорбными лицами. Видимо, заранее.

Лягушка искоса поглядывала, не скрывая грусти, и во взгляде читалось сейчас нечто совсем другое. Не обожание, не обожествление, но что-то, близкое к любви, сопровождаемой глубокой печалью. Деревянный вздыхал, даже не глядя на меня – только в землю. Водный, или как его там, шмыгал носом, уставившись в одну точку. А лицо… Я говорила скорбное? Нет, ошиблась. Лицо было не скорбным, а самым разнесчастным, какое мне только доводилось видеть.

Никакие Хатико, Ромео с Джульеттами и всякие там влюблённые старички не смогли бы сейчас переплюнуть эмоции, царящие вокруг. Вода и та издавала не то бульканье, не то всхлипы. Мне померещилось, будто и земля стала мокрой. Так или нет, точно не знаю, но она однозначно стала скользкой. Тоже меня заранее оплакивает? А нет. Это червяки. И похоже, материализовались прямо из воздуха, потому как раньше их на поверхности не было. Гадость. Ненавижу червяков. К моей несказанной радости, они быстро так, резво поползли прочь и вскоре скрылись из поля зрения. Видимо, пошли готовиться к поминкам.

Кошмар!

Тишина продолжалась, придавливая своим дурацким пророчеством, как могильной плитой. Заранее.

Наконец, ко мне вернулся дар речи. Я вскочила с дерева и завопила так, что перепугалась даже лягушка-болтушка, ловко юркнувшая за массивные ноги водного:

– Да вы что все, обалдели совсем?! Какая к чёрту храбрая гибель? Какой облик? Какое, мама из Инстаграма, пророчество?! Плевать я

хотела на вашу ведьму и предсказание! Я живая и собираюсь жить до старости в родном мире! Ни о каком принце я не мечтала, никого спасать не собираюсь, ценой своей жизни уж точно, и находиться здесь дольше завтрашнего дня тоже! Всё уяснили? Похоронить они меня решили… А спросить, чего я хочу? Зачем мне трон, к чему становиться королевой, если через какие-то три года я умру?

– Три года и три дня, – спокойно поправил дух.

– Да хоть четыре! Я жить собираюсь, а не умирать!

– На руках любимого прекрасного принца, – напомнила лягушка, высовываясь из-за ноги водного.

– Да хоть трижды распрекрасного! Пускай самого прекрасного, самого всеми любимого и обожаемого! Мне всё равно! Я его не люблю, любить не буду и рожать ему сына не хочу! Придумали они тут… Я, мама из Инстаграма, завтра же уберусь прочь из вашей сказки и радуйтесь, если чего плохого не сотворю! А то ваши разговорчики взбесили настолько, что в порыве любви могу цветочки вонючие повыдирать, деревья посрубать и… и… я ещё что-нибудь придумаю, не волнуйтесь.

– В порыве любви? – переспросила бородавчатая.

– Это сарказм, непутёвая! – продолжала орать я. – Кто тут ещё недалёкий? Не понимаешь, когда издеваются. Глупая!

– Неужели на деревья рука поднимется? – тихо переспросил дух. – Они же живые.

– Так и быть их трогать не стану. Мёртвые срублю. Но не ради вас, – я аж брызгала слюной, – а только потому, что сама природу люблю! Я в родном мире даже ёлочку на новый год искусственную ставлю!

– Искусственную – это волшебную? – не поняла лягушка.

– В её мире нет волшебства, – пояснил деревянный. – Она говорит о покупной ели из разных материалов.

– А-а-а.

– Вы что, меня не слышите? Говорю, умирать я не собираюсь! И на пророчество ваше чихать хотела!

– Чихать не надо. Запачкаешь, Машенька, книгу, а это многовековая реликвия. Потом самой же стыдно будет.

– Не будет! И это я в переносном смысле! А-а-а! Достали! Всё, ухожу прямо сейчас!

– И куда пойдёшь? – спокойно поинтересовался дух.

– Куда глаза глядят! – гаркнула я.

– А куда они глядят, Машенька?

– Туда, где нет вас!

И я, правда, пошла. Даже побежала. И Степаныч за мной увязался. Догрыз то, что грыз и припустил следом, поскуливая, похныкивая, короче, издавая непонятные жалостливые звуки.

Я бежала, набирая скорость, перепрыгивая ямы – больше падать не хотелось. Да и джинсы уже порвала. А они у меня любимые. Но, ничего, зашью. Будут модными с заплаткой чуть ниже колена. Лето, тепло. В самый раз. Хотя нет, лучше так оставлю! Пусть кожа дышит! А дырка останется мне воспоминанием об этой дурацкой сказке и моём воинственном побеге, вот! Я, мама из Инстаграма, сейчас доберусь до короля и скажу ему, что если он хочет, чтобы я его дорогого сыночка спасла, то он должен мне позволить позвонить в мой мир. Должны же у них тут быть какие-то способы связи? Как они своих жертв выбирают? А как телефон, или что там мне король предоставит, в руки возьму, так сразу в полицию позвоню! У меня там, между прочим, родственник работает! Дальний, конечно, даже очень. Мы и виделись только раз – на похоронах родителей, но разве он сможет отказать мне в помощи? Я же в беду попала – самую настоящую! Вернее, сказочную, но это неважно. В полиции же все умные, сообразительные. Наверняка, он придумает, как меня вернуть или прямо сюда наряд вышлет. Как я здесь очутилась? Сев в электричку. Значит, надо найти эту электричку и отправиться на ней сюда. Ну а дальше… дальше посмотрим, какая ведьма и как сам сказочный мир устоит перед хранителями закона. У нас все люди боятся полиции! А если и не боятся, то попадаться на глаза лишний раз не стараются, а тут… Произвол! Похищение! Удержание в неволе! Угроза жизни! Да, мама из Инстаграма, целый букет статей. Все сядут! Все пожалеют!

Чмок.

Степаныч, отвяжись! Ты до сих пор жуёшь? А не подавишься? Иди к Яге своей Виевне и скажи, что настанет ей скоро трындец.

Чмо-р-р-р-а-а-а!

Вдруг услышала испуганный голос и увидела, как Степаныча схватил огромный коршун. Да что ж такое-то? А ну брось его! Хотя…

ладно, мне всё равно. Ничего с ним не случится. Это ж Степаныч. Монстрообразный недокот.

Утешая себя этой мыслью, я, продолжала бежать, но чуть медленнее, пересекла какую-то поляну с маленькими домиками и, поняв, что запыхалась и не на шутку устала, остановилась.

Оглядевшись по сторонам, осознала: заблудилась. Я так стремилась убраться подальше от весёлой компашки, что, похоже, оказалась очень далеко от намеченной цели в виде королевства. Точнее сказать, очутилась в той части леса, где до этого не бывала.

За три дня я излазила лес вдоль и поперёк, выгуливая питомца Яги. Это поначалу я отнекивалась, зарабатывая геморрой, а потом начала слушаться старую. Скорее автоматически или даже ошеломлённо, чем из искреннего желания, но так или иначе, а выгуливала я Степаныча исправно, обалдевая от окружающей меня действительности. В состоянии шока, в общем.

Изучить местность не изучила, потому как смотрела поверхностно и неверяще: шутка ли попасть в сказочный мир! Но всё-таки некоторые места запомнила. Так вот тёмно-фиолетовых сосен в моих воспоминаниях не наблюдалось, впрочем, как и поляны с домиками, а ведь там, наверно, Степанычу бы понравилось. Он, вообще-то, зверь игривый, любит по крышам карабкаться, на двери висеть, а тут сразу и крыш несколько, и дверей много. Если я не ошибаюсь, то у каждого домика было по две. Странно, конечно, ну да что здесь не странное, скажите?

Да, Степанычу бы понравилось. Я вздохнула, представив коршуна и монстра, зажатого в его когтях, и стало мне не по себе. Жалко зверя, что ни говори, а он мне уже успел стать не совсем чужим. Не любимец, мама из Инстаграма, но и не враг. Да и участи такой я врагу не пожелаю. А вдруг, этот коршун, взявшийся невесть откуда, поцарапает его? Ранит? Съест вряд ли. Сомневаюсь, что челюсти птицы сумеют переварить «внучка» Яги, но покалечить могут. А я вроде как несу за него ответственность. Сама на болота позвала, хотя старуха запрещала. Выходит, и в его похищении я виновата…

Огляделась по сторонам, загрустила. Совесть грызла. Я прямо чувствовала осуждающие взгляды деревьев и живых, и простых. Слышала, как хмуро перешёптывается поднявшийся ветер.

Ай, ладно! Решила я в конце концов. Сбегу отсюда попозже. А сначала выручу Степаныча. Коснулась ствола мощного дуба, оценила взглядом его ветки и полезла наверх. Да, мама из Инстаграма, когда живёшь в маленьком городке, больше похожим на деревню и воруешь яблоки, потому что твоя бабушка очень их любит, но яблоки дорогие, свой урожай погиб, а тебе хочется её порадовать – научишься не только по деревьям лазать, но и акробатические трюки выполнять. Что я, собственно говоря, в эту минуту и делала. Перелезла с толстой ветки на тонкую и осторожно, балансируя на пружинящей ветке на высоте в пять метров, перепрыгнула на ровную, хотя и узкую площадку, будто предназначенную для ноги человека. Одной, потому что две могли бы поместиться только у ребёнка, а у меня хоть нога и маленькая, но всё же среднестатистическая тридцать седьмого размера. Поэтому пришлось вновь использовать ловкость, стоя на одной ноге и вытянув в стороны руки, ведь держаться за ствол оказалось невозможным. Уж не знаю, что за кора у этих сказочных деревьев, но дубовая скользила. Такое ощущение, будто её смазали подсолнечным маслом, причём именно ту часть, за которую я хотела бы схватиться. Но рук не пачкает – уже хорошо.

В общем, чувствуя себя человеком, вообразившим, что он обезьянка, я сделала глубокий вдох, надеясь не навернуться вниз, и начала усиленно всматриваться в темнеющие верхушки.

Коршуна заметила сразу. Тот, к моему счастливому удивлению, летел медленно, неторопливо. Я бы даже сказала, он совершал прогулку, уверенный в том, что ни его, ни его добыче ничто не угрожает. Но я-то прям сердцем почувствовала страх Степаныча и ощутила бестолковые метания птицы. За несколько минут наблюдения до меня дошло: коршун не выгуливал своё крылатое тело. Он просто-напросто заплутал в небе! Да-да, это дико, невероятно. Нелепо! Но птица летала по квадрату: от одного тёмного дерева к другому, от того к третьему и к четвёртому, возвращаясь в центр с трясущимся Степанычем в когтях. Коршун очень так по-человечески вздыхал.

Мне и его-то стало жаль. ЧуднАя сказка, совсем чуднАя. Ну, да ладно, каким бы ни был странным этот мир, а я хоть знаю, как спасти питомца Яги и, пожалуй… помочь птице.

Знаете, у меня в кармане всегда лежит конфетка. Не то, чтобы я была жуткой сладкоежкой, но иметь при себе что-то сладкое считаю

правильным. Во-первых, глюкоза хорошо помогает справиться со стрессом и волнением. Во-вторых, заесть горечь и обиду. В-третьих… а в-третьих, никогда не знаешь, в какой ситуации тебе пригодится блестящая обёртка.

Нет, коршун, безусловно, не сорока и вряд ли его привлечёт какая-то там конфета, но если и не привлечёт, как добыча, то, вполне возможно, а в сказке этого тем более нельзя отрицать, отвлечёт на пару мгновений, пока я буду спасать Степаныча.

С таким вот вяленьким планом действий я вынула из кармана конфету, оказавшуюся очень маленькой. Н-да, мама из Инстаграма, в прошлый раз у меня была сладость побольше, а эта… Да эта даже меньше барбариски! Как птица её увидит? Вздохнула, мечтая о том, как из воздуха появляется конфета в разы побольше, и тут она действительно появилась. Не из воздуха – из дупла. С соседнего дерева вылезла белка… слон? И потащила в мою сторону громадную сладость.

Ни я, ни пушистая, большеухая дотащить её куда надо не смогли бы, потому, словно почувствовав наши трудности, с других деревьев повыскакивали разные зверомонстры и принялись перетаскивать конфету на мою ветку, которая, внимание! Неожиданно прямо на глазах окрепла, превратившись в массивную широкую, с лёгкостью способную при надобности уместить не только меня, но и весь мой первый класс, а заодно и родительский комитет.

В общем, не успевая поражаться происходящему, я с помощью разного зверья, подняла конфету повыше, правда руки чуть не отвалились: тяжёлая, мама из Инстаграма, даже слишком, и начала махать ею из стороны в сторону, привлекая внимание коршуна.

Тому, хоть бы что, тогда я принялась кричать – звала птицу, рассказывая о том, какая у меня тут вкуснятина из золотой рыбки. Ну да, обёртка золотая, значит, и врать буду про золотую рыбку.

Наконец, попытки так с шестой дозваться коршуна и моего двадцатого проклятия в адрес тупой птицы, крылатое тело пустилось мне навстречу. Белко-монстры и прочие с решительными мордами окружили меня, явно не собираясь бросать в битве, и я впервые за все три дня подумала, что, возможно, этот мир не так уж и плох. В конце концов, добрые существа и здесь нашлись, а это, согласитесь, приятно.

Коршун летел, Степаныч дрожал и вроде плакал, я сама тряслась от страха, потому как дальнейшего плана по спасению питомца у меня не было.

– Всё хорошо, – вдруг пропищал сидящий рядом недобарсук-недолев, и я… поверила.

Глава 3. Триста тринадцатая королева

Поверить поверила, а решительности этот факт ну никак не прибавил, потому как я совершенно не понимала, что делать дальше. Коршун летел, не стремительно, но так или иначе приближался, хотя мне за эти бесконечные две минуты (это я потом от того же барсука-льва узнала) казалось, будто прошли и заново начались все три сезона года. Почему? Не только из-за времени-жвачки, но и по причине природных изменений.

Небо надо мной успело трижды осыпаться градом, два раза дождём, один – снежными хлопьями и ещё раза четыре мокрой кашей. Последнее явление страшно напоминало привычную зиму в родном Питере, невольно вызывая тоску по любимому городу и вообще людям. Здесь, как говорила Яга Виевна, человек не водится, а жаль. Я бы с удовольствием поглядела на того счастливчика, что умудрится не сойти с ума от происходящего мракобесия. А иначе этот дурдом я назвать не могу. Мне и самой казалось, ещё чуть-чуть, и сознание помашет ручкой, пожелав мне весёлой и нескучной жизни в психушке.

Ладно все эти чудеса с непонятными зверомонстрами да прочими существами! Но с природой-то что?! Небо спятило, земля то покрывалась ледяной коркой, то благоухала цветами. Секунда, и она расстилала осенний ковёр или сверкала глубокими лужами.

Деревья вокруг старели и молодели, теряя листву и вновь преображаясь. И мало того, мама из Инстаграма… Кора меняла цвета! Дуб, на котором я стояла, мигал, как светофор, пугая ядрёно-красным, неоново-жёлтым и каким-то прям потусторонним зелёным!

В жизни я не видела подобного издевательства над деревьями, а тут, словно кто-то нарочно обливал краской стволы, не решаясь остановиться на одном цвете.

Между тем, пока я, изумляясь переменам, хлопала глазами, окружавшее зверьё начало издавать воинствующие звуки. Проклятая птица с несчастным Степанычем оказались достаточно близко, и… ворох пушистых, мохнатых, зубастых, клыкастых существ полетел на коршуна.

Уж не знаю каким таким образом или, скорее, чудом, но мне удалось не только выстоять в этой зверино-птичьей потасовке, но и хорошенько приложить птицу конфетой по голове. Коршун выпустил добычу, зло сверкнул в мою сторону глазами и бросился прочь, легко таща в клюве новое сокровище – золотое. Раза в два больше собственного тела. Я честно хотела предупредить, что внутри нет никакой рыбы, но передумала. Пусть лучше летит куда подальше и с конфетой, чем с питомцем Яги. А сладость я белке, или кто там её из дупла вытащил, верну. Обязательно. Куплю другую, ведь наверняка в этом мире есть магазины, ну или ларьки на худой конец. Так что можно сказать, обошлись без потерь.

– Две минуты смотреть на коршуна и не терять решимости. Молодец, королева, – поклонился недолев.

– Я не… – начала и осеклась, напоровшись на взгляды, полные обожания. Знаете, бывают взгляды такие колючие-колючие, когда невольно чувствуешь дискомфорт, даже, если человек при этом молчит. А бывают, как эти, похожие на патоку. Только от них становится так сладко и скользко, что… что в общем неловко. Никогда не мечтала о всемирной славе, любви, раболепстве. Не представляла себя актрисой, певицей, писателем и уж тем более королевой, поэтому сейчас внутри меня боролись сразу два желания: спрятаться, прикрывшись живым ковром из зверомонстров, сидящих у ног, или трусливо спрыгнуть на нижнюю ветку, а оттуда сползти по стволу (как вы помните, он не такой, как в обычном мире – скользкий) и быстренько так рвануть куда-нибудь подальше от этих восхищённых морд.

Страшно, честно. Не вниз спускаться, а видеть, как на тебя реагируют непонятные зверушки.

– Подумаешь… – услышала я знакомое кваканье и вздохнула с облегчением. Не могу сказать, что мне сильно понравилась лягушка из свиты водного, но бородавчатая хотя бы смотрела на меня по-простому.

Глянула на землю, а там уже знакомый мне дух леса.

– Машенька, ты не бойся. Я тебе помогу, – прислонился к дубу и что-то прошептал. Бам. Дерево потеряло в размерах, опустив меня прямо к деревянному. Не успела я опомниться, как сверху прямо на плечо приземлился Степаныч. Спрыгнул монстр, не побоялся. И

вонзил в мою кожу свои когти. Ух, я бы сейчас из него, мама из Инстаграма, котлет наделала… Нет! Лучше сразу на жаркое!

– Мне же больно!

– Машенька, все царапины я залечу. Степаныч перепугался. Смотри, он тебя благодарит.

– Благодарит? – меня перекосило. – Если зелёные слюни рекой считаются благодарностью, тогда я не желаю, чтобы меня благодарили. Достаточно банального спасибо. Вот же… Теперь ещё и одежду стирать. Фу! Воняет!

– Какая-то ты брезгливая, будущая королева. И Степаныча обижаешь.

– Какая есть.

– Она… замечательная… – услышали мы сверху. Подняли головы на вновь выросшее дерево, а там по веткам, как в кинозале расселись зверомонстры и стали жевать, что попало, наблюдая за мной. С тем же, чтоб его, мама из Инстаграма, обожанием.

– Замеча-а-ательная, замеча-а-ательная, – проворчала лягушка, – замечательная бы сразу спасла Степаныча, а эта раздумывала. Помните предыдущую? Вот та была хорошей.

– Ты это сейчас о чём? – перевела я заинтересованный взгляд на бородавчатую. – Какая такая предыдущая?

– Машенька, мы тебе всё расскажем. Давай отойдём в стороночку. И Степанычу надо отвлечься. А то из-за стресса может заболеть.

– Как бы у вас не случился стресс! Рассказывайте!

– Грубая ты, будущая королева, хотя… – лягушка важно надула щёки, – не факт, что ты станешь королевой. Ой, не факт. Мало ли что.

– Угрожаешь?! – присела на корточки и ткнула в грудь земноводной. – Да я тебя, мама из Инстаграма, одной рукой на соседнее болото заброшу. Век будешь искать своего водного!

– Ещё и злая ты.

– Машенька, пойдём.

– А с каких это пор мы на «ты»? С королевами разве так разговаривают?

– Машенька, довольно, – произнёс деревянный.

Степаныч перестал меня слюнявить и вдруг цапнул по щеке: не больно. Но обидно.

– Эй! Монстр!

– Характер, – озвучил то ли мои, то ли его действия недолев.

– Это очень важно, – добавил его сосед, смутно так напоминающий жирафа.

– И всё-таки, Машенька, я предлагаю всем успокоиться и побеседовать. Даже Степаныч тебя об этом просит.

– Так это он так просит?! – продолжала я вскипать, направляя свой гнев теперь уже на духа.

– В общем попрыгала я отсюда, – сообщила бородавчатая. – Жду вас у домиков.

– Эй! Я с тобой не договорила!

Земноводная ускакала, а мне стало жуть, как неприятно. Никогда меня ещё так не обрывали в порыве злости. Мне же высказаться надо! А тут мало того, что незнакомка, так ещё и лягушка! Сказать, что я бесилась – это значит ничего не сказать. Такого неуважения к эмоционально разошедшейся личности я ещё не встречала.

– Да это бестактно – уходить, не договорив! То есть упрыгать… Ускакать! – бросила я вслед. Затем увидела, как дух леса качает головой, Степаныч спрыгивает с плеча и по-прежнему дрожа, но в меньшей степени, смотрит на деревянного, явно чего-то ожидая.

– Идём, – сказал тот и поманил зверя. Монстр кивнул и поплёлся рядом. Ну, и мне ничего не оставалось, как последовать за ними. В конце концов, разговор с бородавчатой у меня ещё не закончен, да и поговорить начистоту с деревянным тоже не помешало бы.

***

Лягушка обнаружилась у одного из тех самых домиков с несколькими дверями. Заметив меня, она отвернулась, как будто я её чем-то обидела! Но и мне эти фокусы не по нраву, поэтому решив не обращать внимание на земноводную, я примостилась на земле возле самого дальнего домика, чувствуя себя при этом великаншей.

Бирюзовая дверь была в половину меньше моей ступни, окошки я могла бы закрыть своими ладонями, а каркас, имевший все эти лилипутские детали, легко уместился бы в портфеле любого моего первоклассника. Знаете, сколько они учебников, тетрадей и прочих школьных вещиц таскают? Ужас.

Я вам честно скажу: нельзя так издеваться над детьми. Нагрузка и психологическая, и физическая зашкаливает. А детство, оно когда же? Уйдёт ведь безвозвратно! А что ребята вспомнят? Как зубрили с

десяток предметов и выполняли задания до ночи, а потом тащили тяжеленный и ненавистный рюкзак в школу?

Возможно, я утрирую. Даже, скорее, всего так и есть. Но невольно сравнивая программу нынешних лет с годами собственной учёбы, действительно, прихожу в замешательство. И кого государство выращивает? Но что-то я сильно отвлеклась.

К чему это всё… Рюкзаки у моих ребят огромные, и каждый с лёгкостью вместит в себя один, а то и сразу два домика. Кстати, тот, у которого сидит лягушка, намного меньше остальных: всего на голову выше бородавчатой. А вот крыши у всех строений огромные, совершенно не соразмерные с самими строениями. Чтобы стало понятнее, представьте себе куб сорок на сорок сантиметров и сверху на нём очень широкую, раза в два шире куба, длинную красочную доску. Вот такой странный домик и получается. Почему я решила, что плоская поверхность – это крыша? А чем же ещё это может быть в сумасшедшем мире?

Нет, варианты, безусловно, есть. Например, вертолётная площадка – кто знает, не заменяют ли здесь птиц летательными машинами, ведь кроме коршуна я так ни одной и не увидела. Может, здесь перемещаются на игрушечных самолётиках и вертолётиках. Ещё могу предположить, что это место для роллеров. А что, ровная поверхность для обучения – самое то. Сначала учишься ехать по прямой, а затем уже выделываешься, демонстрируя всякие трюки перед теми же жителями домиков. Этакое представление от гиганта и крупнейшее землетрясение в одном флаконе. А почему бы и нет? От этой недосказки можно всего ожидать.

Звучит странно? Согласна. Но от нехватки фантазии я никогда не страдала и, наверно, по этой причине пошла работать в школу: нравится придумывать разные поделки и расширять горизонты ребятишек. Краски, вата, пластилин, любая крупа, да даже макароны, блёстки, нитки, гофрированная бумага, пуговицы, зубочистки и ватные палочки: да сотворить чудо можно из чего угодно! Мы знаете каких Смешариков создали к Новому году? Все обзавидовались! Коллеги утверждали, что такого количества оригинальных работ на класс они ещё в жизни не видели, а повидали они немало за свой-то стаж в десяток лет минимум. Я в коллективе одна из самых молодых была.

И родители с детками так расстарались… Как вспомню, так плакать хочется от умиления и гордости. Всё-таки хорошо, когда родители есть, время находится, и какие-то там просьбы учителя слепить Нюшу из подручных материалов не кажутся глупостью.

Но я снова отвлеклась. Что-то частенько меня уводит от главной проблемы. Скучаю. Да. Я, мама из Инстаграма, очень скучаю по работе, по классу. Питеру… Так, теперь совсем печально стало. Когда же я домой вернусь? Нет. Нельзя вешать нос. Поговорю с духом, всё разузнаю, Степаныча к Яге отведу и… наутёк. Хватит. Засиделась непонятно где со всякими там лягушками. Кстати, бородавчатая на меня даже не смотрит. А на крышу дома, возле которого я грущу, очень даже. Будто увидела что-то интересное.

Мне и самой стало любопытно. Повернула голову, а там Степаныч собственной персоной карабкается наверх по задней стенке. Крыша или нет – доска в бирюзовый цветочек, но улёгся монстр на ней по-хозяйски, вытянув одну переднюю конечность в сторону, а другую, свесив прямо на окошко.

Не представляю каким волшебством держится зданьице, но ни скрипа, ни треска, ни намёка на крушение чьей-то жилплощади я пока не услышала.

– Его любимое место, – сообщил деревянный, вздыхая и подсаживаясь рядом. Что-то пошептал, пальцами-тростиночками в воздухе над рукой поводил, и следы на коже от когтей Степаныча исчезли.

– Спасибо, – произнесла я тихо.

Дух улыбнулся:

– Яга Виевна постоянно с ним тут гуляет, да и… прочие тоже.

– Прочие… понятно.

– Машенька, Степаныч ведь, хоть и необычное существо, но игривое, как любой маленький питомец. А здесь ему хорошо: лазает по крышам, иногда с феями играет, а порой… – указал наверх, – просто отдыхает. Говорят, что на этих домиках приходят только хорошие сны, – чуть тише добавил: – Лечебные, Машенька.

– Значит, всё-таки крыши…

– Конечно. А ты о чём подумала?

– Да так, неважно. Слегка пофантазировала.

Дух улыбнулся:

– Фантазия в нашем случае – это замечательно. В этом мире без неё не выжить.

– Да, я уже поняла, что законы у вас тут суровые. А что там с предыдущей королевой приключилось, расскажете?

Деревянный привстал, коснулся Степаныча, погладил и сел обратно:

– Пусть пока от стресса отдохнёт, успокоится, а мы с тобой, Машенька, побеседуем, конечно, но... Ты храбро сражалась с коршуном, не подвела, однако твои нервы расшатались чуток. Может… сначала тоже поспишь?

– Я? Нет, спасибо. Лучше о королеве послушаю.

– Ну смотри, Машенька, я же вижу, ты загрустила. Одежду свою заморскую мнёшь –волнуешься, значит. А здесь феи тебе помогут. Подарят немножко добрых снов, зарядят верой в лучшее.

Я прищурилась и внимательно посмотрела прямо в орехово-зелёные глаза:

– А вы, случаем, не увиливаете от темы, а, уважаемый дух леса?

– Подловила, Машенька. Хочу подготовить тебя к правде, но, похоже, что с твоим характером, мне этого сделать не удастся. Ты в любом случае всё разузнаешь, не от меня, так от кого другого, когда снова бежать соберёшься.

– Соберусь, – не стала я отрицать. – Мне же здесь, ну правда, делать нечего. Не мой мир, не мои, простите, проблемы. И спасать я никого не собираюсь.

– А Степаныча спасла, – напомнил деревянный.

– Да это как-то, – замялась, – в общем-то само собой вышло. И конфета громадная, и звери. На самом деле я до сих пор не могу понять, почему всё получилось. Идея-то была дурацкой.

Хмыкнул:

– Вы все так говорите, но от предназначения не уйдёшь.

– Опять вы об этом. Дайте мне хоть почитать это ваше страшное пророчество. Может, вы чего-то не так поняли? А я разберусь и окажется, что все проблемы решаются значительно проще? Я, между прочим, прекрасно латынь знаю.

– Оно не на латыни, Машенька, а на нашем, древнесказочном, но прочесть его тебе, конечно, Яга Виевна поможет. Только вряд ли это тебе самой чем-то услужит. Всё равно, как должно быть, так и будет.

– Так и будет, – пробурчала лягушка, запрыгивая на колени к духу, – и как бы ты, наша будущая королева, не отнекивалась, а спасать нас тебе всё же придётся. Мы, может, тоже не слишком-то рады такому пророчеству, но против него ничего не сделаешь. Остаётся только смириться.

– Люсенька, не надо. Ты бы с Машенькой помягче.

– Вот и познакомились, Люся…

Зелёная надменно вскинула мордочку.

Я придвинулась к духу:

– Если я вам так не нравлюсь, так помогите мне вернуться к людям. Ну его это пророчество! Обещаю, что-нибудь придумаю. Например… Схватила за веточки деревянного. – Я поговорю с ведьмой и сделаю так, чтобы она этого вашего распрекрасного принца отпустила, расколдовала или что вам конкретно нужно? Хотите, я помогу их личную жизнь обустроить?

– Кого? – не поняла бородавчатая.

– Его и её. Найду жениха ведьме и невесту принцу. Будет у вас самая красивая королева, и заживёте счастливо. А если личная жизнь у ведьмы наладится, так, мама из Инстаграма, она же не захочет зло творить, верно? Вот. Хэппи-энд.

Какое-то время сохранялась глубокая и очень нервирующая тишина. Я слышала, как мурчит Степаныч, оказывается, он умеет это делать, внутри домиков что-то попискивает и вроде как перемещается. Мне померещилось, будто занавески на окошке, закрытом звериной лапой, с шелестом отодвинулись. Но я не уверена.

– Ну, так что? Права я? Идея же отличная! Давайте сделаем по-моему, а? – я даже руки в умоляющем жесте сложила. – Не молчите. Сами подумаете, как всё выйдет здорово. Это же, мама из Инстаграма, решение всех трудностей!

– Машенька, Машенька… – покачал головой дух и вдруг склонил голову так низко, что упёрся козырьком кепки в землю. Лягушка прытко соскочила с колен. – И почему с вами, людьми, так непросто? Хоть одна бы порадовалась, что такая честь выпала, а вы все готовы что угодно сделать, лишь бы со злом не бороться. Печально…

– Да она трусливая, – вякнула лягушка и получила от меня уничтожающий взгляд.

Вредина какая…

– Наверняка, понимает, что не справится, – продолжала бородавчатая, – а я думаю, она вообще сдастся намного раньше остальных, поэтому-то и домой просится. Стыдно ей, – и фыркнула, вызвав во мне приступ ненависти. Я представила, как лягушка пойдёт на коронное блюдо в одном из питерских ресторанов, и чуть-чуть успокоилась.

– Машенька не из трусливых, – заметил деревянный, поднимая голову, – и от предыдущих королев отличается заметной сообразительностью. Ты не права, Люсенька, на её счёт. Ей просто время нужно.

– Но его у нас нет! – взвизгнула лягушка.

Тот промолчал. И снова тишина.

А я готова поклясться, что за окошком кто-то был. Шуршание усилилось. Похоже, за нами наблюдали. Об этом попыталась намекнуть духу леса. Жестами. А он не только понял, но и ни капли не удивился. Лягушка тоже не выглядела даже озадаченной. Видимо, в неведении пребывала только я. Степанычу вообще было всё равно: он продолжал сопеть, не реагируя на звуки, а те, между прочим, неожиданно ворвались в тишину, заставив меня насторожиться.

– Что это? – подскочила и принялась озираться по сторонам.

– Машенька, не бойся, всё хорошо.

– Трусиха, а не будущая королева, – фыркнула лягушка. И тут на поляну вышла компания из пяти зверомонстров. В битве с коршуном они не участвовали, а жаль. С такими помощниками никакой враг был бы не страшен. Лапищи громадные, тело великанье, рёв, пугающий и оглушающий. А были эти существа – медведями. Обыкновенными, чему я несказанно удивилась.

– Наша будущая королева, – сказал тот, что шёл впереди. Поклонился. Тоже сделали и остальные.

Я смутилась. Впервые передо мной землю целуют, а медведи, поражая своей гибкостью, склонились, как говорится, в три погибели.

– Приветствую вас, – продолжал главный зверь. – Разрешите выразить благодарность за вашу отвагу и доброе сердце. Ваша жертва не будет забыта. Мы будем помнить о вас, и каждое полнолуние посвящать песни, как только луна явит ваш прекрасный светлый облик. В благодарность примите скромные дары: два горшочка мёда из

облепихи, один гречишный и немного варенья из шишек. – Закончил речь, лапой приказывая медведям поднести угощения.

И снова я готова была оказаться где угодно, лишь бы не видеть, как животные демонстрируют своё крайне радушное отношение. И ведь спасать же придётся… А то и правда, стыдно. Ко мне со всей душой, а я… Сглотнула, понимая, медведи чего-то ждут, потому как замерли, а голову поднял вообще только главный. Другие же поставили дары мне под ноги и снова склонились, чтоб их, мама из Инстаграма... Ну нельзя же так бессовестно давить на человека!

– Машенька, ответьте, – шепнул мне на ухо деревянный.

– Они ничего не спрашивали, – ответила так же тихо.

– Непутёвая… – вставила свои пять копеек лягушка, – неужели не понимаешь?

Я до сих пор не до конца отошла от шока и поэтому честно помотала головой.

– Она благодарит за прекрасные подарки, – произнёс дух леса. – Наша будущая королева не сомневается в ваших словах и счастлива, что после смерти вы сложите песни в её честь.

– Стоп! – мне всё же удалось справиться с удивлением и я, наконец, осознала происходящее. – Мёд я люблю, варенье тоже, правда из шишек никогда не пробовала, но не прочь узнать, какое оно на вкус. Но! – подняла палец вверх. – Умирать я в ближайшее время не собираюсь! За угощения, конечно, спасибо. БОЛЬШОЕ спасибо, – выделила я первое слово и, на всякий случай, отвесила поклон, как в русских сказках, увиденных в далёком детстве ещё по телевизору без жидкокристаллического экрана. Продолжила: – Но повторюсь, уходить с этого света не планирую. Из вашего мира в свой – да, с удовольствием. А отправляться к родителям – нет.

– А где твои родители? – поинтересовалась земноводная.

– И кто тут непутёвый… – пробурчала я, но пояснила. – Мама умерла, когда я маленькой была. Отец отказался от воспитания, скинул на бабку, и сам года два-три назад того. А другие родственники, – зачем-то продолжила я, – все живы, но видимся мы только, так уж получается, что на похоронах. Сначала на маминых, потом на отцовских. А больше и не встречались.

– Это правильно, – сказал главный медведь.

Я едва не подавилась слюной, исходя на ароматный мёд из явно неслучайно приоткрытого горшочка. Мало того, что соблазнить меня хотят. Подкупить. Так ещё издеваются над моим горем!

– Что значит правильно? – вскипела я. – Разве терять близких – это правильно?

– Да, – невозмутимо ответил тот.

Я открыла рот и забыла его закрыть.

– Машенька, – коснулся моей руки деревянный, – Потап Потапыч не то имел ввиду. Вы – люди очень чувствительные, а он говорил всего лишь о пророчестве. Не бери близко к сердцу. Так должно быть.

– Ну вас лесом! – скрестила руки на груди, – надоели со своим нелепым пророчеством! Тема с моей кончиной закрыта!

– Мы всё уладим, – дух кивнул медведю.

– Триста тринадцатая, но всё туда же, а ведь сказано. А… – зверь махнул лапой, и вместе с дружками также шумно, как явился, двинул прочь.

Я вопросительно уставилась на деревянного:

– Не поняла. Это сейчас было обо мне? Я, что, у вас тут триста тринадцатая королева?

Кивнул.

– Ого, мама из Инстаграма…

– Будущая королева, – поправила лягушка.

– Машенька, сейчас всё объясню. Пускай, ты и не первая…

– И даже не сотая, – перебила я.

– Но в пророчестве сказано, что именно ты – особенная. Мы все в тебя верим.

– Я не верю, – хмыкнула бородавчатая, и мне очень захотелось пнуть её в родное болото.

– Не слушай. Люсенька тоже верит. Она первая, увидев тебя у дворцовых ворот, сказала, что теперь наш мир будет спасён.

– А теперь передумала… – проворчала лягушка.

Деревянный продолжил:

– Машенька, Яга Виевна ведь тоже в тебе не сомневается. Она нам все уши прожужжала про твой боевой характер и исключительность. Рассказала, как ты сидишь в башне и как светишься.

– Чего?

– Светишься, Машенька. Ты ещё этого не осознала, но у тебя особенная душа – светлая. Сказочная, если тебе, как человеку, так понятнее.

Я молча хлопала глазами.

– Ты бы, Машенька, всё-таки послушала, что я говорю. Мне уже сколько тысяч лет – я много разного знаю и тех, кому предначертано стать королевами повидал. Всех. Но ты – не такая.

С минуту он молчал, изучая взглядом, а я, опомнившись, воскликнула:

– Это вы подмазываетесь, что ли, мама из Инстаграма? Особенная… душа сказочная… бла-бла-бла. Не знаете каким образом заставить меня помереть?

– Машенька, мы не желаем твоей смерти: ни я, ни Люсенька, ни кто-либо другой, кроме… – задумался, – ведьмы, пожалуй. Но мы тебя в обиду не дадим. У нас одно желание: спасти принца и сделать мир прежним. А твоя смерть – это лишь правильный исход, благодаря которому зло будет повержено.

– А знаете, что, добрый дух леса, только и болтающий о моей кончине, я согласна повергнуть это ваше зло. Но сделаю это по-своему. По-человечески. А заодно докажу вам и всем остальным, что свою судьбу вершите вы сами, а не какие-то там древние писюльки.

– Пророчеству сотни лет, – заметила лягушка.

– Отлично, значит, оно давно устарело. А мы с вами живём здесь и сейчас. – Я хитро сверкнула глазами, как это делала всегда, когда ещё в школе придумывала какую-нибудь шалость. Да, например, противной географичке я иногда устраивала каверзы. Нет, ну правда! Она заслуживала разлитых красок в сумке и намыленных очков. Эта грымза смеялась над моим внешним видом, потому что, видите ли, я ходила в старой одежде! А ничего, что меня воспитывала бабушка, а её пенсии с трудом хватало на еду? Так что за поступки тех лет мне не стыдно. – В общем, – громко заявила я, оглядывая духа с лягушкой, – пора шагнуть в современность, а не слушать всякие там предсказания. Но… про других королев мне послушать любопытно. Рассказывайте. Может, послушав, я пойму, с чего начать изменения.

– Хорошо, Машенька, – вздохнул деревянный и начал рассказ. – В нашем мире, в Тридесятом царстве жили-были царь с царицей...

Глава 4. Все беды от скуки

– Жили-жили, не тужили, да только скучали. Войн в царстве давно не было: всех злых существ сослали на другие земли, а Змеи Горынычи не атаковали, предпочитая по-тихому красть бедных девушек и делать их своими служанками. О любви чешуйчатые даже не помышляли, потому как на роду у них у всех написано: быть злобными, вредными и одинокими. Ах да, грязнулями они росли страшными, – сообщил деревянный мне факт, не показавшийся особо занимательным. Но, как оказалось, зря. – Поэтому – продолжал дух леса, – чистоту заставляли наводить девушек из бедных семей и меняли тех часто. Каждую неделю одна уходила, а другую в своих лапах приносил Змей: для того, чтобы никто не подумал, будто Горынычи держат кого-то в рабстве. Это, Машенька, у нас всегда строго запрещалось.

– Запрещалось… – со вздохом повторила лягушка.

– А так типа работа, – хмыкнула я. – Но зачем грязнулям чистота?

– От пыли все болезни, – пояснил дух. – А лечить чешуйчатых непросто. Не каждый травник за это возьмётся.

Я кивнула:

– Ну а дальше?

– А дальше, Машенька, вернёмся к царю с царицей. О Горынычах мы ещё вспомним. Каждый день проходил одинаково, раздражая своей скукой. Царицу с царём ничто не радовало: шутки казались несмешными, забавы незабавными, слухи неинтересными, все сказки уже знакомыми. И в один не самый прекрасный де…

– Им тоже рассказывали сказки? – бесцеремонно перебила я. – Взрослым правителям?! Зачем?

– Непутёвая…

– Люсенька, тише. Затем, Машенька, что в любом возрасте хочется окунуться в волшебство.

– Так ваш мир и так волшебный.

– Волшебства много не бывает, – вздохнул деревянный и продолжил: – В один не самый прекрасный день…

– Вы это уже говорили.

– Я повторяю. В один не самый…

– А перейти к сути побыстрее никак нельзя?

Лягушка фыркнула.

Дух леса заметил:

– Машенька, у каждого свои привычки. Мне привычно рассказывать обстоятельно, поэтому, если хочешь узнать историю, слушай.

Я закатила глаза. В эту минуту дух леса очень напоминал Аньку: та тоже, если начинала говорить, то так подробно, что я теряла нить разговора. Но ладно. Попробую вникнуть.

– В один не самый прекрасный день, когда шёл дождь и от того пришлось повременить с уличными прятками.

– Царь играл в прятки?!

Деревянный смерил взглядом, полным укора.

– Ладно, поняла. Молчу.

– Царь с царицей совсем загрустили. «Города» и никакие другие словесные игры их не развлекали, гадания тоже, и тогда царица предложила начать войну.

– Что? Я ослышалась?

– Нет, глупая, – ответила бородавчатая. – Не перебивай и слушай дальше.

– Война предполагалась ненастоящая, Машенька, так, для развлечения. Царь согласился. Долго не думали – решили пойти на Горынычей, потому как других врагов поблизости не было. Как только земля подсохла, послали отряд к пещерам. И сами поехали. А дальше, Машенька, начинается то, что и положило начало проклятию.

– Я заинтригована.

– Между Змеями и царём имелся уговор: первые крадут только у бедняков, даже не посматривая в сторону царской дочери – красавицы, в которую все поголовно влюблялись, а правитель в свою очередь улаживает конфликты с семьями, куда девушки возвращаются несколько иными.

– То есть? – я нахмурилась, предвкушая жуткое признание, и на нервах открыла забытую баночку с угощением.

– То есть, Машенька, после встречи с Горынычами немногие сохраняли рассудок. К счастью для них, безумство длилось месяц, два. К несчастью, за это время большинство женихов, друзей и даже

некоторые из родственников, хоть и знали о сроке помешательства, отворачивались от бывших служанок, нередко выгоняя тех из дома.

– Ужас какой…

– Царь затем ссылал несчастных в другие сказки, где те умирали.

Я поперхнулась мёдом, который осторожно пробовала ложечкой, появившейся своевременно, хоть и неожиданно из воздуха.

– И перерождались, Машенька. Что-то ты побледнела.

– Они все на этом месте бледнеют, – заметила лягушка, – а треть в обморок падает.

– Удивительно… – пробормотала я.

– Четверть давится, – добавила земноводная.

Я отложила угощение, облизнула губы:

– Как же так, я не понимаю?

– В нашем мире, Машенька, никто не умирает взаправду. Девушки, попадая в другие сказки, становятся красивыми цветами, деревьями. Иногда журчащей речкой или каким-нибудь существом, обязательно помогающим добру в борьбе со злом.

– Вроде яблоньки из «Гусей-лебедей»?

– Ты верно поняла.

Лягушка вздохнула, да так грустно, словно лично одну такую яблоню знала.

Деревянный продолжил:

– Это своего рода, Машенька, было извинением перед девушками за то, что всё закончилось таким вот образом. Ты, например, тоже не умрёшь. Переродишься в небо, и твой облик…

– Будет являться вам в полнолуние и бла-бла-бла. Знаю-знаю. Но помирать не собираюсь. Дальше-то, что было?

– Предугадать события в сказке можно, да не все, поэтому случившееся стало для царя с царицей неожиданностью. Шутка шуткой, забава забавой, а бой в пещере был и, хотя оружие использовалось игрушечное: мечи из дерева да латы из коры осиновой, горе пришло настоящее.

Я снова лопала мёд, потому как ну очень интересно сюжет разворачивался и, конечно, волновалась. А когда я волновалась, то всегда ела. Как, наверно, и большинство женщин. А тут ещё и мёд вкусный. Прям невероятный какой-то. Знают медведи толк в

угощениях. Правда, непонятно, как они его в горшочки укладывали… Неужели сами?

Дух леса тем временем вещал:

– Дочь царская жениха от отца с матерью укрывала-укрывала, а тут… познакомились.

– Так там?.. Да ла-а-адно… Или я чего-то не поняла?

– Говорю же, непутёвая.

– Люсенька, а ты вспомни, как другие реагировали.

– Не верили? – предположила я.

– Не угадала, Машенька. Переспрашивали.

– Раз по двадцать, непутёвые...

– Ладно, мама из Инстаграма, попробую отличиться и продолжу сама.

Деревянный с лягушкой уставились с любопытством.

– В общем, – начала я, – оказалось, что влюбилась царская дочь в одного из Горынычей. Уж не знаю каким образом она запала на огромного ящера, но это не моё дело. А потом… Раз уж случилось настоящее горе, наверно, кто-то из отряда случайно убил её возлюбленного.

– Сообразительная нашлась… – проворчала земноводная.

– Верно, Машенька, – вздохнул деревянный. – По случайности сам царь уничтожил Змея.

– Но как? Мечи же деревянные! – я стукнула липкой ложкой по горшочку.

– А магия настоящая.

– Какая магия?!

– Скучающий царь нередко использовал знания травников для того, чтобы игра стала интереснее. В тот раз он использовал заклинание пыли. – Замолчал, вздохнул. Взгрустнул.

– Пыли… – продолжать я смогла лишь после паузы. Для кого-то она могла выглядеть театрально, для меня же была мыслительно-собирательной. – Пыли... – Я не удержалась от вздоха. – Это обращение живого в пыль, да? Вроде: развейся враг проклятый в пыль, да пусть унесёт тебя ветер с глаз моих долой!

– Хорошая интерпретация. Яркая. Но нет, Машенька. Пыль – это то, что на мебели скапливается, на полу и…

– Сейчас во дворце, – вставила бородавчатая.

– Да. Ведьма порядок не любит, убираться ненавидит, а слуг всех выгнала. Пребывает сейчас дворец в пыли. Тебя, Машенька, дожидается.

– Вот это новость. Я это… как бы тоже не люблю убираться.

– Тебе и не придётся. Слуг вернёшь, они сами всё сделают. Но сначала надо принца спасти и ведьму выгнать.

– Подальше, – добавила лягушка.

– А лучше уничтожить, – заметил добрый дух леса.

– Ладно, разберёмся. Дальше рассказывайте.

– Пыль, как ты помнишь, Машенька, вызывает у Горынычей болезни, а этому совсем не повезло. У него оказалась аллергия. Как вокруг всё заполонило серой грязью, как он начал несчастный чихать, так и чихал до тех пор, пока не сдох.

И тут бы должна состояться трагическая пауза. Но я заржала. Не как истинная леди: красиво, мелодично и тонко. А как лошадь: громко и с чувством. Да простит меня Горыныч, но более нелепую смерть представить сложно.

– Машенька, Машенька…

– Ну простите, не сдержалась, – я закрыла рот ладонями, глубоко вдохнула. – Так, а проклятие причём? – спросила, наконец, справившись с эмоциями.

– Дочка царская, – тихо продолжил деревянный, – возненавидела отца и…

– Красиво нырнула в пропасть?

– Тоже мне будущая королева… Это не смешно, вам так не кажется?

Я смолкла, осознав, что, наверно, и правда, перегнула палку. Но после эпичной гибели в пыли очень хотелось добавить чёрного юмора. Мне показалось, он в тему. Но судя по недовольным лицам, ошиблась.

– Прошу прощения. Молчу.

Бородавчатая снова фыркнула, дух леса покачал головой:

– Дочка царская возненавидела отца и обратилась к злой колдунье: потребовала наказания, а та и рада. Предложила обмен: она наказывает царя, а дочь его взамен соглашается на вечное служение.

– И она что, согласилась? – искренне изумилась я. – Помогать злой колдунье, да ещё и вечно?

Деревянный медленно закивал.

– Подождите, – нахмурилась, смекнув, что всё как-то не так. – А как же царевна должна была вечно помогать, если она рано или поздно того: глазки закроет и не проснётся? Или это как-то связано с перерождением?

– Верно, Машенька, но не совсем. Царская дочь согласилась, но на деле же обманула колдунью. В ночь, когда она должна была поступить на службу, прислала вместо себя одну из бедных девушек. Рассказывают, стояла страшная темень, колдунья не разглядела в молчаливом силуэте самозванку: платье такое же, волосы длинные, золотое украшение на груди сверкало, вот и приняла она девушку за царскую дочку. Что-то там пошептала, поколдовала, водичкой побрызгала, и задеревенела несчастная, став посохом цвета чёрного, ночи темнее. Колдунья обрадовалась, потому как особые свойства в царской крови имелись, а значит и посох становился особенным, и…

– Подождите! – вновь перебила. – Какие ещё такие свойства?

– Нетерпеливая… А ты догадайся!

– Люсенька, тише. Откуда ей знать? Кровь царская, Машенька, обладает светом привлекательности. Говорят так. Сам не знаю, но склонен верить, потому как каждая девушка из царской семьи отличается лицом своим да так, что сотни женихов бегут к ней свататься.

– Э-э-э…

– А ты посуди сама. Сказки ты читала? Знаешь, из-за принцесс разных всегда рыцари воюют, драконы их похищают, да много всего происходит лишь потому, что они прекрасны.

– Ну, – подумав немного, согласилась. – В принципе, я об этом ни разу не задумывалась, но вариант неплохой. По крайней мере, он объясняет сюжеты многих сказок. Хотя… По-моему, на принцессах чаще женятся из-за желания отхапать полцарства. Разве нет?

– Меркантильная… – пробубнила земноводная. – Ох, вряд ли ты королевой станешь с такими-то рассуждениями. Придётся нам, видимо, новую искать.

– Подожди, Люсенька, суждения суждениями, а от пророчества не уйдёшь. И пока всё происходит так, как и предсказано.

– Так уж всё? – я сощурила глаза.

– Конечно. Родителей у тебя нет, сбежать пытаешься, Степаныча спасла, на дуб залезла, конфетой птицу побила. Имелись и другие

варианты, но ты выбрала тот, который подходил содержимому кармана.

– А?

– Не поняла, Машенька? Ну ничего. В пророчестве сказано, – дух набрал в лёгкие побольше воздуха и произнёс голосом, каким озвучивают рекламы голливудских фильмов, той части, где псевдоэпичные битвы. – И отобьёт она Чудо-Юдо силами своими, на сказочные возможности помноженными. Сунет руку в карман за оружием грозным, а зверомонстры это оружие во сто крат увеличат ради спасения Чуда из лап злобных.

Казалось бы, пора перестать удивляться, но у меня не получалось.

– Так-то, Машенька, – улыбнулся.

А мне стало как-то не по себе. Сглотнула, подозрительно косясь на горшочек мёда.

– Дары, я так понимаю… тоже в пророчестве прописаны?

– Верно.

– Выходит, что каждое моё действие оно как бы… предрешено? – произнесла и сама испугалась. Жутко получается, согласитесь.

– Наконец-то дошло, непутёвая!

– Да хватит обзываться, бородавчатая! – ситуация нервировала, а земноводная как нельзя лучше подходила на роль подушки для битья. Собралась сказать ей ещё пару слов, более обидных, но не успела. Лягушка опередила.

– Вам, наша будущая королева, коли всё же вы ею станете, стоит учиться контролировать свои эмоции. Негоже при дворе вести себя, как злая ведьма.

– Да ты…

– Я этот совет всем даю, но меня лишь посылают.

Ухмылка вышла сама собой:

– То есть ты всех бесишь, да?

Промолчала.

А я вновь обратилась к деревянному:

– Про конфету и карман с грозным оружием, конечно, интересно, но сладость оказалась у меня случайно, а если бы её не было?

– Ничего страшного, Машенька. В прошлый раз нашёлся носовой платок – мы его оживили и вдогонку послали. До этого семечки, они в камни обратились. А у сто одиннадцатой королевы карман оказался

пуст. Зато в волосах была заколка блестящая. Она ту же роль, что и твоя конфета сыграла – привлекла злодейку.

Я замолчала: слова были, но все бы они прозвучали до неприличия нормально в данной ситуации. А как правильно реагировать на абсурд я не знала, поэтому предпочла делать вид, будто вновь увлечённо жую. На этот раз варенье из шишек. Должна признаться, вкус мне не понравился. Но опыт интересный. Вы когда-нибудь пробовали еловые ветки? Нет. Вкус такой же плюс сахар. Много. В общем, на любителя.

Какое-то время все молчали.

– Смотри-ка, держится, – хихикнула земноводная, первой нарушив тишину, – обычно кричат, какие мы ненормальные и…

– Убегают… – закончил деревянный. – Только всё это бесполезно. Пророчество… – и вздохнул. – Машенька, я продолжу?

Медленно кивнула, отставив банку.

– И не побежишь? – поинтересовалась бородавчатая?

– Не дождётесь, – отошла от шока. – Не стану поступать, как большинство. Хочу… дальше послушать.

Лягушка недовольно скрестила лапки, дух леса одобрительно кивнул:

– Колдунья обрадовалась, потому как особые свойства в царской крови имелись, а значит и посох становился особенным. И стукнула трижды вокруг себя по кругу, призывая этот самый свет привлекательности, да только…

– А почему трижды?

– Не знаю, Машенька. Рассказываю, как знаю. И стукнула…

– Да подождите со своим стуком!

– Ох и дотошная… – лягушка хлопнула лапой по мордочке.

– Да, я такая, – не стала отрицать. – Сами посудите. Почему три раза? Где логика?

Дух молчал, искренне недоумевая, чего я прицепилась к слову, а я, работая в школе, прекрасно знала, что без логики ни одну поделку нормально не изготовишь. Если неправильно сложить оригами, то оно выйдет в лучшем случае кривое, верно? В худшем – не получится вообще. Тоже самое с аппликациями, пластилином. Попробуйте зайцу прикрепить уши больше собственного тела и поставить на картонку.

Удастся? Нет, фигурка завалится или не будет держаться. Поэтому-то вопрос логичности меня сильно встревожил, и я решила не отставать.

– У нас сколько сторон света? – спросила, переводя взгляд с одного растерянного существа на другое.

– Четыре. Знаем. Что ты прицепилась, королева?

– А тебе, лягушка, пора определиться, ты ко мне на «ты» или на «вы»?

Что-то пробурчала, но я не стала прислушиваться. По морде земноводной стало ясно: достала я её не меньше, чем она меня. Ну и ладно.

– Машенька, ты к чему это клонишь?

– А к тому, что круг не начертить тремя точками. Незавершённый он, – видя полное непонимание, взяла коряку, не живую, к счастью, и принялась за наглядное объяснение. – Смотрите, раз точка, два точка, три. Видите, выходит полукруг. Если добавлю четвёртую, пятую, шестую, хоть двадцатую, только тогда фигура выйдет законченной. Ну? Ясно?

Молчание.

– Да мама из Инстаграма! Попробуйте стукнуть вокруг себя трижды!

Добровольцев не нашлось. Вздыхая, поднялась, продемонстрировала. Не встретив ожидаемой реакции, махнула рукой:

– Ладно, неважно. Продолжайте.

– И стукнула трижды вокруг себя по кругу, призывая этот самый свет привлекательности, да только краше не стала. Как отражалась уродиной в зеркале, так всё по-прежнему и осталось. Рассердилась колдунья, догадалась о подмене и полетела к царю с царицей. Появилась прямо у трона и закричала голосом страшным.

– Вам бы в рекламе работать, – я не смогла удержаться.

– Реклама – это чистое зло, – просветила бородавчатая.

– Это почему? – поинтересовалась я без какого-то подвоха.

– А всё, что в вашем мире – зло, – заявила земноводная, и мне даже стало обидно.

Мой мир, конечно, не идеальный, а по ценам и дорожным пробках так и вовсе стремится к аду, да-да, уверена, там те же проблемы, но в обиду свою родину всё равно не дам. Неидеальный мир, но мой! Я фыркнула в сторону лягушки.

Дух леса пояснил:

– Ничего хорошего из вашего мира ни одна королева не принесла. Если захочешь, то Яга Виевна подробно расскажет. Поэтому-то Люсенька и говорит про зло. Но слушай дальше. И сказала колдунья: «За то, что дочь твоя меня обманула, не будет отныне в царстве покоя! Я не только тебя накажу, но и всех вас! С этого дня каждого ребёнка, каждое поколение проклинаю! Если родится в этих стенах девочка, то превратится она в существо неприятное и век любви взаимной не увидит. Если мальчик появится, то встретит он колдунью, да падёт под её чарами, и погрузится весь мир сказочный во тьму. Колдунья порядки свои установит, ничего прежним не оставит. А дочь твоя лживая останется со мною!»

Я пожалела, что мобильник в сказке не работает. Сейчас бы заснять речь и на ютьюб.

– Сказала так и исчезла, оставив царя с царицей горевать, потому что изменить волю колдовскую никто не способен. Дочку же царскую обратила в посох и забрала свет привлекательности. И с тех пор каждое поколение царское становится всё несчастнее, а рождённые от колдуньи всё прекраснее и могущественнее. Нынешняя ведьма подчиняет себе даже природу, Машенька, ну а то, что она сотворила с нашим миром, ты уже видела.

– Нет… слов, – честно призналась я.

– Такие вот дела, – взгрустнул дух леса. – С каждым принцем всё хуже и хуже становится. Первое время только болота менялись, травка некоторая, цветочки. А позднее животные друг с другом перемешались, погода как с ума сошла: то снег, то дождь: урожаи стали помирать, насекомые опылять цветы отказались. Сама глянь, какой пчёлке захочется сидеть в дурно пахнущих растениях, называемых ведьмавяжскими розами? А нынешняя ведьма совсем ненормальная: у неё от настроения всё зависит. Захотела град, через минуту солнце. А что с нашими зверями сделала… Только медведи не пострадали: когда она в лес явилась заклинания читать, они в другом царстве гостили. А как вернулись, так и заревели с такой силой, что мы все чуть не оглохли. Она их так и не трогает, чтобы нам, остальным, больнее было. Я ведь тоже, Машенька, из-за этой проклятой ведьмы изменился: раньше был повыше, пошире и головной убор не носил. А теперь… Как это у вас называется? – коснулся козырька. – Кепка?

Медленно кивнула.

– Из твоего мира, человеческого притащила. Она любит перенимать разные вещи.

– Продвинутая, как у вас говорят, – подала голос лягушка, – и очень высокого о себе мнения. Что ни сотворит, то назовёт своим именем. Розы те же, к примеру.

– Так-то, Машенька.

– Ясно. В общем, какая-то у вас ерунда творится. Сколько я читала сказок, а подобной ереси, уж простите, не слышала.

– Нравится тебе или нет, королева, а мир по пророчеству спасать придётся.

– Я, кстати, эту часть так и не поняла. Вы, – посмотрела на духа, – о самом важном-то и не рассказали: про королев и моё предназначение.

– Верно, Машенька, я тебе про зло историю поведал, но каждому злу добро противостоит, и в нашем случае это пророчество, в котором говорится: «И только тогда спадёт проклятие, когда найдётся в мире другом девушка чистая, осиротевшая. Не побоится она пойти против колдуньи, полюбит искренне, правдиво, чары снимет и жизнью пожертвует ради спасения принца и мира незнакомого». Вот теперь, Машенька, – вздохнул, – ты, пожалуй, всё знаешь.

– Поня-я-ятно, – протянула в задумчивости. – Но как же предыдущие королевы? Они по каким-то параметрам не подходили? Или в чём дело? Почему проклятие до сих пор действует? Сколько там девушек было? Триста?

– Триста двенадцать, забывчивая…

– Так много? И не одна не победила ведьму? Кстати, ведьма – это такая же колдунья или кто-то помогущественнее?

– Такая же. Только, Машенька, всё везде меняется, и наш мир меняется. Раньше были цари, сейчас короли. Когда-то травниц колдуньями называли, теперь ведьмами. А насчёт предыдущих королев ты почти угадала: одни в битве с ведьмой погибли, другие не сумели с принца чары снять, третьи с ума посходили.

– А кого-то пришлось обратно отправить, – добавила земноводная.

– Бывали случаи, Машенька, и такие. Люсенька правду говорит: некоторые притворялись хорошими девушками, а на деле оказывались

злыми и расчётливыми. Их возвращали в мир людей.

– А вдруг, я такая же? Может, пока не поздно, и меня вернёте?

– Ты – другая, – уверенно заявил деревянный. – Яга Виевна убеждена, что в пророчестве именно про тебя говорится.

– Ага, конечно. Тоже самое вы и остальным говорили.

– Недоверчивая…

Я покосилась на лягушку.

Та продолжила:

– Но это плюс для будущей королевы. Значит, так легко тебя ведьма вокруг пальца не обведёт. Уже хорошо.

– И всё-таки с чего вы решили, будто речь обо мне?

Переглянулись, и тут я поняла, сейчас услышу нечто такое, что вряд ли понравится.

– Знаешь, как звали царскую дочь?

– Не уж-то Машей? – усмехнулась.

– Догадливая…

– И что? Не поверю я, мама из Инстаграма, что из трёхсот двенадцати королев я первая с таким именем.

– Не первая, Машенька, но с фамилией схожей единственная. Ты – Сказка, а дочь была Сказкина, так что, как понимаешь, такое совпадение должно что-то да значить.

– Ага, понимаю. Заняться вам больше нечем, как соответствия придумывать. Ну мало ли фамилия… Мне кажется, вам всем следует просто поговорить с ведьмой и как-то уладить давний конфликт.

– Я знал, что ты это предложишь, – улыбнулся деревянный. – В пророчестве так и сказано.

– Опять это дурацкое пророчество… – тяжело вздохнула.

– И никуда от него, Машенька, не скроешься.

– А я вот не пойму: там прямо все мои слова и действия указаны? Это же невозможно! Я сама не знаю, что скажу через минуту-другую! Как бумажка-то знать может?!

– Волшебство, – ответил деревянный.

– Ерунда! – сказала я. – И вообще пока сама не прочитаю – не поверю. Глупость какая-то.

– Пророчество у Яги Виевны, Машенька. Вернёшься к ней и попроси взглянуть. Сама убедишься.

– Обязательно взгляну. Мозги мне пудрите. Сказочники…

– Ау?

Втроём подняли головы, посмотрели на того, кто издал звук: Степаныч проснулся. Потянулся, осмотрелся по сторонам и резво спрыгнул вниз. А как только очутился на земле, возле моих ног, сразу начал облизывать многострадальные джинсы.

– Фу! Уйди! – попыталась его отпихнуть, но не тут-то было. Монстр, похоже, проснулся в очень хорошем настроении, потому что к облизыванию прибавилось мурчание. – Кто ж ты такой? – спросила, не ожидая ответа, так, риторически, но дух ответил: – Это Чудо-Юдо, которое ты должна была спасти и спасла.

– Ну да, естественно, чудо. И как я сама не догадалась? А злодейкой была птица, верно?

Кивнул.

– Кстати, а почему я других птиц не видела? Три дня здесь и ни одной.

– Погибли, Машенька. Не все обращение выдерживают. Эта ведьма никому житья не даёт: болотника лишила голоса, над феями измывается. Никакого от неё спасения.

– Болотник – это…

– Тимофей Евграфович. Ты его на болоте повстречала.

– Ясно, а зачем она это сделала?

– Кто ж её знает? Она же ведьма.

– Понятно. А сам он где?

– Без болота долго не может, к себе вернулся – туда, где ты его видела.

– А с феями что?

Обвёл рукой поляну, на которой мы находились:

– Здесь они живут. Эти разноцветные постройки их дома. Только раньше они были обычными, а теперь сама видишь: крыша непонятная, размеры неправильные. Феям нужны дома поменьше.

Я удивлённо захлопала ресницами:

– Куда же меньше? Они и так малюсенькие. Кукольные!

– Королева, а ты фей видела? Вот возмущаешься, а о чём говоришь-то, знаешь?

Отрицательно помотала головой.

– Тогда смотри, и лягушка осторожно постучала в бирюзовую дверь.

Минута, чуть больше и на пороге появилась тоненькая девочка с разноцветными крылышками. Ростом она была с пол мизинца. Чтобы лучше рассмотреть создание я наклонилась. Волосики рыжие пушистые, в стороны, как у одуванчика, реснички длинные, личико миленькое в веснушках. На тельце платье в тон разноцветным крыльям, клёш колокольчик напоминает.

Выходит, не ошибалась, когда думала, что кто-то нас подслушивает. Это фея шуршала занавесками. Надо же!

– Рада познакомиться, наша будущая королева, – поклонилась. – Я так же, как и мой народ слышала ваш разговор и тоже соглашусь с Люсенькой и лесным духом: вы – та самая. Я это во сне видела.

– Простите, но что вы там во сне видели? Знаете, фея…

– Колоколия.

– Колоколия. Мы часто сны понимаем неправильно. Иногда это всего лишь сны и не более.

– У кого-то, возможно, и так, наша будущая короле…

– А называйте меня просто Маша, пожалуйста.

– Как скажете, наша будущая королева, – помедлила. – Маша. Но мне дано видеть будущее: не всегда чётко, но в случае с вами достаточно ясно, чтобы не сомневаться – все эти годы мы ждали вас.

Я хмыкнула. Фея, уловив моё недоверие, а иного моё лицо и не отражало, с готовностью пояснила:

– Мне приснилось лицо, похожее на ваше, и я слышала ваш голос.

– Так может, всё же ошибочка?

– Нет, наша буду… – осеклась, – Маша. – Вы сами скоро убедитесь, когда пророчество прочтёте.

Я вздохнула продолжительно и раздражённо.

– Ну что, Машенька, отведу тебя к Яге Виевне? – деревянный взял меня под руку.

Я не противилась.

– Ладно. Но я всё равно повторю: жизнь отдавать за незнакомца, пускай, и принца и ваш странный мир не стану. Я ещё мечты свои не осуществила, кота не завела… Но вам помогу. Сейчас почитаю пророчество, докажу вам, что это лишь совпадение, а затем вместе пойдём к ведьме и поговорим.

Фея спряталась за лапу Степаныча, деревянный как-то уменьшился в размерах, а лягушка притаилась за деревянной спиной.

Через секунду хор голосов ответил:

– Никуда мы не пойдём. Мы её боимся.

– Так, мама из Инстаграма… – упёрла руки в бока. – Значит, не хотите жить нормально? То есть я должна рисковать, слушать вас, а вы боитесь просто поговорить?

Тишина.

– Хорошо. Я сама с ней побеседую. Как мне увидеть вашу злюку?

– Так ты, Машенька, её уже видела.

– Когда?

– Когда Степаныча спасала, непутёвая.

– Замолчи, лягушка, а то не выдержу и пну в болото!

Та фыркнула, отвернулась.

– Первый бой ты ей, Машенька, уже дала, так что ведьма встретит не с пустыми руками.

– Вы про коршуна, да? А ведьма выходит любит конфеты?

– Машенька, она всё блестящее и золотое любит.

– Как сорока… – пробурчала лягушка.

– Или как истинная женщина, – хмыкнула я. – Мне, честно говоря, тоже блестящее нравится, так что я думаю, мы с вашей ведьмой сумеем найти общий язык.

– Иди, наша бу… Маша. Пора, – фея поклонилась и исчезла. Двери остальных домиков одновременно распахнулись, явив таких же пушистоволосых девочек, но в разных платьях. У одних были как розы, у других точь-в-точь лилии, у третьих один-в-один ромашки. Поклонились и обратно спрятались.

– А почему… мне пора? – спросила, обращаясь к деревянному. – Это опять по пророчеству?

– Нет, Машенька, – улыбнулся. – Это чтобы Ягу Виевну не обидеть. – И на мой удивлённый взгляд пояснил: – Обед у неё начинается.

– А опозданий она не любит… – добавила бородавчатая.

– А-а-а, ясно. Ну ладно, идём. Только я её суп есть не стану. Непонятно, что она в котле своём варит, да и моет ли его? У него же жир на стенках и копоть!

Лягушка вдруг рассмеялась. Степаныч запрыгнул мне на руки. Деревянный молча двинулся вперёд, но на губах у него играла улыбка.

– Нет. Я серьёзно! Лучше что-нибудь у скатёрочки попрошу: картошечку там с укропчиком, курочку румяную.

– А если у скатерти выходной? – поинтересовалась лягушка. – Голодной будешь?

– Нет, земноводная. У меня в рюкзаке пакет мюсли есть. Им перекушу.

– Пойдём, Машенька, – потянул меня деревянный. – От голода не умрёшь – это я тебе обещаю.

Глава 5. Королеве и стол королевский

Яга стояла на крыльце и недовольно плевалась семечками. Я даже подойти не успела, как чёткий плевок угодил прямо в лоб.

– Что же вы королевы все такие медлительные? Я вроде всего лишь-то Степаныча прошу выгулять, а вы как уйдёте, так с концами! Ужас какой-то! – возмущалась она, бросая шелуху на крыльцо. – Я уже давным-давно обед приготовила: суп паром вьётся, крольчатинка томится, травки благоухают. Почему я ждать должна?

– Извините, Яга Виевна, подзадержались, – проквакала лягушка, – в этот раз вышло дольше, чем обычно.

– Не сердись, Ягушка, эта королева и правда, особенная. Видишь, как получилось. Но мы здесь и готовы вкушать твои изыски.

– Ладно, Лесочек, заходите, – ласково улыбнулась. Затем с раздражением зыркнула в мою сторону, – а ты, Маша после еды здесь приберёшь. Видишь, как грязно!

– Так вы же сами своими семечками… – начала я, но Яга тут же перебила. – Цыц! Когда я приказываю – соглашаются! Ты зачем на болото пошла, а? Я что говорила?

– Откуда вы?..

– Так ты замаралась! Или думаешь я грязь болотную не узнаю? Давай уже заходи!

– Машенька, не перечь Яге. Вам ещё долго вместе жить.

– Да не буду я с ней жить! Нашли дурочку…

– Не будешь, когда к принцу переберёшься, а пока придётся, – ухмыльнулась бородавчатая.

– Маша, за стол! А то сейчас как наколдую… – сузила глаза Яга Виевна, и я решила не рисковать. Да, я, конечно, всем тут нужна как воздух, но рисковать здоровьем с этими магическими штучками ненормальной бабки не хочется. Закатила глаза, махнула рукой и вошла в избушку. Ладно, потерплю немного. Но как только прочту пророчество и разберусь, что к чему, сразу домой сбегу. И пусть хоть кто попробует остановить – пожалеет. Я хоть и не ведьма, но достать могу так – мечтать будут о том, чтобы я в родной мир вернулась.

Подметать я должна, помирать… Совсем спятили, мама из Инстаграма, дурдом!

А внутри, стоило шагнуть за порог, власть над желудком и разумом захватил божественный аромат: из головы вылетели все мысли о побеге, решительность значительно снизила свой уровень, достигнув отметки «в принципе, отпуск, и торопиться мне некуда, а тут какой-никакой, но отдых, да ещё и с приключениями», и за стол я садилась уже совсем с другим настроением.

Не знаю, чем обычно питаются в сказках, но стол Яги ломился от вполне понятных любому человеку блюд. Маленькое хрустальное блюдце – содержимого едва бы хватило даже на прокорм лягушки, а она, между прочим, маленькая, так что на кого рассчитано угощение неясно, нам всем точно не хватит, так вот… Блюдце радовало красной икрой, рядом высилась пиала с баклажанами: ровные кружочки утопали в сливочном масле и мелко нарубленной петрушке. От глиняных горшочков исходил пар, мясо приятно ворчало на картофельно-морковной подушке. Квашеная капуста соседствовала с картофельным пюре, уложенным венком из розочек, салат из огурцов и помидоров интриговал кунжутной посыпкой. Тарталетки с оливье вызывали ассоциации с Новым годом и соответственно чудом. Горячий суп, по-видимому, царь стола, занимал центр и совсем не по-человечески предлагал себя попробовать.

– Во мне столько витаминов, пых, что про все болезни забудете, пых-пых, – убеждал он, пока большая поварёшка орудовала у наших тарелок. – Не стесняйтесь, пых, наслаждайтесь, хлебушком, пых-пых.

Моих губ коснулась ухмылка: я-то уж едва не забыла, что нахожусь в волшебном мире. Стол почти как дома, правда, не у меня, а у Аньки. Она когда в Питере жила, то частенько в гости приглашала, и её родители – люди обеспеченные и нежадные устраивали праздник живота. Я столько вкусной еды нигде не пробовала, хотя парни на старших курсах меня иногда и приглашали в кафе, но такого изобилия неожиданных блюд пробовать не доводилось. Цветная капуста с яблоком, помидоры в глазури, макароны, фаршированные рыбой – чего у них только не было. У Яги стол выглядел попроще, но как же аппетитно!

Спасибо говорящему бульону – напомнил, я всё же в сказке, и прежде, чем пробовать угощение, задумалась: а вдруг после этих яств

отшибёт память или волю? Они тут все мечтают сделать меня королевой, спят и видят, как я побеждаю ведьму, расколдовываю принца, рожаю тому сына и умираю: трагично и романтично.

С опаской взглянула на суп, проглотила слюну: есть хотелось жуть. Не подумайте, я эти три дня не голодала. В первый побаивалась, отходила от шока, знакомилась с Ягой и скатёрочкой, а заодно Степанычем, который мне сразу не понравился, как будто чувствовала, что придётся его выгуливать, а вставать рано я ненавижу, но из-за работы, конечно, приходится. Но то работа, а тут чужой монстр. В общем, удовольствия мало.

Только к вечеру рискнула попробовать местную еду и… чуть не отравилась. Яга тогда подала к столу какое-то мясо и подливу. Я всего ложечку попробовала, и тут же схватилась за живот. Оказалось, что пища была для Степаныча. Но кто ж знал-то?! Разве я ожидала увидеть за столом еду для того, кого выгуливают на поводке?

Старая что-то пошептала, напоила меня водичкой, и я опять здорова. Но после таких фокусов решила больше не рисковать, дождалась возвращения в башню, открыла рюкзак – спасибо, Яга разрешила оставить вещи в месте моего заточения – и утолила голод шоколадкой.

Собираясь погостить у коллеги на даче, я взяла немного еды, так, для перекуса. И много денег, чтобы, если что – не терзаться от голода. Да и к тому же в электричке ехать долго, а в дороге всегда просыпается аппетит, и я не привыкла эксплуатировать знакомых в качестве прислуги: никто не обязан меня кормить. Поэтому голодная смерть в сказочном мире мне не грозила.

Думала я до следующего дня.

Но когда в час обеда рылась в матерчатой пасти, та огорчила остатками запасов: пара яблок, лапша быстрого приготовления – положила автоматом, пока выслушивала жалобы хозяйки на артрит и прочие болячки, присущие преклонному возрасту. Кстати, всё бы хорошо – как я упоминала, со старушкой мы ладили, комната нравилась, иногда перепадала свежая каша или суп, но говорливость хозяйки о болезнях и плохом государстве, докучала. Если совсем уж честно, то хотелось бы жить в собственной квартире, однако мечта пока была недостижима.

Ещё на дне валялся пакет с мюсли и упаковка копчёной колбасы, которую я всё-таки выкинула. Час, два, три ладно, ну а дальше хранить её надо в холодильнике – у Яги же подобного агрегата не наблюдалось.

И всё.

Можно ли что-то приобрести на наши рублики я не знала, так что под конец обеда, когда Яга со Степанычем доедали что-то жёлтое, оказавшееся при ближайшем рассмотрении толчёным бананом, пахшим… не бананом, с радостью села за стол. Добрая Яга Виевна вывела из башни и пообещала накормить, если я выгуляю Степаныча. У неё, видите ли, спина болит. Как раз тогда я слушаться отказалась, а потом присесть не могла.

Пробовала я свежие огурцы: остальное есть побоялась. Это уже вечером, ласково обратившись к скатёрочке, попросила подать мне картошечку – ей вроде сложно отравиться. И на утро ела её же, посыпанную укропом.

Яга объяснила, что скатерть может создать почти, что угодно, но я рисковать не хотела, хотя уже тогда сильно желала мяса. Я ведь вообще-то мясоедка.

Так что сейчас исходила слюной на изобилие блюд, украшавших стол. Картошка картошкой, а чем разнообразнее меню, тем лучше. Я даже дома не питаюсь одинаково. Может, я привереда, но одно и тоже есть два раза в сутки, а тем более три, не стану. Наелась, знаете ли. Пока с бабушкой жила, а потом в студенческие годы… Всё, теперь себя балую. Икру, как Яга Виевна, креветок и мраморной говядины позволить не могу, но обычные блюда, разные по составу – вполне.

Терзаемая сомнениями и стыдливо прикрывающая руками бурчащий живот, словно мои ладони могли заглушить звук, я наблюдала за молниеносно испаряющимся жаркое во рту у деревянного. Степаныч не отставал, наворачивая суп. Яга по аристократичному аккуратно нарезала тонкие пластинки мяса с выловленной из бульона ножки.

Есть не есть? Почти Шекспировская дилемма. Я вздохнула и с болью посмотрела на баклажаны. Люблю я их: причём в любом виде. На праздники всегда готовлю: то с прованскими травами запеку, то лодочки сделаю, сыр натру, помидорки добавлю, потушу с морковочкой и луком, тёщин язык приготовлю, соломкой пожарю.

А недавно Анька прислала мне рецепт салата – баклажаны, курица, лук, помидоры, зелень, болгарский перец, чеснок, сметана. Соль, естественно. Ммм, вкусно. Я миску приготовила и миску бы съела, но захотелось поделиться с хозяйкой квартиры. Той тоже понравилось. Она даже стала звонить сестре и делиться рецептом.

Да, пожалуй, попробую. Суп точно не буду. Видела в каком состоянии котёл – нет уж, спасибо. Сейчас попрошу другую тарелку и… Или не надо? Мало ли как еда этой Яги на меня подействует?

– Что ж ты такая подозрительная-то? – нахмурилась Виевна. – Не отравишься. С тем мясом в подливе нехорошо вышло, ну да это был деликатес для Степаныча. Нечего было лезть ложкой туда, куда не просили. Я же говорила, что сейчас подойду, подожди. Хотела угостить домашним хлебцем, а ты всё испортила. Ой! Хлебец! – старая подскочила, что-то пошаманила в воздухе, и скатёрочка, отдыхавшая в сундуке, вылетела оттуда с пышной белой буханкой.

– Так это не вы готовили, а она? – догадалась, улыбнулась, испытав облегчение.

– Почему же? Всё сама. Только хлеб в этот раз не получился, а в прошлый…

– Ягушка, всё замечательно. Очень вкусно.

Я заметила, как встретились взглядами дух и старуха, смущённо уткнулись каждый в свою тарелку, и радостно воскликнула:

– Так у вас любовь, что ли? Вот, мама из Инстаграма, не ожидала…

– А мы с феями её познакомили, – перевёл тему покрасневший деревянный.

Вы когда-нибудь видели краснеющее дерево? Нет? Я тоже. Любопытно. Будто красным лаком покрывается. Весь.

– Да, и Колоколия считает её той самой, – добавила бородавчатая.

– У меня, дорогие, в этом нет сомнений. Только нашей будущей королеве нужно чем-то питаться, иначе не то, что с ведьмой, с Горынычем не справится.

– Стоп. Это вы о чём?

Глава 6. Пророчество

Яга, Степаныч и лягушка синхронно вздохнули.

– Машенька, – начал дух леса, – в пророчестве сказано, что ты его победишь, не волнуйся.

– Я и не волнуюсь, потому что никакое пророчество выполнять не намерена. С вашей ведьмой сама разберусь, а про Горыныча речи не было. Сразу отказываюсь. – Скрестила руки на груди, тут же выдав бурчание в желудке.

– Да поешь уже, королева! Не стоит быть такой подозрительной!

– Ягушка, она, верно, стесняется.

– Стеснительная какая…

– Я не стеснительная, я забочусь о здоровье, – пробурчала, гордо вскинув подбородок.

– А, по-моему, наоборот, ни о чём вы не заботитесь. Не представляю, какая из вас выйдет королева.

– Отстань, земноводная. И определись уже, ты ко мне на «вы» или на «ты»?

– Люсенька, Машенька, не ругайтесь. За столом так себя не ведут.

– Бессовестная… Я ей стол накрыла чуть ли не королевский, а она нос ворочает, – с обидой произнесла Яга и вроде как всплакнула. Деревянный точно так подумал, потому как сразу протянул ей платок из её же кармана. А я вновь с ужасом оценила древний наряд на этой древней: переодеть бы её. Даже поразительно, как в таких тряпках она сумела хоть кому-то приглянуться. Присмотрелась, старуха активно пытается выдавить слезу. Хмыкнула:

– Актёрское мастерство у вас так себе, Яга Виевна.

– Да что ты себе позволяешь?! – подскочила та. – Где благодарность?

– Благодарность? – вскочила и я. – А как насчёт перестать меня тыкать носом в пророчество? Дайте глянуть, что там написано! Я хочу сама во всём разобраться!

– Да причём тут пророчество? Ты почему от еды отказываешься?

– А почему я должна её есть, если вы все моей смерти желаете? Вдруг, она меня лишит воли?

– Да сдалась нам твоя смерть! Ты сначала мир спаси, а потом помирай, коли хочешь!

– Ягушка, Машенька, ну что вы в самом деле… – миролюбиво развёл руками-веточками дух леса. – Машенька, ты погляди какой стол Яга Виевна накрыла, старалась. Для тебя, между прочим. А ты, Ягушка, перестань на неё злиться. Неразумная она, опоздала, совесть позабыла, но и шок у неё до сих пор сохранился. Девочки… – протянул нам обеим по ложке икры. – Съешьте, успокойтесь.

– Ага, я сейчас съем, а потом, мама из Инстаграма, навечно зависну в этом вашем мире!

– Ты совсем дурная, что ли?

– А разве не так?

– Призналась, что дурная, – хихикнула лягушка.

– Да я не о том! – хлопнула по столу ладонью, и тарелки вдруг разом подскочили. А затем помещение поползло рябью. Я протёрла глаза. – Ой. Это… я?

– Ведьма… – села обратно старуха.

– Сама ты ведьма!

– Да она говорит про ту, что во дворце, Машенька, – пояснил деревянный.

– Значит, скоро Горыныч явится, – вставила бородавчатая. Выглядела при этом очень довольной. – Посмотрим, как ты, будущая королева, с ним справишься. Силёнок-то не набралась.

– Определилась, значит...

– Ага.

– Люсенька, хватит.

– Не нравится она мне.

Деревянный вдохнул. Я переводила взгляд с одного лица на другое, зло косилась на лягушку и почти с нежностью смотрела на Степаныча. Зверь молча уплетал уже третью тарелку и теперь тянулся за икрой, от которой мы с Ягой отказались. Хоть кто-то меня не доставал, не пытался отравить, не пугал Горынычем и не раздражал своими речами. Мысленно поблагодарила Степаныча.

– Так, быстро ешь! – приказала вдруг старуха, и мой рот сам раскрылся, а в него устремился супчик, баклажаны, мясо в горшочках. Я только и успевала что пережёвывать. К счастью, еда оказалась не только аппетитной на вид, но и по-настоящему вкусной. Однако сам

факт насилия над моим желудком и знание, в каком грязном котле всё это варилось, взбесил окончательно, и нервы, чуть-чуть расшатавшиеся с момента попадания в сказку, не на шутку взбунтовались.

Я что-то кричала, активно жестикулировала, то и дело припоминала маму из Инстаграма, на что мне все трое обещали избавить от дурного выражения. Грозилась расколотить посуду, расписать похабными словечками избушку и превратить жизнь каждого из присутствующих в ад, если мне наконец-то не объяснят по порядку, что за новое такое испытание меня ожидает. С коршуном, оказавшимся ведьмой, боролась, а теперь? Горыныч?!

Угрозы летели мимо, еда летела в рот, я плевалась злостью и надоевшими мне блюдами, а деревянный приговаривал, что так надо, иначе с Горынычем придётся туго. Лягушка с добротой в голосе, совсем не прятавшей сарказма, рассказывала, как сто какая-то там королева отказалась есть, и потом её пепел дружно сметали в совочек, горюя об утрате, ведь королева могла получиться неплохой.

После такого рассказа в сторону полетела не только еда, но и тарелка. Рот мной управлялся плохо, а руки слушались. Так что посуду я побила, а потом вскочила, и пытаясь не подавиться икрой, заорала:

– Если вы сейчас же не оставите меня в покое, то я сожгу ваше пророчество!

Посуда замерла в воздухе, Яга Виевна икнула, дух леса плюхнулся прямо на пол, лягушка ошеломлённо и забавно квакнула. Степаныч приподнял морду от тарелки и уставился с любопытством.

– Наконец-то! А теперь давайте сюда ваше пророчество! Читать буду и правки вносить.

– З-зачем? – спросила старуха.

– Затем, что ваши порядки меня в корне не устраивают! И дайте сока.

– Может, водички? Колодезной? – протянула кружку старуха.

– Сока хочу. Яблочного. Нет. Требую! Как ваша будущая королева.

– Так я не поняла, вы всё-таки решили исполнить пророчество? – осторожно уточнила земноводная.

– Нет, я решила его переписать. Где древняя книга? Пора уже познакомиться с жутким предсказанием.

Деревянный и Яга переглянулись.

– В общем-то время есть, – решила наконец Виевна. – Горыныч явится вечером, когда стемнеет. – Бросила взгляд в мою сторону. – Это было предупреждение от ведьмы, чтобы ты готовилась. Но сейчас ждать Змея бессмысленно.

– Тогда я всё ещё жду сок и книгу.

Яга вздохнула, но противиться моему желанию не стала: через минуту стакан завис прямо под носом, старуха что-то пошептала, помахала у моих губ – видимо, у них все заклинания по одной схеме работали – и в моей голове вспыли буквы, каких я отродясь не видела. Тарелки убрали, скатерть оттёрли: Степаныч успел поставить жирное пятно, стулья придвинули поближе к моему и уселись в ожидании. Книга сама собой легла на чистую скатерть. Я пила сок, растягивая удовольствие и нервируя собравшихся.

– Давайте уже, будущая королева, – поторопила земноводная.

Пальцы принялись медленно листать страницы, и должна сказать, что во мне сразу поселилось большое разочарование. Во-первых, древний том я представляла именно томом, а тут… жалкая брошюрка, но зато яркая и явно не единожды перепечатанная. Не удержалась и спросила:

– У вас тут что, есть издательство? Или кто-то увлекается самиздатом? – покосилась на Ягу.

– А что ты на меня смотришь такими глазами? Да, я переколдовывала и не один раз. А что прикажешь делать, если вы, королевы такие… – задумалась, – впечатлительные?

– Постоянно портите бумагу, – пояснил дух леса.

– Одна лак опрокинула, когда успокоительный маникюр делала, – добавила лягушка, – другая шоколадом запачкала, пока нервы пыталась утихомирить, третья кофе разлила.

Я всполошилась:

– А тут кофейня есть? Где?

– У скатерти надо попросить, – ответила Виевна. – Только без всяких премудростей. Простой чёрный.

– Нет, такой не люблю.

– Придирчивая…

– Избирательная.

– Нудная.

– Бородавчатая.

– Девушки, довольно. Машенька, читай уже.

И я углубилась в чтение под неусыпным контролем трёх пар глаз. А нет, четырёх: Степаныч, насытившись, умостился прямо на столе, напротив, и стал сверлить меня взглядом.

– И не прогоните, Яга Виевна? Мы же здесь едим.

– Он же как внучок, – улыбнулась старуха, – а ты потом скатерть постираешь.

Оставалось лишь вздохнуть. Раздражённо. Ладно, этот вопрос я улажу, но стирать, естественно, не буду.

***

Текст меня напугал. Но не страшным предсказанием, а жуткой безграмотностью. Мои первоклашки и то допускают меньше ошибок. Ну как в предложении «… заклятие спадёт, когда зло побеждённое вдох последний сделает, а сердце любящее искренне одарит принца, заколдованного теплотой» можно сделать восемнадцать ошибок?! Здесь и слов-то меньше! Ужас какой…

Что же касается содержания, то оно вызвало разочарование. Во-первых, если ему верить, то мне предстояло сразиться не только с Горынычем и ведьмой, но и с каким-то чудищем хвостатым, жутким и дурнопахнущим.

Н-да, так себе перспективка.

Но самое главное разочарование заключалось во-вторых: под описываемую спасительницу подходила каждая третья. Критерии оказались просты: без родителей, без брекетов, никаких очков, сигарет во рту. Стройная, стрижка женственная. Русскоязычная.

Почитала и осознала – дурят. Никаких тебе особенных фамилий или ещё чего-то. Просто, лаконично. Скучно. И похоже, смертельно опасно.

В трёх битвах надо одержать победу и при этом остаться живой, хотя каждый противник намного сильнее спасительницы. Написано, что Горыныч огромный, быстро летает, ловко извергает огонь. Силён неимоверно, зол больше, чем силён.

Чудовище кусачее, ловкое и скользкое. Магией обладающее и на расправу скорое. Запахом обладает одурманивающим, взглядом гипнотизирующим, обликом отвратительным. Жутко нетерпелив.

Ведьма… Про неё сказано больше всего: и облик меняет, и колдует быстро, ловко. Заклинаний знает уйму, природой управляет,

других своей воле подчиняет. В общем, мастерица на все руки. Интересно, а спицами вяжет? Я вот вяжу. Да, мама из Инстаграма, ничего удивительного. Когда денег нет, а на шее у бабки сидеть не хочется, то ещё и не тому научишься. Шарфы, шапки, свитера без особых узоров – пожалуйста, если надо, обращайтесь.

– Ну, что скажешь, Машенька? – задал вопрос дух леса, озвучив то, что хотело слететь с языка каждого.

Обвела взглядом, нахмурилась:

– А то, что вы мне соврали. Что молчите, глаза в пол? Стыдно? Пророчество. Особенная. Лгуны вы, а не сказочники!

Меня распирала обида.

Глава 7. Избранная или?..

Степаныч уткнулся мордой в лапы.

Яга пошла в наступление:

– А что нам остаётся? Ведьма мир под себя переделывает, принц зачарован, король с королевой в заточении, а нам, Маша, жить хочется нормально. Надоело из года в год, из десятилетия в десятилетие становится жертвами колдовского произвола. Ждём, ждём ту самую: триста двенадцать королев прошли, а всё не те. Надежда почти погасла, а тут ты, Маша. Решительная, своевольная, храбрая, умна...

– Так, ясно, – подняла руку, прерывая поток комплиментов, – нашли очередную козу отпущения. Вы комплиментами всех точно также обсыпали или мне больше досталось?

– Сообразительная, – хмыкнула лягушка.

Яга многозначительно промолчала.

– А раз я не избранная, то может… Ну это пророчество, и я домой?

– Снова ты за своё, Машенька… – дух выглядел огорчённым. – Забыла про слова Колоколии. Не желаешь с ними считаться, – вздохнул. Покачал головой, подошёл к окошку.

– А разве фея не заодно с вами?

– Всё же глупая… – резюмировала земноводная. – Никто не знает, что из себя представляет избранная. Но у Колоколии особенные сны. И вы в них, наша будущая королева, хотите того или нет, а появились, так что… – лягушка замолчала и присоединилась к деревянному. Вскоре в их компанию добавились грустная Яга со Степанычем. Зверь был недоволен и, кажется, разочарован.

А мне отчего-то стало стыдно. Знаете, по жизни так сложилось, что я всегда чувствую себя виноватой. Наверно, это связано с психологической травмой – мама умерла после болезни, а заболела, когда я родилась. Говорят, её здоровье и без того шаткое стало совсем плохим во время беременности. Ей нельзя было рожать – врачи запрещали, но мама, упёртая и мечтающая о дочке, выносила меня и явила свету, мучаясь двое суток и подхватив какую-то заразу во время кесарева.

Подробностей не знаю: бабушка отмалчивалась, но последующие три года мама сильно болела. Пила много лекарств, рано перестала меня кормить грудью и часто плакала. Отец злился, а когда жена умерла – ушёл. Просто сдал меня бабке и свалил из жизни. Ему, видите ли, надо дальше жить, а со мной – копией мамы – это слишком больно.

Никто не винил меня в произошедшем, но в те редкие минуты, когда мы виделись с отцом, в основном, на праздники, его лицо красноречивее любых слов говорило о том, что он думает. Да, я уверена, он винил меня в смерти мамы. Возможно, не осознанно, но я это чувствовала.

С детства внутри меня сидит нечто такое, что заставляет испытывать вину. Каждый раз, если что-то происходит с небезразличным мне человеком, я виню себя.

Вот и сейчас, хотя окружающие существа не были мне близки, в душе поднималось знакомое саднящее чувство. Медленно подошла к Яге и тоже выглянула в окно.

– Погляди, – сказала старая, – видишь поляну, цветы, лучики солнечные?

Кивнула. Сложно было не заметить: поляна будто разрослась, цветы заиграли красками, а солнце, щедро разливая золото кругом, игриво тянулось прямо ко мне.

– Да, Маша… Сейчас ты видишь остатки волшебства, – с печалью в голосе заметила Яга, поймав мой зачарованно-удивлённый взгляд. – А раньше всё именно таким и было. Смотри дальше. Видишь, деревья в этой части леса пока ещё богаты листвой и выглядят естественно. Грибочки много, где растут.

Кивнула.

– Неподалёку живут медведи – настоящие, без уродств и лишних частей тела. Вон, – указала рукой, – видишь один из косолапых с пчёлами договаривается?

Присмотрелась. Действительно. Надо же!

– За теми берёзами-близнецами, – продолжала Виевна, – течёт речка прозрачно-голубая, а в ней плавают рыбки разноцветные.

– Плавали, – тихо поправил деревянный.

– Да, Лесочек, плавали… – вздохнула Яга. – А небо? Раньше облака причудливой формы неслись туда-сюда, прятались в пышных кронах и появлялись, отражая солнечный свет. Это волшебно, Маша. А

когда шёл дождь, а затем появлялась радуга, её яркие полосы пронзали белые подушки и словно опускались на землю. Хотя почему словно… Так и было, – грустно улыбнулась. – И по радуге съезжали ребятишки, в основном царская ребятня, и заливались счастливым звонким смехом. Птицы невиданной красоты парили над ними, угощали ягодами с высоких веток, а ещё дарили сны. Знаешь, Маша, любая сказочная птица могла кошмар обратить в прекрасное видение. Как домики фей. Но скоро и они исчезнут. Что тогда хорошего останется? Где добро с волшебством будут жить?

Лягушка всхлипнула. На деревянного с Ягой смотреть было страшно – сердце разрывалось. Я… А я спросила:

– Так было до ведьмы?

– Да, до того, как наш мир прокляли. А теперь, Маша, представь, что всё, видимое тобой сейчас из окошка почернело, будто от пожара. Медведи стали жуткими пугающими. Небо покрылось серой пеленой, и солнца нет. Всё погружается во тьму. Моя избушка, рассохшись, разваливается на части, а все мы исчезаем. Не перерождаемся в траву, листву, белок и зайцев, а умираем. Навсегда.

Я не знала, что сказать.

– Так случится, если не сбудется пророчество. Понимаешь, Маша? Начало положено: зверей ты уже видела, болотника, лишённого голоса тоже. Ты обратила внимание на воду? Цветы, прочую растительность? Погоду? Сказка умирает, Машенька, медленно неизбежно.

– И только та самая избранная может всё это изменить, – приобнял Ягу дух леса.

– И это я?

– Не знаю, Машенька, но почему бы не попробовать?

– В тебе, будущая королева, есть что-то такое, чего не было в остальных, – добавила лягушка, – Колоколия это увидела, Яга Виевна и… я.

Под аккомпанемент из вздохов я опустилась обратно на стул и задумалась. А потом решила:

– Остаюсь. Но бороться с Горынычем и прочими буду по-своему. Нигде не говорится, что я должна их убить, а уничтожить можно по-разному, так что ладно, мама из Инстаграма, я с вами.

***

И стали мы ждать Змея – тот должен был явиться на закате.

– А почему именно в это время? – поинтересовалась я, глядя, как споро дух леса уговаривает ступу не артачиться и летать как положено.

Ага, летательный агрегат, точь-в-точь такой, каким я его с детства представляла, прятался в углу подвала. Да-да, Яга продолжала удивлять: оказывается, в избушке ещё и подвал был, и, между прочим, в нём хранился волшебный клубок, способный провести к порталу в мой мир. От такой новости я, конечно, не на шутку разволновалась, и тут же нарисовала в голове запасной план: если вдруг, с этим проклятием ничего не выйдет, ну или морское чудовище окажется совсем уж опасным (Горыныча я боялась меньше, потому как кое-какие мысли на его счёт у меня уже появились), проберусь в подвал, выкраду клубок, и пошло всё лесом волшебным и обычным. Домой хочу. Вот.

Но не успела я додумать свою коварную мысль, косясь в сторону подвала, как лягушка запрыгнула мне прямо на плечо и сообщила:

– Первые пятьдесят королев тоже пытались клубок использовать, но не вышло. В итоге все закончили… не очень.

– Как? Почему?

– Потому что проклятие, – фыркнула земноводная, и посчитав, что объяснила достаточно, спрыгнула на пол.

– Не позволяет ведьма, – покачал головой дух леса, – как ни крути, а теперь наша сказка в её власти.

Затем мне подробно рассказали о судьбе несчастных, попытавшихся применить клубок, и от этих рассказов мне стало и смешно, и страшно.

История номер один. Первая из возможных королев, попавшая сюда посредством автобуса, а не электрички, как я, была девушкой решительной и физически сильной. Сообразив, что оказалась в совершенно неправдоподобном мире, из которого её не собираются выпускать просто так, она сначала выбила ставни в избушке Яги, а затем и дверь в подвал. Схватила нитки и ринулась бежать. На окраине леса, где виднелись башни замка, несостоявшаяся королева принялась молить клубок о помощи, потом требовать, угрожать, и, в конце концов, психанув, выбросила его в речку. Да только волшебство не тонет и постоять за себя может – рассердился клубок и утащил девушку под воду. А там… нет, несчастная не утонула, хотя, Яга

уверена, что для той это был бы лучший исход. Попалась недокоролева на глаза водяному, и он её сделал своей женой. А дальше начались пелёнки-распашонки, соски и коляски, погремушки и сказки, бессонные ночи и однотипные будни. В общем, совсем не то, о чём мечтала студентка третьего курса, отправляясь на автобусе к родственникам под Питер.

Вторая история оказалась не менее душещипательной. Будущая королева не поверила Яге и прочим, но клубок украла и ночью убежала с ним в лес, а там как раз вампир заблудился – иностранец какой-то, пришёл не из сказки даже, из легенды. Увидел красавицу и сразу влюбился. Мнения возлюбленной спрашивать не стал, обратил и увёз с собой. Лягушка рассказала, будто не так давно парочку видела: они приезжали к Колоколии с просьбой подарить хорошие сны их третьей дочке, а то девочку мучали кошмары, что было совсем не удивительно: жизнь в легенде не сахар. Да и не жили вампиры, а так, выживали. Но земноводная говорит, оба выглядели счастливыми.

Третья королева неуклюже запуталась в нитках, когда распутывала клубок, не желавший слушаться, и скатилась в овраг, где познакомилась с Лешим. Четвёртая нахамила и получила пинок до самого королевства, где умудрилась приземлиться ровно под ноги проходящему мимо попрошайке. Тот просил хлеба, а получил красавицу. В общем, закончилось всё типично. Свадьбой. Дух леса клянётся, поженились по любви, потому как девушка тоже своё счастье в парнишке увидела. Ну, а то, что живут они до сих пор в ветхом домишке и попрошайничают на пару, так тут никто, кроме них не виноват. Пятая бежала с клубочком к болоту, где по её разумению должен был появиться портал в родной мир, а повстречала болотника – одного из сыновей того, с кем я успела познакомиться. И неожиданно для себя влюбилась. Ну как неожиданно. Тот пообещал ей помочь, из леса вывести, домой доставить, как только она с ним на свидание сходит. Но за первым последовало второе, а там третье и ещё парочка, пока девушка не поняла, что влюбилась.

– Магия, – улыбнулся дух.

– Чувства, – вздохнула Яга.

– Романтика, – проквакала зелёная.

– Чушь, – фыркнула я.

А позже мне рассказали и об остальных красавицах, чьи судьбы так или иначе соединились с судьбами кого-то из сказочных созданий, но все пятьдесят, конечно, никто перечислять не стал – ограничились половиной. Особенно мне запомнилась последняя из списка с именем Алевтина. Не знаю, у кого как, а у меня такое имечко ассоциируется исключительно с какой-нибудь старушкой: сухонькой, в платочке и грызущей семечки на лавочке возле подъезда. Другими словами, представляются все соседки-бабульки с родной улицы в маленьком городке под Питером. Однако эта Алевтина оказалась самой сообразительной: и клубочек увела, и жениха у принцессы, прибывшей из английской сказки, как только осознала, что хочешь, не хочешь, а домой не попадёшь. Соблазнила иностранного мужчинку способами современными, сказочным красавицам неизвестными, и заграбастала принца, его дворец и казну. Она в мире людей училась на бухгалтера. Успешно так училась – шла на золотую медаль. Так что из всех перечисленных недокоролев Алевтина точно устроилась нормально.

Глава 8. Красота и страх

Послушала я послушала сказки да басенки и вернулась к интересующему меня вопросу:

– Так почему Змей придёт на закате? До этого времени очень сильно занят? Или он недооценённый романтик?

– Ты, королева, язва…

– А ты, бородавчатая.

– Грубая.

– Прилипчивая.

– Заносчивая!

– Надоедливая!

– Скандальные! – криком прервала нашу перебранку Яга, – обе! Ну-ка цыть! Время идёт, а к битве не готовимся! Так и проиграем, не начав сражение!

– Ух, сражение, буа-га-га.

– Да, Маша. Непростое и опасное!

– Ну, это я уже поняла. Так всё-таки чего с этим закатом? Горыныч всё-таки романтик? Вечер любит?

Лягушка фыркнула, дух покачал головой, скатёрочка, и та вздохнула. Да, возможно, я задаю слишком глупый вопрос для обитателей сказочного мира, но мне правда интересно!

– В это время спасительнице даются силы, – пробурчала Виевна, – и, взглянув на потолок, добавила: – Свыше.

– Свыше? Это с крыши, что ли?

– Непутёвая, ох, непутёвая.

– Молчи, лягушка.

Яга стояла, удивлённо хлопая ресницами – белёсыми и едва заметными. Нет, макияж старушке не помешает. В эту минуту я окончательно решила во что бы то ни стало порадовать лесного духа улучшенной внешностью Виевны.

– Машенька, ты сейчас издеваешься над нами, правда? – дух как-то сник. Похоже, и его пугала моя «сообразительность».

Не выдержала, рассмеялась:

– Да, шучу я, мама из Инстаграма! Стараюсь снизить накал страстей, так сказать. Вы бы видели свои лица... Простите, каюсь, шучу не к месту. Всё поняла, больше так не буду. На закате мне дарують силы не с крыши, а просто свыше. Так, а сейчас что делать? Просто ждать, когда Змей явится? Или, может, какие-то заклинания выучить, технику боя?

– Машенька, ты опять шутишь?

– Шучу-шучу. Я уже поняла, что додуматься должна до всего сама и никаких средств против Горыныча нет. Верно?

Дружно кивнули. Яга заметила:

– Тебе понадобится природная смекалка, храбрость, а также волшебная еда. Ты бы, кстати, поела побольше, а, Маша? Вдруг, не хватит?

– Не хочу, спасибо.

– И ещё силы…

– Свыше. Ясно. Но не волнуйтесь, одержу победу над вашим Змеем. Кстати, а он тоже девушек ворует и не имеет права мечтать о нормальной любви? Или после того Горыныча, что сдох от пыли, в закон внесли поправки?

– Не внесли. Он по-прежнему одинокий, – хмуро сообщила зелёная.

– Отлично.

– Что одинокий?! – захлопала глазами лягушка.

– Да. Это мне на руку.

Присутствующие переглянулись, но я посвящать их в детали плана не хотела и поскольку чуть-чуть, но всё же боялась – шутка ли встретиться один на один с огромным огнедышащим Змеем! – решила отвлечься от тревожных мыслей и пугающих образов, занявшись тем, что у меня всегда отлично получалось. Взяла Ягу за руку и сказала:

– Что ж, Яга Виевна, пора заняться вами.

– Чего это? – не на шутку перепугалась та. – Я в битве не участвую, Маша. Я только со стороны наблюдать буду, – и попятилась.

– А я вас биться не зову. У меня на вас, бабушка, другие планы.

– Бабушка… – захихикала лягушка. – Смелая вы, будущая королева.

– Да, Машенька, Яга Виевна тебя ведь и заколдовать может.

– А я, между прочим, для вас, уважаемый дух, стараюсь.

– Для меня?

Я ослепительно улыбнулась:

– Конечно! Скажите, вы бы хотели увидеть дорогую сердцу даму в другом… наряде, к примеру?

Старая и деревянный смутились, закашлялись. Лягушка тоже стала пунцовой. Не думала, что бородавчатая способна смущаться, однако, вот же это самое смущение разлилось по зелёной морде. Забавно, должна признаться, видеть подобное. Но я уже почти не удивляюсь – понятно, что в этом мире возможно всякое.

– Так что скажете?

– По правде говоря, Машенька, – замялся деревянный, – я был бы не против увидеть Ягу Виевну в платье поновее. Но она привыкла к своему образу и менять ничего не желает. – Повернулся к старухе, – извини, Ягушка, говорю, как есть.

– Отлично! – обрадовалась я, – тогда, мама из Инстаграма, решено! Яга Виевна, меняем образ. Начнём с лица.

– Да что ты такое говоришь? Да о чём ты таком думаешь? Дух мой ненаглядный, а ты совсем из ума выжил?

– Ягушка, ради меня, – улыбнулся тот.

– И ради меня! Мне успокоить нервы надо, а лучшего способа я не знаю.

– А ты молчи! Лучше к битве готовься, настраивайся, поешь побольше. Не хватало ещё потерять спасительницу в самом первом сражении! Ты ещё даже чай волшебный не пила!

– Так я ради победы и хочу вас преобразить! Мне это… Стресс снять надо.

– Какой стресс? Сейчас у меня стресс будет.

– Не волнуйтесь, в отличие от меня, ваша жизнь не грозит прерваться спустя… – выглянула в окно, – часов пять, примерно. Или чуть меньше. Поверьте, то, что я буду делать совсем не страшно.

– Только ничего подобного нет в пророчестве, – ехидно заметила Виевна, – так что, Маша, у тебя ничего не выйдет. Что-то обязательно пойдёт не так, – и довольно скрестила руки на груди.

А меня прям азарт взял:

– Что ж, я вам обещала внести изменения в эти ваши писюльки? Считайте это первые шаги. Где тут косметика?

– А у неё нет косметики, – заметила зелёная, – но я знаю, как быть. Свою принесу.

А вот тут я немного прибалдела. Лягушка с косметикой. В страшном сне такое не привидится. Тьфу, чтобы не приснилось. Но боюсь, фантазия услужливо нарисует полноценный образ, как только наступит ночь.

Если выживу, естественно.

– Предательница, – проворчала Виевна, а затем недобро так посмотрела и на деревянного.

– Ягушка, а я тебя потом на бал свожу.

– О-о-о, – я подмигнула духу, – свидание?

Но Яга не сдавалась. И тогда я, чувствуя, как нервы хватают за горло, пятки и сердце, норовя лишить чувств, привела последний аргумент. Собрала волю в кулак и сказала:

– Или вы соглашаетесь, Яга Виевна, или я отказываюсь бороться с Горынычем и тихо помираю на поле боя. Всё равно в мир людей вы меня просто так не вернёте. Мне нечего терять. Умру красиво, в лапах Змея. По-сказочному.

– Что?! – вопросили сразу три голоса.

Дальше я сохраняла решительное молчание.

– А она… может, – в конце концов проквакала бородавчатая, – помните Фёклу? Та тоже погибла в битве с Горынычем. Не по своей воле, но билась с неохотой. Думаю, это-то её и погубило.

– Возможно… – задумчиво произнесла старая, глядя мне в глаза. Смотрела долго, испытующе, а я усиленно пыталась выглядеть серьёзной и сдерживать смешок, так и норовящий выбраться на волю. Театр абсурда, в котором я оказалась, становился всё более безумным. Но, наконец, старуха вздохнула и обречённо опустилась за стол.

– Хорошо. Я согласна. Но только во имя святой цели. А с тобой, дух мой ненаглядный, –Яга сверлила деревянного взглядом, – мы обязательно ещё поговорим о том, что именно тебя не устраивает в моём платье, – и добавила пугающим шёпотом: – Позже.

Лягушка выскочила из избушки прямо в окно: то ли спешила за косметикой, то ли испугалась жёлтого блеска в глазах Виевны. Деревянный со Степанычем не отводили взгляда с моей решительной фигуры. А я махнула рукой и потащила старуху в башню – без лишних

глаз работать легче, потому что страх, вцепившись в душу, царапал всё сильнее.

***

Последующие часа два из башни, где до этого я томилась в заточении, только и доносилось, что «Изыди, нечистая! Убери руки! Хватит! Не трогай мои волосы! Ты – чудовище! А-а-а!» Не подозревала в Яге такой трусливости и способности орать шальным голосом. И уж не знаю, кто и когда так подбил её самооценку, но с восприятием себя у старухи очень и очень плохо. Нос не нравится – слишком длинный и горбатый, хотя по мне так он вполне мог бы сойти за эталон греческой красоты. У меня эта её часть лица, кстати, вызывает ассоциации с Барброй Стрейзанд. Красавица? Вопрос вкуса, зато талантлива, бесспорно. Яга, между прочим, тоже талантлива – так резво обращаться разными зверушками, лишь бы сбежать от косметического набора в её-то возрасте – это заслуга. Мы тут с лягушкой немного сдружились, и та по секрету, пока Виевна отмакала лицом в своеобразной ванночке, назвала цифру. Думаете, древней Яге пара тысяч лет? А нет, берите выше – пара десятков тысяч. А если точнее, то восемьдесят девять. Почти юбилей. Также по секрету я узнала, что у старой на днях день рождения. Теперь ясно, отчего дух леса вдруг решил пригласить её на бал. Молодец, деревянный, отличная идея. А я просто обязана сотворить из Яги красавицу.

Данные-то есть, только их тщательно скрывают морщины и бородавки. Мне, честно говоря, кажется, Виевна специально уродует себя: глаза голубые прячет под кустистыми бровями, волосы длинные с благородным бело-голубым отливом скрывает в жутком безобразии, именуемым платком. А платку этому лет небось столько же, сколько его обладательнице. Да и не стильный он, старческий: горчичный в синий цветочек. В моём мире такие только бабульки и носят. Безусловно, Яга и есть бабулька, но, даже хозяйка квартиры, где я снимаю комнату, одевается получше. Жалуется на болячки, пенсию и молодёжь, а наряжается, как моя ровесница.

А у Виевны-то, мама из Инстаграма, все условия есть, чтобы выглядеть отменно: она же ведьма, всё-таки! У неё в руках заклинания, травки там разные, штучки колдовские. Да в конце концов, она на короткой ноге с самим королём! Что он ей не может вызвать какую-нибудь фею? Хотя бы крёстную Золушки? Хотя… возможно, в этой

сказке тоже всё решают деньги, а у Яги их не хватает. Кстати, о деньгах, надо бы выяснить, какая здесь валюта и где её брать. Бабушке же обещала заморские мази купить. Как она у меня там…

Тяжко вздохнула. Бабушку вспомнила, родной городок, Аньку – подружку любимую, первоклашек, коллег и совсем грустно стало. Наверно, я бы расплакалась, не попытайся старуха улизнуть от вертлявого тюбика с тушью, обратившись кузнечиком. Прыг, и она на окошке. Но вы помните: камень зачарованный, кирпичики самовыдвигающиеся, так что, почувствовав, что кто-то пытается выбраться наружу, сразу принялись за работу.

– Что б вас, окаянных! – пропищала Виевна. Я не сдержала смеха. Согласитесь, что ситуация наиглупейшая и в целом смешная.

Глава 9. Лекарство от страха

Ещё минуты две, а то и больше, мы бегали по кругу в узкой комнатке. При этом Яга материлась – оказывается, она и такие слова знает, а я хохотала, как умалишённая, потому как нервы никто не отменял, а смех во время стресса для меня дело привычное. Наконец, после превращения в пятого зверька – бурого увольня-медвежонка, я старуху поймала. Видимо, Яга устала колдовать, потому что, по сути, ловить то мне её и не пришлось. Она просто зарычала и завалилась на рюкзак – сдалась. Правда, перед этим хорошенько так приложила заклинанием. Не меня, набор косметический, но ведь тот волшебный, так что отбил атаку и обиженно засопел. Да-да, косметика у лягушки необыкновенная: мало того, что хорошая качественная, не ширпотреб какой, так ещё и со своими способностями. Зеркало масштабы меняет, кисточки и пуховки сами летают, а тени так вообще разговаривают! Изумрудные раз двадцать упрашивали их нанести, но пришлось отказать – не подходят по цвету к моей мысленной картинке.

– Изыди, нечистая-я-я! – снова заорала Виевна, да так истошно, что уши заболели. Я так оглохну.

– Вы же сами согласились!

– Чур тебя, чур!

– Ягушка, держись! – раздалось из-за двери. Дух леса пришёл поддержать любимую и уже полчаса, как стоял под дверью, всячески пытаясь успокоить избранницу сердца. Та не успокаивалась, говорила, что издевательства такие ему припомнит, в кого-нибудь превратит и в общем не простит.

– Я тебе подарок подготовлю. Сюрприз, – не сдавался деревянный.

– Убью! – звучало в ответ.

Отсмеявшись, я какое-то время сидела прямо на полу и наблюдала за работой тюбика с тушью: тот лихо намазывал белёсые ресницы, и… чёрная краска собиралась комочками. Сначала я решила, что в таком идеальном наборе должен был найтись маленький уродец, но присмотревшись, заметила шевеление старческих губ. Ага, мама из Инстаграма, я тут потом обливаюсь, а Яга оказывается, делая вид,

будто сдувает прядь с лица, волшебные слова произносит! Ух как разозлилась… Так разозлилась, что приказала туши остановиться и дать мне сделать всё самой.

– Не надо, – взмолилась Виевна.

– Надо! Хватит вести себя как школьница-неженка!

– У меня кожа чувствительная, глаза чувствительные, и я… я боюсь, – неожиданно призналась Яга.

Вот это история... Я опустила тюбик, отмахнулась от набора, норовящего свои услуги подложить под нос, и внимательно посмотрела на старуху. Врёт не врёт? Эх, жаль не умею по лицам читать, придётся так поверить. Но если я не буду заниматься её внешностью, тогда как же мне с нервами справляться? Скатерть постирать и со стола убрать, как велела Яга? Или генеральную уборку затеять? Не-е-ет.

– Зелёная! – обратилась я к лягушке. Всё это время она мирно молчала, сидя в уголочке, и никак не помогала справиться с Ягой, – это правда?

– Да.

– Что ж никто раньше не сказал?! А я тут мучаюсь, пытаюсь понять, чего она как девочка перед брачной ночью ломается?

– Так вы же угрожали…

– Что?

– Ну, вы сказали, помрёте на поле боя, а нам это не надо, – пояснила бородавчатая.

– Дурдом… – я прикрыла лицо, потом выглянула в щёлку-окошко и сделала глубокий вдох.

– Она чувствительная, – поделился информацией деревянный за дверью. – Аккуратно там. Машенька…

Я вздохнула, пообещав хэпи-энд. Меня не поняли, но объяснять я не стала. Повернулась к Яге:

– Значит, перво-наперво, мама из Инстаграма, надо не образ менять, а мозги на место вставлять.

– Не надо мне ничего вставлять! Не хочу я твой энд!

– Молчать! – рявкнула и полная решимости взялась за работу психолога. Опыт, также, как в наведении красоты у меня имелся. Десять лет, тысячи дней, миллионы раз утешала Аньку, помогала справиться ей с личными проблемами и объясняла, что любить тебя

должны в натуральном виде, а не в упаковочке от Мейбеллин, Орифлейм и прочих. Вытирала сопли-слёзы и себе, и ей, когда меня бросали, её бросали, но самооценка падала только у одной из нас. Я каждый раз убеждала себя в том, что это не мой принц, и суженый где-то в пути, а подруга ревела, виня судьбу, гены и природу. А вы думали, чего она так в эти бренды вцепилась? Глубоко убеждена, что краска из рекламы и косметика от звёзд сделает её лучше и поможет в поисках любви всей жизни. Глубоки ли убеждения Аньки? О, да… До ежемесячной покраски в новый оттенок, траты десятка тысяч на объёмные, подвивающие, удлиняющие туши и прочие атрибуты глупых модниц-красавиц, стремящихся себя приукрасить, забывая о родных достоинствах. Нет, я ни в коем разе не считаю Аню дурой, но проблемы с восприятием себя у неё, однозначно, имеются. Ей бы тоже к психологу и лучше к настоящему. Или к мужику с нормальными взглядами и предпочтениями. А то ей и в Питере одни идиоты попадались, и в Москве богачи, но интеллектуально обеднённые. Эх, Анька… Вот, кому надо было в сказку попасть. Она же у меня, знаете какая… Крутая. Как-то раз кошку спасла от своры собак, голубя больного выхаживала, а ещё сама обезвредила вора. Тот пытался сумочку у бабульки украсть, а она его из баллончика р-раз! В общем, провидение ошиблось. Проклятие, наверно, надо Аньке снимать. Своё умное предположение я и озвучила, но Яга поразила реакцией.

– Глупости какие, Маша. Какой бы замечательной ни была твоя подруга, а Колоколии приснилась ты. Это знак, – охотно начала меня переубеждать Виевна, радуясь позабытой на полу косметике. – Ты же храбрая, сообразительная, умная, красивая, добрая. Ты такая, какую мы всегда ждали. Сколько я будущих королев повидала, а только ты заслуживаешь звания стать этой самой королевой, потому что ты, Машенька, особенная. О тебе в пророчестве сказано.

– Врёте?

– Вру.

– Ну и ладно. Приятно.

– Мы так лестью задабривали твою предшественницу, – хмыкнула зелёная, – она тоже страдала от неуверенности и перед битвой с Горынычем с пеной у рта доказывала, какая у неё прекрасная подруга.

– И сестра, – добавила Яга, – и любая из соседок, одногруппниц, и, вообще, кто угодно лучше, смелее, чем она.

– Убедила?

– Нет.

– А вы её?

– Убедили. Со Змеем поборолась.

– Но…

– Но на чудовище сдулась. Как увидела, так и…

– Сбежала?

– В обморок грохнулась, а там чудовище её и… того, – вздохнула Виевна.

– Убило?! – меня накрыл ужас.

– Да что ты, Маша! Забрало с собой и женой своей сделало.

Я потеряла дар речи. Собрав мысли воедино, а то они быстренько так разбежались, почти как тараканы при вспышке света, выдохнула, и, подёргивая глазом – похоже нервный тик от этой сказки начинается – уточнила:

– Выходит, все недокоролевы тем или иным способом выходили… замуж?

Яга с лягушкой кивнули. Я икнула, в миг осознав: если живой отсюда, может, и получиться выбраться, то свободной, точно, нет.

Сначала понимание меня обескуражило, смутило, взбесило и очень расстроило. Я замуж не собираюсь: ни за принца, ни за кого другого. В ближайшее время планы другие. А проклятие сниму как-нибудь, обойдясь малыми жертвами. Не знаю пока, какими, но не ценой свободы. А поразмыслив ещё чуток, мне пришла мысль о полезности всех этих свадеб. К тому же такая обязаловка играла, в общем-то, на руку в борьбе с Горынычем. Так что… Как говорится, где наша не пропадала!

– Яга Виевна? – спросила я, мило-мило улыбаясь, – а пару найти должны все в вашем мире или только будущие королевы?

– Не знаю. О подобном нигде не говорится.

– Я-я-ясно, – задумалась. – Ладно. Чем чёрт не шутит.

– Маш, а ты это о чём?

– Да так. Обдумываю план борьбы с Горынычем.

– Ты его женить вздумала? – догадалась лягушка, вызвав моё не скрываемое восхищение.

– А почему нет?

– Не получится, – выдала земноводная, – в сказке нет ни одной, кто бы за него пошёл.

– А в соседних?

– Тоже, – подключилась Виевна. – Ты затею брось. Лучше думай, как будешь от огня спасаться. Змей придёт злой. Очень злой.

– Голодный, – добавила бородавчатая.

– Голодный? Так это замечательно! Тогда планы меняются! – широкая улыбка озарила лицо, заставив присутствующих поёжиться.

– Ты что, задумала? – прищурилась старуха.

– Сначала хотела ему невесту подобрать, – призналась я. – Но раз вы говорите, вариант неудачный, тогда попробую его сдобрить. Накормлю до отвала.

– Интересная, хотя и сомнительная идея, Машенька! – донеслось из-за двери. – Ягушка, я пойду Степаныча покормлю! Он от одного упоминания о еде проголодался. А потом вернусь, хорошо?

Действительно на улице слышался скулёж. Громкий такой. Пронзительный. Видимо Степаныч вышел из избушки и теперь пугал округу.

– Да иди ты! – продолжала злиться Виевна. – И не возвращайся! Сдался ты мне, предатель!

– Буду через пару минут, Ягушка, – ответил необидчивый дух и удалился.

– Маша, ты хоть знаешь, чем Змей питается? – полюбопытствовала Виевна.

– Рыцарями? Шутка.

– Ими, – ответила Яга.

– Плохо, – взгрустнула я, но решила не отчаиваться и добавила: – Значит, мама из Инстаграма, пора менять его рацион.

Старуха с лягушкой переглянулись, а я довольная своим гениальным решением, вытащила из рюкзака телефон, естественно в сказке не работавший, и открыла ворд.

– Но сперва, бабушка, небольшой сеанс у психолога. Пока мужчины рядом нет, расскажите о своих проблемах. Дух не узнает, если вы его стесняетесь. Обещаю.

– Ты умом тронулась? Какой сеанс? Что это вообще такое?

– Беседа.

Яга вздохнула, и, видя решимость на моём лице, спросила, теряя всякую надежду:

– Стресс не отпустил?

– Не-а. Итак, расскажите, когда и после каких событий вы стали бояться пуховочек и прочих штучек?

Лягушка тихонько захихикала. Яга заскулила похлеще Степаныча.

Глава 10. Психолога вызывали?

Психологический сеанс проходил достаточно долго для того, чтобы Виевна успела проклясть горе-спасительницу, погоревать из-за проклятия, припомнить трудности жития-бытия в Яговском роду и в своём, в частности, припомнить свою любимицу из недокоролев с красивым именем Дарья, погибшую в битве с ведьмой, вернее превратившуюся в белку – вы же помните, здесь не умирают, а перерождаются – и буквально пасть на колени, умоляя меня оставить всё как есть.

О самих психологических проблемах так и не поговорили.

Но я разошлась не на шутку, и пока исполняла роль психотерапевта, успела саму себя морально подготовить к тому, что не только спасу принца и сказочный мир, но и переделаю этот самый мир, перестрою всех и каждого и вообще отлично проведу время. А что, у меня же отпуск!

Об этом я как-то подзабыла, а ведь отдыхать тоже необходимо. Да, отдых, спасая всех на своём пути, сражаясь со Змеями и ещё чёрт знаем с кем, очень отдалённо напоминает отдых, но рассуждать надо позитивно, иначе… Иначе становится очень грустно и страшно. Всё-таки нервы никуда не сбежали, и, похоже, я жуткая трусиха. Не замечала за собой раньше особой боязливости, но как подумаю, что солнце скоро склонится к горизонту, а к избушке Яги прилетит Горыныч, так и хочется зарыться под землю, прорыть туннель и убежать, уползти так далеко, где это дурацкое пророчество не достанет. Почему-то я уверена, на земле оно меня найдёт, а вот под…

Поэтому мыслю позитивно, нахожу плюсы в сказочном безобразии и добавляю красок. Каким образом? А вот так. Собиралась на дачу? Что ж, а здесь чем не дача? В башню больше запирать не собираются, гулять разрешают. А вокруг-то, если приглядеться, лес большой, красивый, ароматами наполненный. Если выбросить из памяти всякие разные ведьмавяжские вонючие цветы, запахи в основном привычные: ель, свежий воздух – он особо пахнет, мёд. А ещё можно почувствовать запах воды, травы и грибов. Парочку я уже заприметила, когда в этот раз к Яге возвращалась. Они растут прямо на

поляне, позади одного из фейских домиков. Не знаю, разрешат ли их сорвать, но выглядят те добротно, а не как бОльшая часть лесного богатства, страдающая от избыточной фантазии злой ведьмы. Так что, грибочки буду иметь ввиду, если захочется родного супчика. В своём мире я грибной варила часто, правда использовала замороженные и грибы, и овощи. А здесь из свежих, наверно, получится насыщенный. Волшебный. И хочется верить, что волшебный по вкусу, а не дарующий мне какое-нибудь умение летать, как рассказывала бородавчатая про одну из моих предшественниц. Та тоже хотела полакомиться грибочками, а в итоге обрела крылья.

И несварение.

А летать с диареей, ох, как неприятно…

Речка здесь красивая живописная, по крайней мере пока. Рыбки красочные в большом количестве. Кстати, Анька варит отличную уху. Нет, я не собираюсь издеваться над местными водными животными, поскольку сама уху не особо люблю. К тому же готовить её не умею. Я вообще брезгую разделывать рыбу, да и жалко мне её. Каждый раз в магазине смотрю на холодных мёртвых, зарытых в ледяные сугробы, и сердце прям разрывается.

Наверняка, это всё из-за того, что в детстве отец как-то напугал меня рассказом о том, как убитые рыбы являются во сне к своим мучителям и смотрят на них, не мигая до тех пор, пока те не лишатся сознания. Так же он говорил, будто люди давятся косточками, и иногда даже из-за такого пустяка умирают именно потому, что так хотят рыбы. Вроде как они насылают на нас проклятия.

Глупость, конечно. Я давно не ребёнок и понимаю, насколько глупы эти байки, но, если страх удалось изжить, то брезгливость нет. А жалость… Я в принципе очень жалостливая. Из-за этого однажды чуть серьёзно не пострадала.

Помню как-то в школе мальчик предложил мне пойти погулять, а я не хотела – боялась. Все в классе знали, Петька этот славился неуважительным отношением к девочкам и любил их обижать. Физически.

Приглашал погулять, отводил подальше к лесу, где местные проходили крайне редко, и…

Разное говорили, но все сходились на одном: Петька мальчик опасный.

Я тогда была в восьмом классе и уже понимала, что красота не в новых платьях или косметике, она у каждого внутри. Я-то понимала, а одноклассники нет, поэтому на свидания меня не приглашали, а тут Петька неожиданно вызвался. Уговаривал, расписывал мои красивые глаза, улыбку, фигуру… Другими словами пытался обаять.

Сам-то он внешне привлекал внимание: выше прочих, широкоплечий, с задоринкой в глазах и каштановой гривой. Он улыбался, и девчонки таяли, хотя и слышали неприятные истории. Так что, когда красивый мальчик обратил внимание на меня, я тоже растаяла. Но ненадолго. Ровно до следующей перемены, когда Петька, не зная, что я стою за углом, принялся кадрить девчонку из параллельного класса.

От гулянки я отказалась, прямо сообщив ему об этом в конце дня, – до этого не решалась. Всё-таки, мальчик он был сильный, и помимо дурной славы имел какой-никакой, но авторитет у определённых ребят, ставшими позднее грозой нашего городка.

Да-да, можете считать меня трусихой, но отказать было страшно.

В общем, Петьку я расстроила, а он расстроил меня, рассказав, какая я особенная и неправильно понявшая его ухаживания за другими. Мол, он такой несчастный: всё пытается найти нормальную девчонку, проверяет её на ревность, но все оказываются сплошными скандалистками. А я ругаться не стала, а тихо подошла и сказала, что не пойду гулять. Петька меня за это ещё больше начал любить.

Несомненно, в любовь мне не верилось. И если бы Петька не стал рассказывать о заболевшей матери, которая так ждёт, когда он познакомит её с подружкой, я бы никуда с ним не пошла. Но рассказ о маме впечатлил. Петька упоминал те моменты, которых мне так не хватало в собственной жизни. Моя-то мама к тому времени давным-давно уже умерла, и мне её очень сильно не хватало.

Жалея мальчика, которого вроде как вокруг все оболгали, и он готов мне это доказать, я взяла портфель и после уроков пошла с Петькой.

Сомнения, конечно, закрадывались в сердце, ведь я сама не раз видела Петьку в компании то одной, то другой, то третьей девчонки, но он всю дорогу повторял, что они все не те, а я особенная. Снова и снова вспоминал болеющую маму. Расспрашивал о моей и искренне сочувствовал.

Это я потом уже поняла, удирая от обидчика: вешали мне лапшу. Профессионально и воодушевлённо. А тогда в объятиях красавчика, ласкающего мою шею травинкой, думала, что, может, и правда, окружающие о нём лгут.

Хорошо, я худенькая и юркая – увернулась от этого недоделанного мачо, а ведь могло закончиться не только порванным платьем.

Хотя… если хорошенько подумать, то, наверно, потянула меня не жалость к Петьке и его маме, а любопытство плюс жажда приключений. Жизнь-то у меня была не слишком весёлая, а тут красивый мальчик, да ещё и опасный…

Н-да, сглупила я тогда, согласна, но в оправдание скажу, что больше подобных вещей я не делала.

Но вернёмся к отдыху в сказочном мире и плюсах, найденных мной в этом всеобщем дурдоме.

Плюс номер один: никакого электричества, платежей за квартиру и прочих прелестей коммунального характера. Живу бесплатно, кормят на убой – сегодня так точно. Условия жизни, не считая проклятого пророчества, более, чем приемлемые. Смогли бы вы задаром поселиться в живописном месте с отменной погодой? Ну… почти отменной. За время моих стараний-страданий с Ягой настроение ведьмы скакнуло раза четыре, соответственно, в окне мелькнули все четыре времени года. Бедные звери, бедная природа! Но я думаю только о хорошем, позитивном.

Итак, дом хороший, вид прекрасный, еда вкусная. Люди… Персонажи. Герои. Существа, в общем, довольно милые. Бородавчатая оказалась не такой уж и вредной. Если бы не её советы, как лучше с косметичкой договариваться, не открылась бы та вовек, а я же настроилась Ягу в красавицу превратить. А если что задумала… В общем, упрямства мне не занимать. Возможно, поэтому, несмотря на все придирки географички и разные колкости ровесников всё же выжила, выучилась, в институт поступила и красный диплом получила.

Идём дальше. Новые знакомства. А что? Пообщаться с бабой Ягой, говорящим деревом, то есть духом леса, поспорить с лягушкой, увидеть живую фею и выгулять монстра на поводке – да это ли не приключение? Эмоций, впечатлений. Ощущений! На всю жизнь хватит. Я всё-таки планирую выжить и остаться незамужней.

А что впереди ожидает? Перевоплощение Яги в красавицу, налаживание её личной жизни с Лесочком. Как она его ласково называет. Умилительно. Нужно обязательно помочь старой. Может, тогда она и о пророчестве забудет?

Точно! Я поняла, откуда растут ноги всех проблем. С чего проклятие началось? С трусливой царевны! Рассказала бы отцу о своих чувствах, и он этот вопрос как-нибудь решил. Разве царь не бы сумел найти подход к зятю? Да хоть тот и Змей. Какая разница? Правители мудры, поэтому и правят. По крайней мере так должно быть, хотя насчёт этой сказки у меня большие сомнения. Но мыслим позитивно.

Налажу отношения Яги с Лесочком, помогу ведьме найти себе подобного, колдуна, к примеру, и все заживут счастливо. А я останусь живой и невредимой.

Да. Есть плюсы в сказочном пребывании. Из реалиста с замашками оптимиста превращаюсь в полного оптимиста. Хорошо? Хорошо. Идти на встречу с Горынычем следует с правильным настроем. Иначе кранты.

– Ты бы выпила чай волшебный, – отвлекла от мыслей Яга, осторожно двигаясь к выходу. – С Горынычем малыми силами не справиться. Победит он тебя. Жалко мне.

– А вы мне зубы не заговаривайте и стойте, где стоите. Свалить вздумали? Ну уж нет! Я обещала духу, что вы в новом облике предстанете, значит, предстанете. И как бы вы не боялись пуховочек, потерпеть придётся.

– Да, оставь ты, Машенька. Сама уже устала и меня вымотала. А в борьбу как можно без сил вступать?

– В борьбу надо вступать со смекалкой.

Видимо, мои слова её огорошили. Старая сползла по стеночке совсем как этакая барышня, что лишается чувств от каждого постороннего чиха. Но, к счастью, сползла и на этом остановилась. Кряхтя суставами – года брали своё даже у сказочной бабки – уставилась на меня совсем недобрым взглядом, затем опустила голову, а с губ сорвалось:

– Ох, непутёвая ты…

– Сами такую выбрали, – фыркнула я, возвращаясь к набору косметики.

Яга (всё-таки провела меня старая!) – резво поднялась, будто ничего и не хрустело, подскочила, напугав злыми огоньками в глазах, и затарахтела:

– Маша, скоро Змей явится, а ты не готова! Как же ты собираешься нас спасать, если до сих пор не веришь?

– Да, верю я вам, верю.

– Если веришь, почему ерундой занимаешься? Почему чай не пьёшь? Мы же все добра тебе желаем, Машенька! Спаси нас, и дело с концом!

– С концом – это точно.

– Не придирайся к словам.

– Не придираюсь. Только вы сами мне добра желаете, а ничем не помогаете, – пошла в оборону. – Я попросила у вас самую малость: посидеть тихонько, помолчать, пока я колдую…

– Колдуешь? – перебила Яга и схватилась за сердце. – Так у тебя дар имеется. Что же ты раньше не сказала? А Колоколия? Тоже молчунья. Это же всё меняет!

– Подож…

Не успела.

Глава 11. Настоящее волшебство

Как говорится, маразм крепчал. Яга заведённой юлой завертелась по комнате, что-то соображая, прикидывая. Шепча. И как ей удаётся в столь преклонном возрасте сохранять такую бурную активность?

Чудеса.

Тоже так хочу.

Эх, жаль разочаровывать старую, но лучше сделать это сейчас, пока она ещё чего не придумала. Я сделала глубокий вдох, постучала по плечу Яги, когда та наконец перестала мельтешить, и тихо начала:

– Уважаемая…

– Яга Виевна, – подсказала бородавчатая, будто я могла забыть. Она успела упрыгать к Степанычу, а теперь вернулась и тоже так внимательно приготовилась слушать. Не без улыбки.

Проклятая лягушка!

– Что ты там собиралась сказать, королева?

– Молчи, земноводная!

– Яга Виевна, – я принялась мять низ футболки. От чего-то мне стало стыдно. И страшно. Надо же было так неаккуратно бросаться словами. И где? В сказке! – Насчёт моего колдовства…

Старуха нахмурилась, лягушка растянула морду в улыбке. Где-то за окном мелькнула тень коршуна. Никак ведьма подслушивает? Яга перехватила мой взгляд и спокойно объяснила:

– В пророчестве, если ты внимательно читала, сказано: глаза и уши зла повсюду.

Прозвучало это так, словно и Яга начала понимать, что я собираюсь сказать. Легче не стало.

– Я тебе помогу, – прыгнула поближе лягушка, – ты остановилась на…

– Знаю на чём остановилась, – проскрипела сквозь зубы. И начала заново. – Яга Виевна, тут… ошибочка вышла. По поводу моего колдовства. Дело в том, что в моём мире есть выражение такое – наколдую, поколдую. Знаете, когда хотят из ничего сделать конфетку, тогда прибегают к такому выражению. Не всегда, конечно. Но бывает.

Я, например, как будто колдую у плиты: паста, мясо, разные там супчики.

Воцарилась тишина. В комнате. Но я готова поклясться, что слышала за дверью вой. Никак Степаныч страдает? Из-за меня?

– У плиты… – не то прошипела, не то прокряхтела Яга. – Паста… Скатерти несчастной заказывали пасту «Болокезе».

– «Болоньезе», – поправила я.

– Её-её. Она бедная так растерялась. Выдумали. Пасту.

– А кто выдумал? Бессмертный?

– Одна из королев.

– Триста первая, – подхватила земноводная. – Она стресс едой заглушала. Бедная скатерть не успевала готовить, а Яга Виевна – её утешать.

– Да. Уставали мы сильно, – старуха вздохнула. – Машенька… – на лице отразилось страдание. – А ведь в вашем мире помимо всей этой ерунды заморской и недокоролев алчных есть ведь и хорошее. Люди очень сильные, храбрые, смекалистые. По ладоням читающие, будущее предсказывающие. Жертвующие собой ради спасения других.

Мне стало совсем не по себе. А Яга продолжала:

– Есть такие, что понимают громадных полосатых кошек.

– Тигров.

– И с большими зубастыми рыбами плавают.

– С акулами.

– Не перебивай, королева!

– Отстань, лягушка!

– Некоторые огнём плюют.

Факиры, подумала я про себя.

– А кто-то в огонь входит и не сгорает.

Это видимо про пожарных. Не стала огорчать её, объясняя, каким образом все эти чудеса происходят. Пусть верит в магию и в нашем мире. В конце концов, волшебники у нас имеются. Знаете, неделю назад по ТВ передавали репортаж о семилетнем мальчике, спасшим одинокую пенсионерку из горящей квартиры. Так что да. Тот мальчик волшебник. Он заставил старушку вновь поверить в доброту и сердечность посторонних людей.

– Но ты просто Маша, – прозвучало расстроенно. – А колдовство – это всего лишь выражение. – Но хоть что-то ты умеешь? Раз не

слушаешь советов, значит план какой задумала? Двести пятая королева даже рисовала свои действия. Она художницей была.

– От слова «худо», – вставила бородавчатая.

– Но не помогло. Как увидела Змея, так всё.

– Сразу замуж? – к такому развитию событий я привыкла, но Яга удивила.

– Нет. Сначала в обморок, потом в истерику. Затем замуж.

Я не сдержала ухмылки.

– Но та двести пятая. Она обычная. А ты особенная. У тебя должен быть план.

План был. Хиленький. Сначала встретиться с Горынычем. Затем предложить обсудить всё, как взрослым людям. То есть взрослым тварям. То есть… В общем, как взрослым. А можно ещё его накормить до отвала, чтобы он подобрел. Сытые ведь все добрые? Или накормить, а затем уже поговорить. Я не решила. Но то, что кулаками махать не собираюсь – это точно. Да и не умею я. Если честно.

Встретилась взглядом с Ягой и решила подарить и ей, и себе надежду. Кстати, ещё один плюс пребывания здесь – понемногу становлюсь не только оптимистом, но и профессионалом самоубеждения.

– Чудес я не творю, – начала осторожно. – Но смекалкой обладаю. И храбростью немного.

На меня смотрели с подозрением. Стало обидно. Я же не беспомощная какая-то! Подумаешь, Змей! И дальше стала самоубеждаться поувереннее.

– С Горынычем не сражалась, это правда, – подготовилась загибать пальцы. – Но человека от гибели спасала. И не раз.

В глазах напротив вспыхнуло любопытство.

Я приосанилась. А что? Почти не врала. Спасать действительно спасала. Аньку мою любимую. Раз двести, если не больше. Она влюблялась, а ей сердце разбивали снова и снова. Анька рыдала и каждый раз умирала в моих объятьях под слезливую музыку. Жить она не хотела, видеть ЕГО не хотела, а покушать всегда пожалуйста. После того, как подруга чудесным образом воскресала от слова «пирожное», мы шли в магазин и покупали что-нибудь повкуснее и с большим количеством крема.

Минуту назад она умирала, и сердце у неё болело, и ноги, и руки, и душа, естественно. А потом р-раз! И пирожное открывало резервы здоровья и новые возможности для Той Самой Настоящей Любви.

Магия!

Я зажала большой палец:

– Однажды человек едва не утонул. А я спасла.

И Яга, и лягушка посмотрели с уважением.

Я им не лгала! Всего лишь чуть-чуть не договорила, не раскрыла, так сказать, всех тонкостей. Утопленник был. Анька. Утонула она в моей ванне. Когда пришла уже зарёванная. Тонула в пене – она так нервы успокаивала, под плаксивую мелодию: что-то попсовое и заунывное. И хоть тонула не по-настоящему, а утонуть могла. В своём нежелании признавать очевидного: принц оказался не принцем, а козлом; её пятьдесят четыре килограмма здесь были ни при чём; парни бывают разные, но она выбирает одинаковых.

Анька очень пыталась захлебнуться в слезах, особенно, когда у неё даже из пены не получилось сердечко – оно расплылось – но я, как верная подруга принесла из морозилки мороженое – от пирожных мы тогда взяли передышку, – и произошло чудо. Анька передумала тонуть.

Сказочным существам я естественно ничего такого не рассказала. Пусть лучше думают, будто я крутая. Так и им легче, и мне спокойнее. А то вечер близится, а план, как вы помните, так себе.

Загнула указательный:

– А как-то мне пришлось лезть на дерево, чтобы тот, кто туда залез, не пострадал.

На самом деле этим кем-то была кошка. Причём прыткая и ловкая. Деревья – её любимая стихия. Будто родилась птицей. В спасении Фёкла не нуждалась, но она так громко оттуда орала в обиде на жадину-хозяйку, не давшую колбасы, что мои нервы не выдержали. Я благополучно её спустила с ветки, и сама накормила.

Жалостливой я была в двенадцать лет. А ещё глупой. Оказывается, Фёкле колбасу врач запретил. Но не будем о грустном.

В ход пошёл средний палец – любимый Анькой в общении с бывшими «принцами».

– Когда в институте училась, преподавателя спасла, – я честными-пречестными глазами смотрела на старуху и видела: та мне верит. Чего не сказать о лягушке.

– И от чего же? – хмыкнула та, и я поняла: наша дружба закончилась на косметичке.

– От убийства, – тоже позволила себе ухмылку.

Яга всплеснула руками, бородавчатая промолчала. Верьте, не верьте, а это правда. Одногруппник мой, Стасик, был тем ещё любителем выпить. И как-то раз явился на пару вместе «с белочкой». И с бутылочкой. Семён Аркадьевич, препод, орал, угрожал. В общем, пытался по-разному парня приструнить, а когда тот в пьяном угаре ляпнул, будто гуляет с дочкой Аркадьича, дело едва не дошло до убийства. На словах. Но это же нюанс.

Стасик, естественно, ни с какой дочкой не гулял: сдалась ему тётка, годная в мамы. Но Степан Аркадьевич был преподавателем с ранимой душой и очень высоким мнением о своей Ниночке, поэтому подобное заявление со стороны студента галёрки не могло остаться не замеченным.

Я вмешалась в их бурный диалог, пообещав позднее преподу всё-всё объяснить, а поскольку к лучшим студенткам прислушиваются, Аркадьич согласился.

Стасик, он же хоть и лоботрясничал, и выпивать любил, а сам по себе был не так уж плох. Да и вёл себя по-свински не из-за характера, а из-за личных проблем. У него отец ушёл, мать выпивать начала, вот нервы и сдали. Аркадьич об этом не знал, а я знала. Да вся группа знала: сплетни разлетались быстро.

– От убийства… – не скрывая восхищения, повторила Яга. – Достаточно, Машенька. Ни к чему сейчас о плохом. Ты лучше на хорошее настраивайся.

– А подробности, королева?

А не заткнулась бы ты, лягушка. Но это я лишь подумала. Вслух, не желая портить впечатление о своей храбрости, смелости, добродетели и светлости образа, опустила глаза и вздохнула. Грустно.

Как могла.

– Люся, не будь такой любопытной. Она и без того нам много рассказала. Думаешь, легко ей в такую пору? Змей вот-вот явится. – Яга почти с любовью взяла меня за руку и произнесла. – Машенька… Права была Колоколия. Ты особенная.

С чувством вины я посмотрела на старую, и она мне вдруг очень напомнила бабушку. Добрую и внимательную. Заботливую.

Но переубеждать её я не стала. А ложь она ведь не всегда ложь, правда? Бывает и во благо. Хочется верить, сейчас тот самый случай.

Внезапно заалел закат, солнце скользнуло за горизонт, и за окном вмиг потемнело. Слишком быстро. Слишком стремительно. Словно кто-то взял кисть и широким таким мазком покрыл всё чёрным. Никак эти перемены по воле писулек с пророчеством?

Ненавижу эту сказку.

И темноту не люблю. Сейчас бы фонарик. Да хоть спичку!

И, словно по заказу, вспыхнул свет.

В небе.

В пасти гигантского Змея.

Темнота наполнилась вздохами. Траурными.

А у меня подкосились ноги.

Глава 12. Встреча с Горынычем

Во тьме зловеще скрипнула дверь. Что-то мокрое коснулось руки. Я не сдержалась и вскрикнула.

– Тише, – Яга быстренько наколдовала фонарик. Такой себе современный. Но удивляться времени не было. Я посмотрела вниз и вздохнула с облегчением: по руке всего-навсего расплывались слюни Степаныча. А я-то подумала… С фонариком ведь всегда не так страшно: монстры обычно мельчают, они превращаются в удлинённые тени от мебели и деревьев за окном. Обычно.

Не сейчас.

Гигантский Змей, почему-то не трёхголовый, ни капли не потерял в размерах. В свете фонаря он даже стал казаться ещё больше. И уродливее.

Теперь я понимаю, почему добровольных невест не находится ни в этой сказке, ни в других.

Туша подлетела к окошку, улыбнулась. Яга перекрестилась. Степаныч спрятался за деревянного, лягушка скрылась под столом. Косметичка, словно прикрывая хозяйку от крылатой угрозы, раскрылась и встала стеной. Горыныч кашлянул, довольно тактично, немного подался назад и, то ли приглашая меня на свидание, то ли красиво выманивая из избушки, протянул когтистую лапу.

– Заманчивое предложение, – послышалось лягушачье ехидство.

Я зло сверкнула глазами в её сторону, твёрдо решив, выживу – а я выживу – и пну бородавчатую прямо в болото. Дальнее. В какую-нибудь малоизвестную сказку.

– Пора… – прошелестел деревянный. И он действительно прошелестел – листиками. Как в малобюджетном ужастике.

Сглотнула и сделала шаг вперёд. От страха тряслись поджилки. Но я ведь русская женщина. Что я? С каким-то Змеем не справлюсь? Он огромный и толстый, а я – мечта любой вешалки; он плюётся огнём, а я сарказмом; он летает, пугая округу, а я пою, нервируя соседей. У Змея громадные когти, кстати, безобразные, без маникюра, а у меня однажды были накладные: такими, знаете, только огурцы из банок вылавливать и винтики вкручивать. А ещё с ними хорошо

дублёром Крюгера сниматься. Сейчас-то у меня аккуратные, свои. Но были же! Так что меня двухметровыми пластинами не напугать!

Ой, мама из Инстаграма, у него что, и правда, такие длинные когти?

Мне резко поплохело.

– Час настал, – молвила Яга.

Я не очень хотела идти, но неведомая сила увлекла за собой. К двери. Ой, фонарь Яги остался при ней. Хотя… ладно. Света Змея даже больше, чем надо.

Сила древнего пророчества! Сгинь! – хотелось мне крикнуть, но я понимала, что это бесполезно. Змей уже устремился к середине поляны, взмыл в небо и теперь наворачивал круги, рисуя светом фонаря странные фигуры.

Поджилки тряслись, всё внутри ходило ходуном, а сама я сначала как в замедленной съёмке шла и шла, отдаляясь от башни, а затем начала ускоряться. Никак те самые силы свыше подгоняют? А нет. Ветер. И откуда он взялся? Не было же!

Я очень пыталась взять себя в руки и хотя бы перестать смеяться ненормальным смехом, но стресс взял бразды правления, и мне ничего не оставалось, как ржать или, в лучшем случае, похихикивать. Последнее давалось благодаря огромному усилию и воспитанной силе воли.

Вдруг в глазах вспыхнули огоньки, и передо мной пронеслась вереница светлячков. Машинально подняла руку, прогоняя – неудобно, когда обзор закрывают. Хотя в другой ситуации я бы лучше шла с закрытыми глазами, но сейчас это опасно. Я так могу дойти до самой пасти Змея! И трудиться не придётся: ни ему, ни мне – всё останется позади. Заманчиво.

Но нет.

Умирать сказочной смертью не хочу. По правде говоря, я и к обычной не стремлюсь, а тут так… глупо. В лапах, то есть в пасти Горыныча, которого в мультфильмах показывают. Это он же там? Или родственник?

Спрошу у Яги или духа. Кстати, их жалко. И Степаныча жалко. Да и полянку, и избушку, и цветочки, и ягодки, и солнышко.

И меня мне жалко.

Умирать здесь жалко!

Внутренний монолог пролетел быстрее ветра, по крайней мере исходя из моего стремительного шага-бега, к Змею я уже не приближалась. Стояла напротив.

Дурацкие силы с крыши-свыше…

Горыныч опустился на землю и встал во весь рост, расправив крылья. Я видела лишь его огро-о-омные лапы. Задние. И когти. К счастью, не такие длинные, как передние. К несчастью, заострённые, словно у киношного вампира. На такой мизинчик случайно напорешься и кирдык. Хотя как можно случайно напороться на коготь Змея?

Отодвинулась чуть дальше. К счастью, наконец-то вместе с исчезнувшими огнями и светлячками в глазах вернулась и способность управлять своим телом. По крайней мере ноги слушались. Правда то, что выше окаменело.

Изображая скульптуру, ожившую своей малой частью, начала продвижение тем же путём, но обратно.

Змеиное пламя всколыхнуло воздух.

Я замерла.

Воцарилась тишина. Знаете, когда говорят «мёртвая», имеют ввиду вот это: не шевелилось, не дышало и не колыхалось НИ-ЧЕ-ГО. Со сказочным миром явно происходило неладное: он враз стал немым, глухим, слепым и неподвижным, и похоже к чему-то готовился. Секундой спустя стало ясно к чему.

Змей закричал.

Нет, не как страшный-престрашный монстр, чудовище, при звуке которого боишься умереть. И даже не как лев-гигант или уродливый великан.

Змей закричал визгливой девчонкой. Причём мультяшной.

И да, я действительно испугалась смерти. Но не от страха. Смеха.

Крик повторился. Змей затопал ногами.

От недовольства или пугает?

Прильнула к земле, пытаясь совладать и с собой, и с дрожью земли. Интересно, вся сказка трясётся? Честно говоря, сомневаюсь. Чувствую, везёт лишь избранной. И месту, где счастливица находится.

Я не сдержала любопытства и обернулась: ни один кирпичик башенки не вздрогнул, тогда как моё тело ежесекундно подпрыгивало

будто при езде на автобусе, проезжающем все местные ухабы мелкой деревеньки.

Моей, к примеру.

С трудом, но всё же поднялась на колени, только голову держала опущенной. Страшновато смотреть на Змея. Да и охотой я особо не горю.

Где там силы? Что дальше по пророчеству? Мне надо действовать, или всё само продолжится?

Совсем рядом пролетел огонь. Жар я прочувствовала каждой клеточкой.

Дурацкая сказка, дурацкое пророчество. Шашлык из меня хотят сделать. Кошмар какой-то!

Тряска прекратилась. Огонь подпалил какой-то реденький кустик. Не кустик. Так… кусточечек. Краем глаза я увидела, как ярким светом озарилось всё пространство. По кругу. Где стояли Змей, уже без фонарика, и я. А следом громогласно прозвучало:

– Молиться никто не разрешал. Машенька.

И тут я не сдержалась. Смех выбрался наружу: нетактичный и совсем нетихий.

Как и предполагалось, голос у Горыныча оказался таким же, как и крик. Однако в моей фантазии он звучал не так комично.

Представьте самую писклявую из всех возможных героинь. Представили? Забудьте. Горыныч в три раза писклявее. Так что мысли о смерти на время покинули.

– И смеяться не позволено, – продолжил Змей.

А мне его теперь и Змеем-то назвать смешно. Не ужасный летающий ящер, а Змеёныш. Нет. Змефальц. Похожим визгом разговаривают как раз мужчины без мужских признаков. Или истеричные люди. Тут уже неважен пол. Лично знаю одну девушку – «Не зли. Беруши не помогут». И мужчину, властелина всех студенток и «Моя причёска! Ты испортила мою причёску!». А с этой минуты в копилку знаний прибавился Змей.

Горыныч.

Змефальц.

По-моему, звучит креативно и создаёт интригу. Этакое чудовище, родственное со змеёй. Их же все не любят? Значит, страх, причём заранее, обеспечен!

И тут я подумала, что, если за время пребывания в сказке вдруг потеряю работу, устроюсь маркетологом или открою рекламное агентство. Опыта наберусь, спасибо пророчеству, а дальше где наша не пропадала?

– Я тебя победю. Машенька.

– Да вы издеваетесь? И здесь учить?! – ляпнула вслух. Посмотрела на Змея. К моему удобству он разлёгся на поляне, растянувшись до самой башни, дальше глаз не хватало. К моему страху, его глаза, алые и действительно змеиные, оказались слишком близко. Казалось, шаг, и упадёшь в эту огненную яму.

Плюхнулась на пятую точку и… вытянула руки вперёд. По пальцам пробежали искры. Небольшая заминочка, потому как я оторопело таращилась на ладони, поднеся их прямо к лицу, и те самые искры полетели в небо.

Потом устремились вниз, обратно.

Рассыпаясь конфетти.

Не только я смотрела с удивлением. Зрачки Горыныча тоже расширились. Морда, и без того вытянутая, стала ещё длиннее.

– Красиво, – честно призналась я. Потому что и правда было красиво. Разноцветные блёстки, большие и маленькие падали с неба, а с приближением к земле, увеличивались многократно, сияя солнышками. Но самое удивительное было не это: в кружочках фольги своим радужным мирком отражалась сказка. Я поймала собственное восхищение в одном из них и улыбнулась.

– Собиралась уничтожить меня красиво? – поинтересовался голос, разрушив прелесть момента. – Не положено. Будем биться. Машенька.

– Я вообще никак не собиралась тебя уничтожать, – ответом я его удивила.

Змей моргнул, переспросил. Повторно ответила.

– Не положено не собираться, – произнёс после недолгого раздумья Горыныч. – Вставай, я тебя буду победють. Машенька.

– Не хочу, – вздохнула. Страшный Змей резко перестал пугать. Да как может пугать кто-то безграмотный? Я начала злиться. В голове уже скакала доска с правилами русского языка.

– Не положено не хоте…

– Знаю-знаю, мама из Инстаграма. Только быть безграмотным тоже не положено.

– Что за инстаграма? Я не знаю подобного заклинания. Вставай! Будем биться!

Змей запыхтел не хуже старого чайника. Только не засвистел. Впрочем, у бабки-владелицы квартиры, где я снимаю комнату, чайник тоже не свистел. Сломался. Вот и этот… Змей. Похоже сломался. Он отчаянно тужился, пыхтя сильнее и сильнее, будто желая оглушить свистом, но не выходило. А я не мешала, тихонько наблюдая.

– Биться! – рявкнул, вернее взвизгнул. – Вставай!

– Хорошо, – я сдалась. Как бороться не знала, но зато отлично понимала, как улучшить его речь. В общем, во мне проснулся учитель, и засыпать он не собирался. – А биться как? – уточнила, растеряв весь ужас.

Горыныча вопрос застал врасплох, и он неуверенно ответил:

– Главное… биться.

– Ладно. Если неважно как, тогда давай биться об заклад.

– Новое заклинание? – глаза вновь расширились. – Не слышал. Но я всё равно победю.

Я усмехнулась. Горыныч напрягся и запоздало спросил:

– Об заклад – это больно?

– Как повезёт.

Глава 13. Могучий язык

На спор с Анькой – любимое занятие. Нет, не подумайте, утешать её и вытаскивать с того света из-за Коли, Миши, Вани, Гриши я люблю, но делать что-то на слабо всё же нравится больше. Да и игрались мы в основном, так, по мелочи. Но с приятными призами. А вообще рядом с Анькой я всегда становилась храбрее и находчивее, поэтому без проблем соглашалась на любые авантюры – в рамках приличия, конечно.

Как-то раз она мне заявила:

– *Бьюсь об заклад, ты никогда не изменишь свой цвет волос.*

Я спросила:

– *Если изменю, что получу?*

– *Моё платье. То самое.*

Надолго об этом забыли. Но вы же помните, какой я прибыла на встречу с подругой в тот самый день, когда чёртов принц порадовал поездкой в Таиланд? Чтоб его… И после подобного я должна спасать красавца? Ха! Услужил. Мир спасу, а его – нет! За какие грехи он меня затащил в эту сбрендившую сказку?

В общем, победу над Анькой в этот раз я тоже одержала. Цвет волос ведь поменяла? Поменяла. А уж какие условия, никто не обговаривал. Так что Аньку побеждала. Причём неоднократно. Настала очередь Горыныча. Что я, Змея не смогу победить?

Только жаль платье так и не увидела. Роскошное. Синее атласное с шлейфом. Но ничего. Выберусь отсюда и пойду в нём гулять прямо по улицам Питера. Заслужила!

– Начинаем биться? – уточнил Змей, выдёргивая из воспоминаний. – Об заклад?

– Ну… если надо, значит надо, – уселась, расположившись поудобнее. Сейчас бы диван, подушки и чай с пирожным, как обычно. Но пуститься в мечты я не успела, сразу услышала:

– Биться, что, сидя, будешь? А как же стоя?

– А стоя также, как сидя.

– Не понимаю. Машенька.

– Тут не понимание требуется, а храбрость и чуточка безумства. – Вспомнила, как мы с Анькой изводили продавщицу в небольшом магазинчике, требуя зелёное, но зеленее, менее зелёное, среднее. Улыбнулась.

– Что-то коварное задумала? Ты смотри… всё должно быть по-честному. По-сказочному.

– Конечно-конечно. Начнём?

Змей прищурился – пытался раскусить мою задумку. И похоже, решил для себя, что я ему вполне по зубам.

– Биться, – повторил как заведённый.

Я не стала томить бедного Змея и уверенно заявила:

– Бьюсь об заклад, что без всякой магии из кота сделаю кашу. А ты бьёшься?

Бьюсь, – прозвучало непоколебимо. – Род Горынычей всегда бьётся. – Довольная морда пыхнула огнём. В сторону. А моё сердце всё равно пропустило пару ударов.

Я начала осматриваться по сторонам, но, как назло, ничего подходящего не увидела. Змей тем временем расслабился. Он уже предвкушал победу и по этому случаю умудрился состроить морду, которая должна была бы говорить о его могуществе, вселять страх и желание сдаться прямо здесь и сейчас, однако внутри меня разгорался только смех. Голос Горыныча и выражение морды в совокупности оказывали почти что щекотное действие.

Но я держалась, продолжая поиски. Из-за уничтоженного кусточечечка пришлось ползти к дереву. Дальнему. Потому что в ближайших метрах десяти Змей успел спалить всю растительность. Да, времени он зря не терял: пока я искала то, что превратит кота в кашу, он демонстрировал силу и умения, швыряя струи огня налево-направо. Другими словами, выпендривался, как это часто делают друг перед другом мальчишки.

А я сначала ползала, затем осмелела и стала ходить: пришлось выйти за подсвеченный магией круг, чтобы наконец-то найти целёхонькое дерево. Изображая обезьяну и вспоминая, как снимала Фёклу с ветки, я полезла наверх. Раз-два-три, палочку лови!

Уронила я долгожданный предмет. Но не по собственной воле. Дерево было не только целым, но ещё и ох каким живым: ему

оказалось не по нраву, что кто-то взобрался на ствол, и оно меня наглым образом стряхнуло.

Но палочка-то есть. Я уронила её, потом себя на землю, отряхнулась и во всеоружии двинулась обратно к Змею. Тот уже подготовился, встал в позу «сейчас я наваляю», напомнив мне игру «Мортал Комбат». Сама не играла, но один из принцев Аньки фанател от неё жуть. Он, мама из Инстаграма, даже футболку себе заказал с логотипом и ходил в ней безвылазно. А принцу на минутку было тридцать семь годочков.

– Наконец-то биться! – гаркнул-пискнул Змей, возвращая в реальность. Его голос тонкой стрелой полетел в небо, и грянул гром. Либо Горыныч обладает магией, либо это балуется ведьма. Я ожидала дождя, но дождь не пошёл. – Биться, – повторил Змей.

– Помню, – сказала я и под его разочарованным взглядом принялась чертить палкой по земле.

Горыныч оторопело наклонился, затем и вовсе улёгся на поляну и стал наблюдать. С чувством. Думаете, это был интерес? Удивление? Не угадали. Страх.

– Ужасное заклинание, – заметил он.

Продолжая своё дело, поинтересовалась:

– Читать умеешь?

– Умею. Но зачем? – И гордо продолжил:

– Змеям это не требуется. Мы бьёмся. В этом наша сила.

– И победюете, – вздохнула я.

– И победюем, – согласился он. – И тебя я, Машенька, победю. Но… подожди! Ты говорила без магии. А это…

– Это всего лишь русский язык. Если точнее, слова.

– Волшебные? – нахмурился. – Нельзя.

– Они обычные.

Цепочка слов продолжалась, а Горыныч всё больше терялся. Страх на морде сменялся непониманием, восхищением. Любопытством.

– А ты храбрая, – сказал, когда дописала последнюю букву.

– У меня тридцать первоклассников, – пояснила я, но он не понял.

– Теперь бьёмся? Машенька?

– А мы уже бьёмся. Читай.

– Зачем?

– Не хочешь? Могу сама, – и я принялась озвучивать накарябанное палкой. Писать было непросто: земля, по-видимому, не привыкла к таким экспериментам и в унисон с деревом не одобряла моих действий: она никуда не скидывала, зато ежесекундно стирала слова. Но мне не привыкать к капризам. Я одновременно и зачитывала, и подправляла буквы. – Кот. Кит. Бит. Бита. Рита. Рига.

Вообще-то по правилам этой игры использовать имена, названия и добавлять буквы нежелательно, но мы условия не обговаривали. Так что я смело подняла глаза на Змея и закончила:

– Лига. Липа. Лапа. Капа. Каша.

Змей посмотрел на меня, как на диковинку.

Я протянула:

– Всё-ё-ё.

– Что, всё-ё-ё?

– Я превратила кота в кашу.

Змей завис.

Земля сдалась и, кажется, охнула.

В небе каркнула ворона. Недовольно. Ещё и лапой погрозила. С огромным перстнем. Прямо в воздухе. Я догадалась, что это ведьма и подарила ей улыбку. Та каркнула ещё громче и улетела прочь, оставив после себя сердитый шёпот. Он вился туманной змейкой, а потом исчез.

Горыныч сглотнул. Я хмыкнула, очень собой довольная.

– Победила, – озвучила радостно и развернулась, чтобы покинуть Горыныча, но развернуться смогла, а уйти с поляны нет. – В чём дело? Кот превратился в кашу! Что ещё надо?

– В битве три раунда, – хмуро сообщил Горыныч. – И я не всё понял.

Неудивительно, – подумала я. – Победютель. – Скрестила руки на груди, выжидая.

Горыныч замялся:

– Слова знаю многие, но не все. Бит – это… зверь такой?

– Единица измерения информации такая. Частичка, другими словами.

– А-а-а.

– Ещё есть направление в музыке. Смесь соула, рок-н-ролла, ду-вопа, скиффла и ритм-н-блюза.

Всё-таки учитель во мне продолжал брать верх. Но знания я получила не из института, а от Аньки. Она какое-то время встречалась с Менчиком – до настоящего имени их отношения так и не дошли, серьёзности не хватило, – и он-то как раз увлекался вышеназванной музыкой. А раз увлекался он, то и Анька.

– А это точно русский язык? – уточнил Змей.

Я кивнула.

Он медленно перевёл взгляд с меня на землю и стал читать сам:

– Кот. Кит. Бит. Бита. Рита, – остановился. – А Рита тут при чём?

– Рита – имя.

– А я думал, Рита – это пятьдесят первая королева. Она хорошая была. Сказку нашу любила, всем помогала. Жалко её.

– А что с ней?

– В речку превратилась. Тут неподалёку протекает.

Я ахнула. А как тут эмоции сдержать?

– И что же с ней случилось? – спросила, затаив дыхание.

– На колдунью пошла без подготовки, а Виевна ведь её предупреждала. Но Рита так помочь хотела, что… – печально вздохнул, – явилась к ведьме прямо утром ранним. Её предупреждали, что невыспавшаяся колдунья – смертельная угроза, но она не послушала. Пришла, а та глаза открыла, зевнула и как ударит заклинанием, увидев нежданную гостью. В общем… теперь Рита – речка.

Я не знала, что сказать и поэтому лишь сочувственно вздыхала. С одной стороны, история действительно трагичная и страшно-грустная, с другой, предсказуемая и глупая. Да, мама из Инстаграма, каждый знает, что утро – тяжкое время! Не для всех, но большинства! А проснуться и увидеть постороннюю… Нет-нет, я не оправдываю колдунью. Но на её месте тоже бы не чай предложила. Убивать не убила, а накричать очень даже. Я вообще не люблю, когда меня от сна отрывают. Будильник не в счёт. Так что понять злодейку могу. А Риту – нет. О чём она думала? Или Рита была одним из тех позитивных жаворонков, у которого, чем раньше утро начинается, тем счастливее день заканчивается?

Змей между тем повздыхал-повздыхал и вернулся к написанному:

– Рига?

– Город.

– Лига?

– Объединение.

– Липа. Лапа. Капа. Каша. А капа – это имя или город?

– Встречается среди имён. Но чаще капа – это такая штуковина, которую вставляют боксёрам, чтобы те остались при зубах. А бывает ещё стоматологическая капа – для исправления прикуса.

Как вы уже догадались, об этом я тоже узнала от Аньки. Влюбилась она как-то в парня, мечтающего стать стоматологом. Я ей сразу сказала: адекватный человек не станет мечтать о вырывании жёлтых вонючих зубов. И оказалась права: парень любил шрамирование и вообще вёл себя очень странно. Потом ещё лечился где-то. На любовной практике моей подруги, кстати, тот случай был самым неприятным.

Но вы не подумайте, я не плохого мнения о стоматологах! Профессия отличная, люди замечательные: мне по крайней мере везло с врачами. Но с тем совпало.

Змей выглядел расстроенным:

– Ну… хорошо. Машенька. Кота в кашу превратила. Но больше так не будем.

– Не будем биться?

– Биться будем. Но, если это и есть твой об заклад, тогда не будем.

Я не унывала.

– Хорошо. Можно и по-другому.

– Давай по-сказочному. По-привычному.

– С магией?

– Нет. Я – огнём, а ты – кричишь и в сторону, я – лапой, а ты – в обморок.

– Так не согласна. Защищаться буду.

Горыныч подумал, кивнул.

А я, оглядевшись по сторонам, заявила:

– Только место битвы другое найдём. По вашим правилам я же могу покинуть поляну?

– Сама? – удивился Горыныч. – Нет, конечно. Только со мной.

Уточнила:

– С тобой при каких-то условиях или просто с тобой?

– Со мной.

В голове мигом созрел план. Я оценила размеры Змея и свои шансы выжить, махнула рукой и решилась:

– Ладно, мама из Инстаграма, с тобой, так с тобой.

Глава 14. Помощница

Ожидал ли Горыныч такого убийственного хода? Вряд ли. Я и сама от себя не ожидала. Со стороны, наверное, выглядело так, будто я решила самоубиться. Ещё бы! Полезть на загривок огнедышащего Змея! Но у меня, как вы помните, был план.

Кое-как победив собственный страх, уселась сверху. Горыныч не противился. То ли обалдел, то ли смирился с моей наглостью. И не успела я придумать, как лучше дать команду на взлёт, а мы уже взмыли над поляной. Летал Горыныч, будто пьяный. На мою удачу перед полётом вновь возник фонарик Змея, он самопроизвольно повис на его шее, освещая нам путь, поэтому столкновений мы всё же избегали. Но опасно приблизившись к очередному дереву я не выдержала и спросила:

– А летать прямо ты не умеешь или не хочешь?

Змей развернул голову, сверкнул глазами и ответил с гордостью орла:

– Летать прямо могут все, а мы, Горынычи, не все. Мы умеем кружить на любой высоте и знаем пятьдесят трюков. Хочешь, покажу?

Собралась ответить, что желанием не горю, мне бы выжить и поскорее со всем покончить, но не успела и рта раскрыть, как услышала:

– Я покажу, всё равно скоро победю тебя. А так перед гибелью хоть что-то необыкновенное запомнишь.

Только собралась стукнуть наглеца – оказалась вниз головой.

Довольный Змей, не замечая моего неудобства – держалась я с трудом, вцепившись так, что даже пальцы заболели – вдруг опомнился и спросил:

– Трюки покажу, но биться-то когда будем? И куда вообще летим?

– К ближайшей реке, – ответила с трудом.

– К Рите, – понял Змей. – Хорошо. Машенька. – Перевернулся обратно, резко взял вверх и спикировал вниз.

– Я же слечу-у-у! – закричала, бледнея, холоднея и вспоминая всё задуманное, что не успела исполнить.

Горыныч эффектно обернул свой хвост вокруг меня и завис в воздухе:

– Сначала биться. Потом слетай, куда хочешь.

– Я никуда не хочу, – всё-таки захныкала. – Может, без трюков? Пожалуйста!

Сдался. Вздохнул с громким страданием и даже немного снизил высоту.

– Спа-пасибо… – пролепетала, дрожа всем телом.

– А я вальсировать умею, – сказал вдруг Змей. – Но никому не интересно.

– Прошлые королевы тоже на тебе летали?

– Нет. Ты первая. Я про братьев.

– И сколько их у тебя?

– Пятнадцать.

– Богатый. У меня никого. Только бабушка в деревне и дядьки с тётками, которых я даже в лицо плохо знаю.

– Братьев много, но они меня не замечают.

Вздохнули в унисон.

– А мы скоро прилетим? Ты говорил, что речка близко.

И тут я вспомнила, что пару часов назад Яга рассказывала: речка прозрачно-голубая протекает за двумя берёзками-близнецами. Вопрос. Тогда почему мы всё летим и летим?! Об этом и спросила.

– Той речки больше нет, – вздохнул Горыныч. – Ведьма её иссушила. Я когда за тобой летел, видел, как дух леса рыбок от гибели спасает.

– Лесок? – удивилась я.

– Нет. Брат Леса Лесовича Лесник Зелёный.

Н-да. С именами в этой сказке не долго мучаются.

– Сердится ведьма, всё портит, – пояснил Змей. – А нам с тобой недолго осталось. Мы уже близко. Речка за Зеркальным лесом.

– Почему Зеркальным?

– Деревья в нём, как зеркала, отражают друг друга, ни одного отличия не найдёшь. Поэтому, попав в него без знаний, как найти выход, заблудишься и уже не вернёшься.

– Ведьма придумала?

– Ведьме бы ума не хватило. Колдунья. Самая первая. Лес этот был испытанием для всех, кто её принимать не желал.

Больше я вопросов не задавала, Змей сам охотно всё рассказывал: про зверей несчастных, что дома стали путать, потому что все отличительные признаки колдунья уничтожала; про сами деревья, страдающие от злой магии и чахнущие от неё же; про лесного духа, опечаленного происходящим и про то, как тот дух погиб, прожив всего-то пятьсот лет – по меркам сказки – это мало, защищая свои владения. Его Мох Мохович звали, он был лучшим другом нашего Лесочка.

Нашего.

Произнесла про себя и поняла: не хочу, чтобы ведьма одержала победу над сказочным миром. Не потерплю гибели духа, Яги, Степаныча, Люси.

Горыныча и того стало жаль! Он, хоть и враг вроде как, а мне с ним общаться приятно. Другой бы не стал идти на условия своей потенциальной жертвы или жены – выбирайте какой вариант больше нравится, а этот согласился поле битвы сменить, историями делится. О себе рассказывает. Чувствую, хороший он. Неграмотный и странный, но хороший.

Наконец, заблестела речка. Змей, не боясь зацепить верхушки деревьев, стал приземляться.

Слезать не торопилась: меня сотрясала дрожь, выпрыгивало сердце, комком сплетались нервы. Желудок тоже давал о себе знать, но я культурно держалась. Вдох-выдох, вдох-выдох.

Горыныч смотрел с сочувствием.

– Биться… будем? – спросил с явным неудобством.

– Будем. Сейчас только… отойду.

– Ко мне отойди: я силы дам, – послышался голос. На Аньку похожий.

Мне стало страшно.

– Не бойся. Я здесь. Не обижу.

Прислушалась, пригляделась и увидела: над водой призрак висит.

– Это Рита, – представил её Горыныч. Улыбнулся реке, – здравствуй, красавица.

– Здравствуй, Змеёша. А ты всё один?

– Один. Биться прилетел.

– Биться… – вздохнула. – А ты, верно, Маша Сказка? Подойди, умойся, легче станет. Теперь лучше?

Отражение в воде с измождённого превратилось в нормальное, и я кивнула:

– Спасибо, Рита.

– Не благодари. Мне победа твоя нужна.

– Победа?

– Ты та самая, а, значит, я смогу вернуться к людям, если ведьма погибнет.

– Это точно? – подробностей таких не слышала и сильно сомневалась.

– Не знаю, Маша. Но в сказке главное что?

– Что?

– Верить в чудеса.

И прозвучало это с такой надеждой, с таким разрывающим душу чувством, что я не могла не согласиться. В жизни, если подумать, в той же повседневной, вера – то, без чего не выжить. Мы верим в повышение зарплаты и в хорошую погоду, обещанную метеосводками. Верим в падение цен и справедливое правительство. Верим в лучшее изо дня в день, просыпаясь утром и засыпая вечером. И эту веру передаём следующим поколениям. Бабушка мне всегда говорила: верить надо только в хорошее. Плохое и без того сбудется, а хорошему нужно помогать.

Я кивнула Рите, от всего сердца пожелав добра, и она в ответ улыбнулась.

– Между прочим, я тоже верю в чудеса, – напомнил о себе Горыныч. – Но пора биться.

– Пророчество, – скривила милое личико Рита. – Хоть последний раунд?

– Второй, красавица.

– Второй, – повторила речка и рассыпалась тысячей брызг

А я, не дожидаясь, пока Змей начнёт действовать, вошла в воду.

– Куда? – заорал тот.

– Сюда, – остановилась. – Или по пророчеству мне нельзя в реку?

Змей не знал, а пролетевшая мимо ворона недовольно прокаркала:

– Умная нашлась…

– Значит, можно, – я пошла дальше. Остановилась, когда воды стало по плечи, обернулась, крикнула. – Бейся! Ты вроде огнём хотел? Пора!

Услышала хихиканье. Лицо Риты, расплываясь в свете фонаря, висящего на шее Змея – мне бы такой мощный – подмигнуло:

– Я помогу, Маша. Раз, два. Ныряй!

Огонь мощной струёй скользнул по водной глади. Рита даже не поморщилась, а я, мама из Инстаграма, ощутила, как сердце упало.

Прямиком на дно.

Подпалённым волосам не удивилась: реакция всегда хромала. Что поделаешь, супер-женщина из меня не выйдет.

Медленно показалась из воды и сразу услышала:

– Раз, два, три. Ныряй!

Только отдышалась и сразу:

– Раз, два, три, четыре. Ныряй!

Да сколько можно?

– Сейчас лапой ударит!

А? Что? Куда?

Не успела испугаться, как река ускорила своё течение, и меня унесло аккурат под огромное поваленное дерево. Змей промахнулся, а я подавилась водой. Отплевалась, спросила:

– Да ты, мама из Инстаграма, ясновидящая, что ли?

Рита улыбнулась:

– Я много битв видящая.

– Так я не первая, кому ты помогаешь?

– Первая. Обычно королевы на поляне бьются. Просто Змеёша тренируется у моих вод. – Рита мягко улыбнулась. – Я столько раз видела, как он выбрасывает лапу, топчет воображаемую королеву и плюётся огнём, что уже всё наизусть запомнила. Змеёша он же предсказуемый и чуточку глуповатый, но очень хороший. Правда! Он и бьётся-то не по собственной воле. Всё ведьма проклятая…

Хороший Змей заревел. Вернее, попытался, но вышло что-то писклявое и совсем нестрашное. Тут я начала догадываться, почему голос у Горыныча такой, и куда подевались другие головы.

Ведьма тем временем всё никак не унималась и поговорить нам с Ритой больше не давала: Змей, сам не понимая, что творит, проявлял чудеса ловкости, выдавая пулемётом огонь, и то махал хвостом, то стучал лапами.

Я по глазам видела, как ему самому неприятно происходящее и потихоньку всё сильнее ненавидела ведьму.

А между тем Рита в очередной раз меня спасла, я в очередной раз попомнила злыдню грубым словом, а Горыныч не выдержал напора магии и повалился.

Произошло это так неожиданно, что охнула не только речка. Сама земля, казалось, посочувствовала бедняге.

Ворона, всё время летавшая над нами, обернулась коршуном, вякнула совсем не по-птичьи «вы ещё получите» и скрылась в тёмном небе.

Рита, вновь став призраком, обронила слезу.

Горыныч был жив, но силы его покинули, а внутри меня, напротив, разрасталась невиданная мощь. Я чувствовала способность поднять дерево. Причём одним мизинцем. Вышла из воды и… провалилась в яму.

Похоже, мама из Инстаграма, ведьма снова что-то намудрила. Ну и непутёвая она. Кошмар!

Я выбралась из собственноручно сделанной ямы, отряхнулась, забыв, что вся мокрая, а когда вспомнила, стыдливо прикрылась руками. Ко мне же одежда прилипла! Но этот факт волновал лишь меня. Горыныч даже не взглянул: он вообще глаза не открывал, а Рита смотрела лишь на него.

– Раунда должно быть три, – тихо напомнила она, глядя на Горыныча текущей нежностью. – А Змеёша так устал. Он выдохся, Маша. Помоги ему.

– Я? Но как?

– Ты же придумала способ уйти с поляны. И первый раунд как-то выдержала. Придумай что-нибудь!

Я задумалась:

– Есть какие-то условия или раунда должно быть просто три?

Рита пожала плечами.

– Хорошо. Если так, тогда попробуем это, – и под удивлённым взглядом полная решимости и без какого-либо страха, я подняла громадную лапу Горыныча, махнула ею в свою же сторону, увернулась, повторила действие, а потом стукнула Змея. Тот даже не шелохнулся.

Рита затаила дыхание, я огляделась по сторонам, выжидая ответа. Раз ведьма всё видит, значит, должна среагировать: либо признать мою победу, либо поднять Горыныча. Понимаю, что всё это глупо. Но почему бы не попробовать? Нигде ведь не сказано, что биться надо по-

настоящему? А в этом сказочном мире настолько всё зыбко, криво и косо, что я не удивлюсь, если вдруг зазвучат фанфары.

Фанфары не зазвучали, но голос, наполненный ядом и злостью, сообщил:

– Впереди морское чудище. Не обольщайся.

Победа? Неужели победа?

– Победа… – выдохнула Рита, озвучив мои сомнения. – Победа! Маша, ты молодец! – И обрушилась на меня радостным всплеском.

Глава 15. Тёплая беседа

После такого нелепого окончания битвы – я, мама из Инстаграма, до сих пор нахожусь в шоке, – погода переменилась. Хотелось бы думать, что ведьма ослабела. Буду рада, если так и есть. Злыдня мне нравится всё меньше и меньше. Да что там! Она вообще мне не нравится! Измывается над сказочным миром, как вздумается…

Я с жалостью взглянула на Змея.

Горыныч, ослабевший и почему-то пожелтевший, видимо, недоучка-ведьма именно так усталость представляла, с трудом ворочал языком. Передвигаться у него не получалось вовсе. Попытки передвинуть хотя бы одну конечность приводили к тому, что Змей закатывал глаза, охал, вздыхал и вёл себя очень похоже на какую-нибудь барышню, притворяющуюся смертельно больной. Да только ему действительно было очень и очень плохо. Анька моя иногда такую же роль играла, только было этого всего пару раз и на первом курсе, когда мы обе неопытные и окрылённые свежестью жизни в общаге, верили, будто приметы на «Отлично» в зачётке гораздо сильнее реальных знаний.

К сожалению, и мы были такими. К счастью, недолго – всего три экзамена на первой сессии.

Рита, поглядывая в мирное небо, потемневшее от ночи, а не от ведьминой скуки, а потому настоящего цвета, без всяких там сюрпризов и жутких звёздочек-монстров – я и такое вполне ожидала – нежно погладила Змея по морде, приговаривая, что он самый храбрый, сильный, замечательный и просто лучший. Сцена показалась мне интимной, и я стыдливо отвернулась. Не желая мешать паре, поднялась и стала осматриваться кругом.

А вокруг была красота.

То ли ведьма опять что напутала, то ли мир таким и был до злостного вторжения, но место, где мы сейчас находились прекрасно подошло бы к любому мультику с Тем Самым Эпизодом: ОН признаётся Ей в любви, Она краснеет, Они целуются… В общем, Дисней легко нашёл бы музу прямо здесь, на месте, где ещё виднелись отпечатки битвы.

Я невольно вспомнила принца: красавец, что сказать. Интересно, сердцем он также красив? Наверняка. Принцы, которых нужно спасать априори должны быть чудесными. Никаких недостатков, если только излишняя романтичность, но можно ли это считать недостатком? В нормальной жизни романтики осталось так мало, что приходится собирать её по крохам.

Мне с этим делом вообще не везло: если парни и попадались, то цветами они ограничивались ровно до второго свидания. О галантности и манерах не стоит и говорить. Правда, опыт у меня небольшой. Вот Анька моя могла бы стопятидесятистраничный труд написать о том, «Как встретить Прынца – сверх романтичного, как в Нём разочароваться и снова напороться на такого же Прынца, но с другим именем».

Да, мама из Инстаграма, любовь встретить непросто.

Но всё-таки? Тот, кто ждёт спасения, какой он?

Пока я пускалась в невольные размышления, навеянные магией – иначе я их никак не могу объяснить: я же злюсь на принца. Вы помните. Так вот, пока я рассуждала и мечтала, меня громко окликнула Рита.

– Маша! Подойди поближе! Я не могу так далеко раскидывать воды!

Я обернулась.

Позади остались лишь два силуэта, две тени.

Далеко замечталась, мама из Инстаграма...

Вернулась обратно.

– Змеёша спит, – уже тише сообщила Рита. – Ему необходимо отдохнуть. А у нас с тобой есть время поболтать. Мне же скучно тут одной. Ещё и ведьма обделила территорией. Дальше того дерева, за которое ты ушла, не могу. Составишь компанию?

Я кивнула, присев на берег. Обняла себя за плечи, спросила:

– Ведьма не нападёт? Чудовище не появится?

– Нет, – усмехнулась Рита. – В день по одному испытанию.

– Радует.

– Маш…

– Что?

– Спасибо. Ты очень выручила Змеёшу. Не знаю, до чего бы ведьма додумалась. Она же его совсем измотала! А ты… поступила,

как очень хорошая королева.

– Ты преувеличиваешь, Рит. Я вообще ничего такого не сделала. Это всё ваш мир необыкновенный и ведьма придурковатая.

– Придурковатая, – улыбнулась Рита. – Ты правильно сказала. Она как-то раз меня переименовать вздумала. Глупая. Пришла, начала заклинание читать, руками махать, а я только смотрю на неё и недоумеваю: как можно быть такой недалёкой? Даже я, девушка из обычного мира, где самое чудесное – это получить вовремя зарплату, знаю: не действуют заклинания на то, что уже заколдовано. Нельзя перезаколдовывать что-то, наделённое волшебством. Сначала нужно снять изначальную магию и только потом действовать. Маш, ну это же очевидно!

– Честно говоря, не очевидно, – я передёрнулась от холода: позднее время суток и мокрая одежда сделали своё дело.

– Да ты что! – Рита всплеснула руками, обдав меня каплями, и тут же спохватилась. – Прости. Ты дрожишь? Замёрзла? Я могу попросить огонёчка. Хочешь?

Я не знала, о чём речь, но кивнула. Мне действительно было холодно.

– Костерочек! Ты ещё не спишь?

Ответом впереди, всего в паре метров от меня, загорелся тёплый оранжевый свет. Он всколыхнулся будто бы волной и принял форму настоящего костра. Ветки в нём характерно захрустели, аромат дыма влетел в ноздри, и мне разом стало теплее, словно кто-то обернул пуховым одеялом, тем самым родным. Из детства.

Я представила комнату в доме бабушки и ощутила знакомый уют, несравнимый ни с чем на свете. Всё-таки дом – это лучшее место на земле.

– Родиной повеяло, да? – Рита стала грустной. – Знаю. Я, когда Костерочек придумала, так и хотела. Он помогает мне помнить прежнюю жизнь, заставляет не забывать, ради чего я до сих пор не сдалась.

– Не сдалась? О чём ты?

– Речкой теку, – печально пояснила Рита. – Могла бы попросить ведьму иссушить меня. Заколдовать похуже она не может, а уничтожить… Вполне.

– Но мне говорили, здесь не умирают.

– По-человечески, нет. Но я бы всё забыла, Маша. А так я помню. Как и все жду, когда появится правильная королева и спасёт всех. Хорошо, если это правда ты.

Не хотела огорчать речку. Молчала. Не чувствовала я себя особенной. Совсем.

– Рит, а ты что-нибудь знаешь о пророчестве?

– Я думала о принце спросишь.

– О нём тоже интересно, но… сейчас гораздо важнее понять, как мне выжить.

– Выживешь. Ты сообразительная.

– Только не говори, будто предыдущие королевы были намного глупее. Не поверю.

Рита мягко улыбнулась:

– Глупых было мало, это правда, но все, как одна воспринимали пророчество неправильно.

Я оживилась:

– Что значит неправильно?

Рита задумчиво склонила голову набок:

– Раньше мне казалось, всё написанное чётко. Одержать победу над злодеями, победить ведьму, спасти принца, и дело в шляпе, дорога домой открыта.

– А теперь? – подтолкнула её к продолжению.

– Но я тут так давно и столько всего увидела, что стала задаваться вопросом: так ли прозрачно пророчество? Не таит ли оно в себе тайну? Сама подумай. Ты уже триста тринадцатая спасительница. До тебя попадали к нам разные: хмурые и весёлые, бестолковые и толковые, грубые, добрые, плаксивые. И даже сухие, что деревья, высушенные ведьмой. Другими словами, побывали здесь все. Но почему ни одна не подошла? Змеёшу побеждали: кто злым словом, а он у нас ранимый, чувствительный, кто кулаками: не поверишь, но у него тоже есть слабое место. Сказать?

Я молча сгорала от любопытства.

– Ладно, скажу. Ты хорошая. Змеёшу не обидишь. Нос у него слабое место. Если почесать по носу, он разомлеет.

Я вспомнила, где именно поглаживала Рита Змея, когда успокаивала, и улыбнулась.

– Некоторые, – продолжала речка, – хитростью побеждали и в нужный момент невидимками становились.

– А так можно? – искренне удивилась я.

– Можно, – нахмурила прозрачные брови Рита. – Если совести совсем не имеешь. Всего-то надо, что у Яги рецепт выкрасть, заклинание прочитать и готово. О последствиях, конечно, никто не думает, а там, Маша, ох какие беды. Но инструкцию разве кто читает?

Не стала напоминать о людях: в нашем мире тоже мало, кто инструкции читает. Надеются на авось, на «я всё сам знаю» и на собственную исключительность. У соседа не получилось самому шкаф собрать, а у меня получится. Винтики, гвоздики на полу? Так это лишние!

Между прочим, мама из Инстаграма, точно таким способом один из парней Аньки «договаривался» с новым столиком-трансформером в её комнате. Мне повезло лицезреть это действие в прямом эфире – по скайпу. Анька тогда уже в Москву уехала.

– Воровство всегда плохо, Маша. А если оно ещё и безграмотное…

Рита мне с каждой минутой нравилась всё больше и больше.

– И какие же там последствия?

– Ужасные! Заклинание теряет срок годности и начинает давать сбой.

Всё интереснее и интереснее. Я окончательно расслабилась.

– Сбой, Маша, это значит оно перестаёт работать как надо. То есть невидимым становишься не ты весь, а только часть тебя. Левая рука, например, или правая нога. Более того, то, что становится невидимым и правда исчезает. Но самое ужасное в другом. Каждый, кто коснётся твоей невидимой части, теряет и свою! Рука за руку, ухо за ухо. А если глаз?

Мне было и смешно, и страшно.

– Помню, одна из королев так Змеёшу и победила: везучей оказалась, исчезла почти вся, только голова осталась. А Змеёша, что, знал, в какую передрягу попадёт? Ведьма его по привычке направила на спасительницу. Он лапу занёс, чтобы ударить. Хотел по голове попасть, вернее, ведьма целилась, а попал в живот. Представляешь, какого это ходить с пустым пространством вместо живота? Весь следующий день над Змеёшей братья потешались. – Добавила чуть

тише. – Через его невидимый живот бабочки порхали, птички пролетали, ветер задувал. Невидимое же оно исчезает по-настоящему. Хотя и временно.

Я не знала, смеяться или плакать. Ясно мне было одно: с семьёй Горынычу не повезло.

– Змей и с дыркой в животе. Ужас! – продолжала страдать Рита. – Это же невиданно для персонажа такого уровня. Ему целым нужно быть. Всегда.

Чуть не сказала, что целым хорошо быть любому, но решила промолчать.

– Королева та хоть опомнилась. Яга её вылечила. А другая слепым сделала Степаныча и даже не извинилась! В общем, такой навсегда и осталась.

– Какой? – не поняла я.

– Слепой, – вздохнула Рита. – Никого не победила, умерла при встрече с чудищем и летает теперь ветром по Зеркальному лесу. В одиночестве.

– Чудище такое опасное?

– Чудище я ни разу не видела. Оно в море живёт, на другой стороне сказки, мы не пересекаемся. А королева же слепая стала из-за этой невидимости, должна была от обрыва идти, а пошла, наоборот, ну и разбилась о волны. Высота там знаешь какая? Я не видела, но говорят, убиться как плюнуть.

– Мне тоже придётся туда идти, – я сглотнула.

– Боишься высоты? Не бойся. Я уверена, ты что-нибудь придумаешь и победишь чудовище. Главное, если так страшно, вниз не смотреть. Тем более ты же со Змеёшей летала. А что обрыв? Он не кусается.

– Слава богу…

Костерочек между тем грел, мы продолжали разговаривать, и сказочный мир по мере Ритиного рассказа становился сердцу всё ближе и ближе.

Глава 16. Добро или зло?

Звёзды усыпали небо, Змей храпел совсем немелодично, а мы всё разговаривал и разговаривали. Говорила, в основном, Рита, а я внимательно слушала, почти не удивляясь, хотя удивляться было чему.

Но, кажется, я начинала привыкать.

Рита рассказала о храброй и толстой королеве, которая хитростью выманила у неё секрет Змеёши, и когда тот не ожидал, ударила его прямо по носу. Но одно дело почесать – это приятно и совсем другое дать кулаком. Змеёша сдался сам. От обиды.

Рита много рассказала о битвах: смешных и нелепых, жестоких и нечестных. Была, например, королева, которая буквально с ума сошла, очутившись в сказке. Её напугала сначала Яга, затем Степаныч, потом до обморока довёл оживший Лес Лесович, он же наш Лесочек, со своей наглой лягушкой. Последней каплей стала новость о трёх битвах. Змеёшу она не в шутку думала в реке утопить, чудище морское воды лишить, а оно без воды не живёт – умирает, а ведьму в супе сварить. В общем, злилась, бесновалась и практиковалась, пугая Ягу и всех прочих, и до того допрактиковалась – уничтожить пыталась всех мелких, кто под руку попадётся, вроде монстробелок, что не выдержала таких экспериментов сама ведьма и отправила её обратно, в мир людей, наложив заклинание полного забвения.

На радость сказочного мира таких неправильных спасительниц было всего две: следующая оказалась хитрее и изворотливее, прикидывалась хорошей и доброй, а сама едва Змеёше голову не отрубила своровавным у Рощи, внука Кощи, правнука Кощея, мечом-кладенцом. Он его из соседней сказки привёз. Змеёша чудом спасся. Но это не конец. Та зло-спасительница пошла с мечом на саму Ягу Виевну. Старуха, хоть и сильная, из рода древнейшего магического, сотней оберегов от таких вот внезапностей обладающая, целых два часа отпрыгивалась, отбрыкивалась, обращаясь то медведем, то кузнечиком. Потому что Ягу превращённую, в отличие от Яги-старухи этим мечом не убить. Тут волшебство требуется. Специальное.

Я вспомнила неудачный «салон красоты», превращения Виевны и испытала неловкость. Выходит, когда я с косметикой к старушке

приставала, невольно воскрешала её неприятные воспоминания?

Нехорошо. Ох, нехорошо…

Рита сказала, что Яга после такого долго опомниться не могла, к ней даже комплексы вернулись из детства. Ненормальная спасительница пока с мечом гонялась, обзывала её всячески: и просто уродиной, и страхолюдиной длинноносой, и безвкусной дурой. А Яга всего этого наслушалась ещё в юности, когда все подружки с парнями гуляли, а от неё приличные существа, да и неприличные, нос воротили.

Моё лицо залила краска.

Оказалось, всей гурьбой потом утешали Ягу, переубеждали. А Лес Лесович ей подарил целый пергамент с самозаполняющимися комплиментами. Помогло. И с тех пор больше никто о внешности Яги не заговаривал, а если находилась какая-то королева, желающая ляпнуть подобное, на неё сразу заклинание немоты накладывали.

Я хотела спросить, почему же тогда со мной так не поступили, но Рита без вопросов сама пояснила, что слава богу пять лет желающих не было, и комплексы Виевну наконец отпустили.

Мне захотелось провалиться под землю. Земля, словно почувствовав силу желания, вздулась под пятой точкой, выталкивая прочь и намекая, что мне там не место.

Я отползла подальше, и не задумываясь, погладила землю. Почва успокоилась. Похоже, была отходчивой.

Как и что приключилось с другими спасительницами мне было ясно. Но почему неглупая и по всему хорошая Рита оказалась… речкой? Неужели не понимала, что нельзя идти к ведьме неподготовленной?

Не верилось.

Услышав вопрос, Рита загрустила. Говорить о чужих недостатках просто, рассказывать о своих не так-то легко. Рита долго смотрела в огонь, а потом начала свой печальный рассказ.

В отличие от меня, оказавшись в сказке, она даже обрадовалась. А уж роль спасительницы целого мира устраивала её на все сто процентов. Тётка, родная сестра мамы, воспитывавшая сиротку Риту, тысячу раз говорила: доброта убьёт, нельзя быть настолько доброй. А Рита ей отвечала, что добра не бывает в избытке, но, как оказалось, бывает.

Перво-наперво Рита, в чьей крови текла помощь всем обездоленным и несчастным, включая попрошаек у метро и цыган, которым, конечно, никак не прокормить ораву детей, шныряющую с ними повсюду, взялась выручать Степаныча. Ни с первого взгляда, ни со второго, ни с третьего чудо-юдо её не напугало, а коршун-ведьма – очень. Но испугалась она не за себя, а за бедных жителей сказки, чувствовала – ведьма-недоучка натворит больших бед.

Как и я, она взбиралась на дерево, проверяла карманы, а когда Степаныч оказался на воле, запустила в ведьму тем, что попалось под руку.

Попалась монстробелка.

Рита потом долго извинялась, прощение вымаливала, ситуацию исправляла. Да только пока исправляла, помогая монстробелкам собирать остатки не попорченных ведьмой орешков, едва не раздавила лягушку. Не Люсю. Настоящую. Квакующую.

На этом моменте я попросила остановиться.

Рита вздохнула и нехотя ответила на интересующий меня вопрос о Люсе.

Оказалось, Люся никакая не лягушка, а самая настоящая девушка. Такая же, как я. То есть человек. Из нашего мира. Более того, в бородавчутую её превратила ведьма.

Не по плану.

Из-за Риты.

Я не сдержала удивлённого возгласа. Знаю, что помощь бывает и во вред, но о такой высокой степени вреда и не догадывалась.

Подробно и в красках, ругая себя и жалея Люсю, Рита поведала о том, как ранним утром бросилась уничтожать ведьму, мечтая поскорее избавиться от зла и вернуть спокойствие в сказку. Бороться с Горынычем, тогда ещё он не был для ней Змеёшей, она и не собиралась. Во-первых, динозавры, драконы, ящеры и все им подобные ей нравились с детства. У неё и любимой игрушкой был Горыныч: трёхглавый, улыбчивый. Ручной работы. Муж тётки, Арины Семёновны, подарил его, когда хотел подбить к той клинья. Так что не могла она бороться с любимым героем. Никак не могла.

Рита не послушала советов Яги и Лесочка, поругалась с Люсей и, едва глаза открыла, выскочила из избушки спасать мир.

По плану Рита, как избранная спасительница, рассчитывала убить ведьму прямо во сне. Избранным же должно везти? На это и рассчитывала.

Дворец сотрясался от храпа, Ритины шаги подавляли пушистые ковры, и поначалу всё шло хорошо. С трудом, но на слух она дошла до покоев королевы, остановилась передохнуть. Шутка ли я в первый раз уйти на убийство? Да и с убийством она раздумывала: имелся и другой план, оглушить ведьму, связать, в простыни закатать и дальше что-нибудь придумать.

Рита жаловалась мне, что глупая она, только на своё предназначение и надеялась.

А зря.

Передышка у покоёв королевы длилась мгновение, но за это мгновение успел появиться с другого конца коридора сам золотоволосый принц.

Рита остолбенела. Потому что при красавцах всегда столбенела. Чего у неё никогда не было, так это храбрости в отношениях с противоположным полом. Перед парнями она всегда становилась какой-то нелепой, невезучей и попросту дурной.

К несчастью, и в этот раз ничего не изменилось.

Рита хотела махнуть рукой, чтобы принц убирался прочь, для его же блага, но, махнуть махнула, а вазу не заметила, и та упала с громким грохотом, расплескав по ковру не только дурно пахнущую воду, но и рассыпав ведьмавяжские розы. Они тоже запахли так, что нос затыкай.

Рита сразу бросилась в покои, нельзя терять было ни минуты, подперла дверь изнутри тумбой с множеством флакончиков – так она принца спасала. Парочку разбила, закашлялась, прикрыла рот ладонью, а тут и ведьма подскочила с кровати. Рита не успела ничего предпринять, заклинание водой полилось сверху, глаза закрылись, а открылись уже не в королевских покоях, а здесь, неподалёку от Зеркального леса.

Речка опустила глаза и зажурчала страданием.

Я напомнила о Люсе, потому что Рите надо было как-то отвлечься от собственного несчастья – на неё смотреть было жалко: Костерочек под потоком эмоций быстро затухал. Рита подняла заплаканные глаза, обрызгав и меня, и призналась: ту волшебную путёвку от принца она

дала подружке, Люсе, хотела помочь бедняжке. У той не было денег на путешествия, а мечты были. Когда они садились в поезд, Рита провожала Люсю. Подружка крепко сжимала билет. Она впервые отправлялась куда-то одна и боялась. Рита осталась рядом, до отбытия поезда, и положила свои ладони поверх Люсиных. Они обе держали билет и внезапно обе засветились волшебством.

Да только не должна была попасть в сказку бракованная спасительница, а Люся жила с родителями, двумя братьями и толстым догом Пончиком, поэтому ведьма, обозлённая двойным приходом, сразу превратила её в лягушку, но пообещала расколдовать, если настоящая спасительница не станет никого спасать.

Рита снова заплакала.

Тогда она ничуть не испугалась ведьминых слов, потому что считала себя избранной…

Мы на пару повздыхали.

Змеёша что-то пробубнил во сне.

Рита вновь улыбнулась. По её воле Костерочек стал давать тепло с той же силой.

Да-а-а. Похоже у остальных жизнь бурлила, события сыпались из рога изобилия, и только я тут вроде как всё это время лишь прохлаждалась. А ещё у меня после всего услышанного возникло море вопросов и… я негодовала: так значит, принц не только за мной приходил? За каждой?! Кобель, мама из Инстаграма! И этого ловеласа я должна спасать?!

Ух, как я разозлилась.

Глава 17. Ведьма спит, Змеёша летит

Змеёша проснулся к тому моменту, когда Рита успела поделиться со мной всеми сказочными секретами. Теперь у меня был серьёзный повод задуматься о своих дальнейших действиях. Змей громко зевнул, потянулся с хрустом, и мы замолчали. Рита бросилась к нему, начала расспрашивать о самочувствии, жалеть. Гладить нос.

Я вновь смущённо отвернулась. Змей заметил моё присутствие, нахмурился, но уже через мгновение, словно вспомнив о недавних событиях, улыбнулся. Ощутив тепло этой улыбки на себе, я отчётливо поняла, как человек влюбился в Змея. И тоже улыбнулась.

Ночь становилась всё темнее, и свет, рождённый моими сказочными силами, тоже терял свою мощь. Костерочек выглядел усталым, и Рита пояснила, что, создавая его, не учла этот факт: огонь мог гореть лишь определённое время, дальше его ресурсы истощались. Опасности в этом никакой не было, но Рита всё же погасила Костерочек, освобождая его от помощи нам, двум болтушкам, и давая возможность набраться сил перед следующей встречей: Рита частенько разговаривала со старым другом, созданным в то далёкое и страшное время, когда, она, став речкой, считала жизнь конченной, а ведьма лишь подливала огонь, насмехаясь коршуном с неба.

Ненавижу ведьму.

А время шло. Судя по отсутствию дурацких магических проявлений, ведьма спала. Но это не значило, что она не может взять и проснуться, хотя бы в тот же туалет. И что ей тогда взбредёт в голову? Одной ей известно. Рисковать никто не хотел.

– Значит, и я могу создавать что-либо? – задала интересующий вопрос, когда настало время прощаться, и спина Змея ласково приняла меня в качестве наездницы.

– Превращать фантазии в реальность могут только жители сказки, – ответила Рита, и я расстроилась. Потому что уже вовсю включила воображение, представляя красочные способы пытки для ведьмы, вроде клацающей челюсти гигантского размера, гоняющейся за ней повсюду или тучи-преследовательницы. Но не из капель. Из скунсов.

И пусть они расточают свой аромат ей на голову, а она страдает в очередной попытке отмыться.

Даже не думала, что я такая злая. Но, мама из Инстаграма, этой ведьме и правда смерти мало!

Рита старалась не грустить, попрощалась со Змеёшей, напомнив, что три головы не главное – оказывается, у него был комплекс по этому поводу – пожелала мне удачи и разлетелась брызгами. Секунда, две, и брызги заискрились радугой. Горыныч пояснил, что Рита тут так давно, что уже почти волшебница. Тяжко вздохнул, вспомнив, как именно долго и воспарил в небо, не забыв включить волшебный фонарик – Змеёша темноты боялся. Предупредил, я могу регулировать полётом, стоит лишь об этом сообщить. Не хотелось пользоваться его добротой, но страх высоты никуда не делся, а покинувшие силы свыше будто выжали мои собственные. Так что путь обратно вышел значительно длиннее, а Змеёше, которого я теперь совсем не хотела называть Змефальцем, пришлось обойтись без малейших выкрутасов. Хотя ему хотелось, он-то сил набрался. Я чувствовала это. И видела, когда Змеёша поворачивался, чтобы рассказать чего-нибудь ещё о семье.

Скучал он по братьям. По иным временам, когда они дружили. Издёвки с их стороны шли не от малого ума или злобности – от ведьмы.

Точно опущу ей кучу скунсов на голову… Вот злючка!

– После этого пророчества всё и началось, – вздыхал Змеёша. – Они и раньше надо мной подтрунивали. Из-за имени. Видите ли, Змеёша звучит по-детски.

Я промолчала. Звучало и правда забавно. А ещё мило.

– Но это было взаимно. Маша. – Внезапно вернулся Змей к прежней манере, и я не удержалась, спросив:

– Моё имя ты отдельным словом выделяешь, с какой целью?

– Без цели. Это ведьма. Маша. А не я, – в голосе по-прежнему девчачьем и писклявом прозвучала обида.

Я встрепенулась:

– Так она что, проснулась?!

Перед глазами живо предстала следующая картина.

Летим мы летим и вдруг поменялись местами: Змей сидит на мне и подгоняет. Он же не я – скорость любит. А потом бац! И я врезаюсь в

дерево, с грохотом обрушиваясь на землю, которая с удовольствием поглощает меня. Причмокивая. Ведь тупица ведьма решила отомстить за битву с Горынычем. А фантазия у неё не для слабонервных. Но Змеёша остудил мой страх:

– Нет. Если бы она проснулась, мы бы вряд ли летели. Во сне вспомнила, или я ей приснился. Маша. Скоро пройдёт.

– Тебе такое знакомо?

– Однажды я прилетел ночью к красавице, то есть к Рите, – поспешно исправился Змей.

– Да ладно, – перебила я и махнула рукой, но тут же ухватилась за шкуру. Летели мы не так высоко и не так быстро, но падать всё равно как-то не хотелось. – Не смущайся. Про вас всё понятно.

Змеёша покраснел. Мне даже показалось, он воспламенился, потому как пятой точке стало подозрительно тепло. И действительно, из ноздрей повалил пар, а Змей полностью стал красным.

Я поспешно сменила тему – не хотела ставить Змеёшу в ещё более неловкую ситуацию:

– Так что там с братьями?

– Одного из них Пыхалкин зовут, а самого младшего из нас Пыхучка. Думаю, несложно догадаться, как я его дразню. Маша.

Я улыбнулась. У меня в классе был мальчик с фамилией Воючкин, с ударением на «О», а дразнили его Вонючкиным. Так что да, я понимаю.

Змеёша продолжил:

– Но мы же без злости, в шутку. А как ведьма стала наш мир переделывать, так столько злобы в семье появилось. Братьев будто подменили. Несчастные мама с папой, наверно, бы не пережили того, что сейчас творится.

Я с радостью заметила: речь Змея стала приходить в норму и осторожно спросила про его родителей.

– Папа умер от аллергии.

Я вспомнила того самого Змея с трусливой с царевной обманщицей, но не успела уточнить.

– Он умер от аллергии, но не как мой пра-прадедушка, – будто прочитав мысли, заметил Змеёша. – Тому совсем не повезло: в войну играли, а заклинание пыли прочитали по-настоящему. Никто, конечно, не знал, что у пра-прадедушки такая страшная аллергия, но разве этим

пра-прадедушку вернёшь? – Вздохнул. – А мой папа тоже очень страдал от аллергии. Мы все страдаем, но некоторые особенно сильно. А ведьма эта ненормальная эксперименты ставила: белок ты же видела?

Я кивнула.

– И на моём папе она тоже практиковалась. Пыталась сделать его непобедимым. А гены разве победишь? В общем, убила его тем же пыльным заклинанием. Кстати, когда ты нас спасёшь, Яга Виевна попробует создать настойку от аллергии. Не хочется умирать в расцвете сил, зачихавшись. А у меня… – снова вздохнул, – это тоже наследственное.

– А сейчас Яга не может?

– Ведьма не даёт. Все растения губит, – полетели дальше в грустной тишине.

А я приметила за Змеёшей не только нормальную речь, но и здравые мысли. Похоже, когда ведьма спала, её влияние на других уменьшалось.

Зеркальный лес до сих пор наблюдал за нами, и у меня возник вопрос:

– Летим мы очень удобно, но… Мне кажется, или даже с такой скоростью путь как-то подозрительно удлинился?

– Не кажется. Мы давно должны были прилететь к избушке. Но ведьма растянула лес, не иначе. – Усмехнулся. – Мы её разозлили.

Мы. Приятно, когда тебя считают своей командой. Особенно, если «мы» звучит в обезумевшем мире. Из уст огнедышащего Змея.

С улыбкой напомнила:

– Но ведьма уже спит, значит, когда-нибудь лес закончится.

Не успела сказать, как показалась избушка. Змеёша выдохнул с облегчением и аккуратно начал приземляться.

Меня никто не съел и ни что не поглотило, видимо, глупая злючка крепко спала. Мы попрощались со Змеёшей, как старые друзья, и я даже осторожно погладила его нос. И тут меня осенило.

– Слушай, а если ведьма так слабеет ночью, почему бы её не победить в это самое время? Зачем ждать утра? Зачем вообще чего-то ждать?

– Ты триста тринадцатая спасительница, Маша. Думаешь, первой об этом подумала?

Да, мама из Инстаграма, точно не первая.

– Ночью дворец колдовством окутан, – всё же добавил Змеёша. – И про Риту вспомни. Она пошла не в положенное время. Что случилось?

– Прости. Я не подумала.

– Ладно… Тебе отдохнуть надо. Завтра вторая битва, – Змеёша прильнул ко мне мордой, улыбнулся, пятясь назад и… взлетел.

Я провожала его взглядом до тех пор, пока он не превратился в точку, скрывшуюся в звёздном небе. В красивом небе без ведьминых проделок. Но у меня не было времени любоваться. Надо выспаться, ведь неизвестно что ведьма подготовила, и как меня чудовище встретит, а ещё у меня есть пара неотложных дел.

Стараясь не шуметь, вошла в избушку: дверь оказалась не заперта. Прямо у порога ждал Степаныч. Он разлёгся почти как пёс и, чутко уловив моё возвращение, открыл сначала левый глаз, потом правый. Поднялся, намекая, и я погладила его спину, хвост, или что там у него с отростками?

Теперь мы старались не шуметь вдвоём. Я принялась за уборку, Степаныч следовал по пятам, наблюдал и временами как будто подбадривал. Готова поклясться, его поддержку я читала во взгляде. Возможно? Почему бы и нет. В этой сказке всё возможно.

Убрала со стола, протёрла везде пыль, постирала скатерть. Воду сама не нашла – Степаныч помог, мордой кивнул на неё же, скатерть. Я попросила самой обыкновенной, но побольше. Скатёрочка посчитала, что пятнадцать вёдер должно хватить. Так что, постирав её, очень бережно и присматриваясь к возникающим складкам – они то хмурились горкой, то исчезали, довольные, – ещё помыла пол, стол и котёл. Тот самый. Жутко грязный. Теперь он пугал блеском и чистотой. Пугал не меня – проснувшуюся Виевну. Она пришла попить водички. Поругать меня поругала, но её злости надолго не хватило. Оказалось, принятое мной за жир и грязь было специальным заклинанием от того же жира и грязи. Но я же не знала!

– Помоешь после завтрака, – зевнув, решила Виевна и отправилась спать дальше.

Вскоре, помыв разрешённую посуду, в кровать легла и я. Новое спальное место возникло само по себе, даже идти никуда не пришлось. Я рухнула на кровать, и засыпая, пробормотала:

– Спасибо, Яга Виевна. Сладких вам снов.

Глава 18. Братья

Утро встретило будильником. Я и в своём-то мире не слишком любила звук, пророчащий поездку в забитом автобусе, хотя за сорок минут тряски и успевала прийти в себя и включить хорошее настроение, всё-таки в школе меня ждали первоклашки, коллеги, новые поводы для гордости за родной класс. А здесь, после нелёгкой ночи, безумного и безумно приятного полёта – чего уж там скрывать, мама из Инстаграма, летать мне всё же понравилось, и нет, я всё ещё боюсь высоты, но воспринимаю свой страх как-то спокойнее; после чистки полов, мытья и стирки; после уймы свалившихся на меня открытий и тонны возникших за ними вопросов просыпаться под дребезжащий будильник было как-то совсем неприятно.

Лениво открыв глаза и потянувшись, спешить мне совершенно никуда не хотелось, посмотрела сначала направо, затем налево и обнаружила с обеих сторон незнакомцев.

Сон будто сдёрнули. Быстрее, чем одеяло в комнате общаги. Было пару раз. Спасибо любимой Аньке.

Я вскочила под насмешливым взглядом одного из этих самых незнакомцев, путаясь в подоле. Подождите…

Незнакомцев?! Кто? Откуда? Я всё ещё сплю? В память ворвались обрывки сна, и я невольно скривилась. Оказывается, ко мне приходил сам принц, красавец золотоволосы, просил руки, а я… Я млела от его взгляда точно так же, как это делала при парнях Рита.

Ужас какой-то. Резко мотнула головой и снова огляделась. Незнакомцы не исчезли. Как стояли истуканами, так и стояли.

– Проснулась, – утвердила Яга, появляясь в избушке. – А я тут с подарками. – Указала рукой на незнакомцев.

У меня отвисла челюсть. Мне мало, что дарили. А Аньке моей котят. Правда игрушечных. Мишек разных, подушки-сердечки. Солдатиков, машинки, цветы. Носки и колготки, бюстгальтер однажды. Ещё помню кресло-качалку, сломанный пылесос – сломался у самого порога Анькиной московской квартиры, ага, конечно… Вазы без цветов, лёд в контейнерах – парни-оригиналы. И тапочки. Белые.

Но людей не дарили даже моей экстравагантной подруге.

Я тщательно проморгалась. А Яга, как ни в чём не бывало, подошла к одному из незнакомцев и протёрла тому лицо. Тряпочкой. Вытащенной из кармана дряхлого платья. Незнакомец не отреагировал. Никак.

Да что вообще происходит, мама из Инстаграма?!

Голова пухла, а ерунда продолжалась. Второму Яга протёрла той же тряпочкой лысину. Я бы назвала происходящее чудесами. Но язык не поворачивался. По-моему, творилась полная ерунда.

– Не удивляйся, скорее завтракай и собирайся. Они с тобой.

– Что?

Я ослышалась? Они? Со мной? Кто это вообще? Об этом и спросила Виевну, пока она, уж очень деловито, протирала тряпочкой лицо первому.

Снова.

– Они по твою душу.

А то я не догадалась.

Яга наконец оставила незнакомца в покое и принялась тщательно меня рассматривать. Будто за эти дни не насмотрелась. Я ожидала, что она скажет насчёт моих джинс и тут… Покраснела помидором. Перезрелым. Очень-очень перезрелым.

Джинсы! Мама из Инстаграма! Я же их накануне постирала! Но… стыдливо прикрываясь руками, вдруг нащупала ткань, а затем и вспомнила, как запуталась в подоле.

Откуда?!

Вопрос и озвучивать не стоило: он ясно читался на моём лице.

– Можешь не благодарить, Машенька. Это тебе моё спасибо за уборку. И будильник я тоже создала, хотела, чтобы ты почувствовала себя, как дома. И портрет принца под подушку положила, чтобы ты знала, за какого красавца борешься.

Последнее объяснение было зря.

– Я ещё думала фруктов у скатёрочки заказать, яблочек, апельсинчиков. Но ты уже проснулась.

Не успела я опомниться – такой заботы и щедрости от старухи не ожидала – как в помещение ввалился Лес Лесович. Выглядел очень взволнованным.

– Я так спешил, Ягушка, так спешил. Машенька, здравствуй, – бросил на меня мимолётный взгляд и ничуть не удивился посторонним

мужчинам. – Ведьма совсем ополоумела. Что с лесом сотворила! А с поляной. Ты уже видела, Ягушка?

Та кивнула.

С лица одного из незнакомцев вдруг поплыл нос. Яга снова взялась за тряпочку.

– Видела-видела. Поэтому к битве и подготавливаюсь. Час, другой остался, и начнётся. Братья в этот раз неудачные. Немного ущербные получились, – вздохнула, кивая на тряпочку в руках.

У второго в этот миг поплыла лысина. И довольно проворно. Секунда, и она перебралась с макушки на правый висок.

Так это волшебство? – спросила я громко. – Они вроде как ненастоящие?

Моё стеснение сразу подуменьшилось: я всё-таки стою не перед совсем живыми. И не голая, а в целой рубашке. Нормальной. До пола. Кстати, хорошее замечание – «в целой, нормальной». Братьям вон как не повезло. Я не сдержала ухмылки, но быстро взяла себя в руки.

– Но зачем они понадобились?

– Для битвы, Машенька, для битвы. Ты прости, что мы тебя не дождались. Ягушка так переволновалась, я её заставил спать лечь, ну и… сам заснул.

– Ничего страшного. Меня Степаныч встретил.

– А я-то думаю, чего он спит? – вздохнула Яга с явным облегчением. – Я уж грешным делом решила, заболел он. А Степаныч же мне как внучок. Ещё и Люся обещала посидеть с ним, а сама… – Виевна безнадёжно махнула рукой.

– Он в порядке, не волнуйтесь. А Люся сама, что?

– На болото грустить ускакала, – ответил дух леса. – Но нам грустить некогда. Ведьма очень разозлилась от твоей победы и с раннего утра как начала раскидываться колдовством: то направо, то налево, то в небо, то в землю. Сама погляди. Ведьма она и есть ведьма.

– Бедная природа, – заохала Яга. – Сочувствую тебе, Лесочек.

Видимо, пока я «воевала» со Змеёшей, Лес Лесович успел найти подход к любимой, потому как волком она него не смотрела и расположена была очень даже дружелюбно. Ну и хорошо. Они мне нравятся. И как пара смотрятся неплохо. Только Ягу всё же надо приодеть и макияж навести хотя бы лёгкий.

Виевна поманила меня своим сухеньким пальцем к выходу. Дверь сама собой отворилась, и я остолбенела. Повсюду, где хватало глаз, росли ведьмавяжские розы. Цвели они змейками, где толстыми, где тонкими. Розы не только уродовали поляну и её окрестности, но и значительно портили свежий воздух. Да что там. Они воняли, как месяцами нестиранные носки! Причём вкупе с протухшим мясом.

Я невольно зажала нос. Яга с Лесом за моей спиной синхронно вздохнули.

И похоже, мама из Инстаграма, ведьма действительно расшвыривалась колдовством. Небо покрылось грязью: оно словно превратилось в громадное стекло с разводами, чёрной краской и кое-где мелькающими тучками – маленькими и почему-то рыжими. То ли ведьма совершенно не разбиралась в природных оттенках, то ли таким способом выражала недовольство. Ну а что она хотела? Одержать победу? Так меня же не зря называют спасительницей?

Поймала себя на мысли, что Рита точно также считала, и в итоге Люся стала лягушкой. Остудила пыл. Нет. С геройством идти к этой ненормальной нельзя. Тут иной подход нужен.

– Дальше хуже… – вздохнув, обнадёжил Лес Лесович. – Из нормальных деревьев лишь два осталось: дуб, на котором ты Степаныча спасала и сосед его. Остальные превратились в золотые столбы. Любит эта ведьма всё блестящее… Болото, к счастью, пока не трогала. Люсенька там всё ещё сидит. Не хлопай глазами, Машенька, ведьма сильно злится. То ли ещё будет. А что она с чудовищем на этот раз сделает? Никому не известно.

– И зачем только золото переводит… – возмутилась Яга, закрывая дверь. – Богатства-то не её. Королевские. Ничего. – Погрозила кулаком в окошко. – Ты победишь её, короля с королевой из заточения освободишь, и заживём мы все вновь хорошо и счастливо. Ты должна победить, Машенька.

– Яга Виевна тебе и помощников из последних сил, так сказать, сделала, – тихо так заметил Лес Лесович.

– Ой, Лесочек, не шепчи. Правду говоришь. Из последних. Слабею я ни по дням – по минутам. Уже забываю, как родное волшебство применять, а ведь сколько раз применяла. Видишь, какие братцы вышли?

– Не грусти, Ягушка, получались и хуже. Помнишь, у одного глаз не было, у другого головы. А Машенька справится. Скоро всё закончится.

– Справлюсь, – я решила поддержать их боевой дух, по-новому глядя на помощников. Судя по рассказу, я ещё везучая. – Мне бы только подробнее узнать, как побеждать, и зачем мне братья, – кивнула в сторону расплывающихся фигур. Тому, что с лысиной было совсем плохо. Походил он не на человека – на кляксу. Высокую. На двух ногах.

Яга запричитала, заохала, завздыхала и принялась своей тряпочкой шаманить, а Лес Лесович подошёл ко мне поближе и на ухо зашептал:

– Такие же вот-вот явятся от ведьмы. Сопровождать тебя будут до места битвы с морским чудищем. Яга их местами поменяет, а ты вида не подавай. Бойся.

Мои брови невольно поползли вверх:

– Бояться? Клякс на ножках?

– Тише, Машенька. Ягу Виевну обидишь. И помни глаза зла повсюду, не выдавай нашу хранительницу.

Эх… На счёт задумки Виевны у меня имелись большие сомнения.

– Я благодарна вам, конечно, за старания, – начала я осторожно, – за будильник спасибо, за ночнушку – голубой цвет мне к лицу. Но может… я как-нибудь… сама? Без братьев?

– Как же без братьев? – громко удивился дух леса. Яга обернулась. Поправленный нос одного из братьев тут же пополз вниз. – Лес понизил голос. – Если на битве что пойдёт не так…

А «не так» точно что-то пойдёт, – подумала я, внимательно слушая. Тот продолжил тем самым голосом, каким вещал о пророчестве. Ну, вы помните, «… не только тебя накажу, но и всех вас! С этого дня каждого ребёнка, каждое поколение проклинаю!» И так далее.

– Яга Виевна всем спасительницам помогала. Да и если одержит ведьма победу, чудищем управляя, и погибнешь ты у обрыва страшного, кто же позаботится о твоей душе? Кто переселит в цветок красоты удивительной?

– А если я не хочу в цветок? Может, мне грибочки милее. Да не смотрите на меня так! Я несерьёзно, мама из Инстаграма, но вы бы

себя слышали. Если вам верить, то братья не для защиты, а для того, чтобы мне после смерти повезло чуть больше. Хотя, Рита же стала речкой. Значит, ведьма не так безнадёжна.

– Ты совсем глупая? – зло сверкнула глазами Яга. Она прытко подскочила к нам и теперь сверлила меня взглядом. – Разве ж ведьма непутёвая способна на такое? Это я перехватила её чары. А так стала бы Риточка частью дворцовых покоев: ручкой дверной или ещё хуже – вазой под вонючки ведьмавяжские!

– Ягушка, не сердись. Машенька, от страха. Сама не ведает, что говорит. Правда, Машенька?

Я кивнула. А что ещё оставалось?

– Ладно. Завтракать, – буркнула Виевна. – Тебе надо сил поднабраться.

– Волшебных? – вновь приуныла.

– Их самых, – обрадовала Яга. – Тебе же они с Горынычем помогли?

– Ну… как сказать.

Глава 19. Да начнётся битва!

Завтрак прошёл в волнениях, тревогах и шуме. Прямо в окно шумели веточками летающие деревья. Видимо, ненормальная ведьма никак не могла справиться с досадой от поражения и не знала, чем же мне ещё насолить. Веточки ещё пару минут назад нормальных берёзок тянулись внутрь избушки почти, как в фильме ужасов. Разница состояла лишь в том, что на экране веточки имели цель убить героев или хотя бы слегонца придушить, а эти «ручки» лишь бесили своими взмахами у самого носа. Они мешали есть, мешали думать. Мешали настраиваться на битву. Но я кремень, я держалась и была очень-очень серьёзной.

На моей памяти завтрак был не только самым странным в жизни, но и самым быстрым. Пользуясь тишиной – Яга с Лесочком молчали грустно так, будто провожали в последний путь – я хотела расспросить подробнее о принце. Вернее, о той части пророчества, где сказано, как спасти его и победить ведьму, но… Желание спросить и возможность спросить – это совсем не одно и тоже. Мой не озвученный вопрос повис в воздухе с воплем «Выходи! Биться пора!»

Ох уж эта пора. Домой мне пора…

– Ешь-ешь, да поскорей, пых-пых, во мне столько витаминов, пых, – сказал суп и сам собой влил ещё одну ложку мне в рот.

– Явились, – нервно вздохнула Яга, вытаскивая тряпочку. – Сейчас я их ещё раз протру по очереди, а ты дверь открывай и выходи.

– Уже?

– Уже, Машенька, – подтолкнул к выходу Лес Лесович. – Не затягивай, иначе ведьма обман почует и ещё чего дурного сотворит.

– Если что, тряпочкой их три против часовой, – бросила Яга.

– А?

Но Лес Лесович уже любезно вытолкал за дверь.

Я посмотрела на присланных злюкой, и сразу возник вопрос: ведьма в принципе не способна творить что-то по правилам? Или это такой прикол над спасительницами? Я-то думала, Яга теряет память и силы, поэтому братья такие ущербные, а, увидев оригиналы, поняла, что старушка не так уж и плоха. Не знаю, чего она там прибеднялась,

но братья получились почти как влитые. Да-да, вы не поверите, у ненормальной ведьмы похоже не только фантазия на «двоечку», но и руки растут не из нужного места. То ли она заклинанием ошиблась, создавая «красавцев», то ли действительно издевалась, но представшее великолепие пугало не меньше копий. Чего стоил один лишь нос того, что стоял по правую руку от меня. Нет, он не плыл. Висел в воздухе на уровне места, где и должен был сидеть, так что, если бы вдруг поплыл, это вряд ли стало заметно. А лысина второго вообще смотрелась эффектнее копии. Потому что лысину занимала большая часть головы, плавно переходя на лоб.

Первая мелькнувшая мысль: ведьма росла в цирке уродов. Вторая – она пытается запугать меня, не понимая, как жалко выглядят эти самые попытки. После ночи с Фредди Крюгером и Анькой – любительницей приколов, в том числе и страшных, напугать меня подобными образами было попросту невозможно.

Я уверенно шагнула вперёд. Слуги ведьмы оказались по бокам. И так не слишком быстрым шагом мы двинулись к месту битвы.

Когда плохиши заменились хорошими, понятия не имею. Но могу сказать точно: Яге Виевне ловкости не занимать. Только что меня сопровождали одни уродцы, а через секунду уже другие. О подмене я узнала, благодаря тряпочке. Кусок волшебной ткани торчал из кармана одного из братьев. Про себя я его назвала «Плывущее личико».

Шли мы долго и скучно. Никто не болтал, а мне так хотелось расспросить о морском чудище; о том чудище оно или чудовище; есть ли разница и есть ли у него нормальное или хоть какое-нибудь имя. Устав от тишины, уже хотела начать светскую беседу, но вовремя вспомнила: мне нужно их бояться. А если боишься, начнёшь задавать вопросы? Вряд ли. Скорее будешь молчать в тряпочку. Кстати, о тряпочке. Надо бы протереть «Плывущее личико», а то правый глаз куда-то убёг. А может, сойдёт и так?

Наконец мы пришли. Скала… удивительно, но в виде обычной скалы, встретила дорожкой из сочно-зелёной травы. Видимо, чтобы спасительница не заблудилась. Хотя можно ли заблудиться на скале, где есть только одна голая скала, идеальной формы «Г», кстати? И обрыв?

Н-да. Судя по внешнему виду скалы и совсем не характерной поверхности, мало походившей на камень, ведьма не только в

заклинаниях, но и в ландшафте не сильна. Что ж она недоучка такая? Или проще сказать КРИВОРУЧКА?

– Стой здесь и жди своей погибели, – заученным текстом произнёс брат с лысиной, оказавшейся к этому моменту у него на… ухе.

Рука невольно потянулась за тряпочкой.

В небе раздражённо прокаркала ворона, превратилась в коршуна и по-человечески возмутилась:

– Почему он такой? Я же всё правильно сделала! Это всё ты виновата, Маша! – птица рванула вниз и исчезла в море.

Разбилась о волны? Утонула? Без помощи?!

Мои глаза не верили удаче. Сердце уже готово было закричать: «Ура, победа! Ведьма умерла, не выдержав собственной глупости!» Я открыла рот, чтобы громко выразить свою радость и… закрыла.

Увы, но нет. Радовалась я преждевременно. Ведьма не умерла. Снова став вороной, она тащила клювом громадную цепь. Кольцо за кольцом она медленно поднималась из-под вод, и по мере того, как удлинялась цепь, ворона всё больше выпячивала грудь. То ли от напряга, то ли от гордости. Но, видимо, всё же от гордости, потому что как только на свет выплыло ОНО, ворона выпустила цепь, смачно цапнув воздух клювом, и улыбнулась.

Вы когда-нибудь видели, как улыбаются вороны? Нет? Вам повезло. Зрелище жутковатое.

– Теперь ты точно умрёшь! – каркнула ведьма и вновь исчезла. Теперь не в море – в воздухе. Её унёс шквал сильного ветра.

Я с трудом удержалась на ногах, ведьма забарахталась в дали. Похоже, мама из Инстаграма, и это тоже было не по ведьминому плану.

Мои губы растянулись в улыбке. Пока всё шло неплохо. А потом я взглянула на чудище, от которого разило жуткой вонью, чудище взглянуло на меня и резко выбросилось на скалу.

А-а-а! Это попытка самоубиться? Или попытка застать врасплох и убить меня?

Верным оказался второй вариант. Чудище повторило рывок. Скала содрогнулась. Я еле отскочила влево, вправо, снова влево. И так повторилось множество десятков раз по разным направлениям. Чудовище не уставало, а я выдыхалась. Знаете, в школе и в институте я

физкультуру не уважала. Обычно я вообще отлынивала от упражнений: на беге у меня резко хватало бок, на разных эстафетах ныло сердце, прыжки в длину и на скакалке вызывали головную боль, мигрень и всё, что Анька могла придумать в ту секунду. Выручала она меня стабильно, у нас это было взаимно, я ненавидела физкультуру, потому что родилась не самой спортивной, а она терпеть не могла природоведение и любые контрольные. Так что ходили в медпункт мы исправно и с заметной регулярностью, о чём теперь я сильно жалела.

Силы кончались, терпение кончалось. Да сколько можно прыгать зайцем?! Я чувствовала себя так, будто мерзкое чудище мстило за все уроки физкультуры и всех преподов сразу.

Очередной рывок и дрожь скалы едва не застали меня врасплох: жуткое щупальце, а их у чудища было поболее, чем у осьминога, хлопнулось прямо у правой ноги. Секунда, и меня бы оставили без конечности. Если бы не братья, дружно подхватившие измученное тело и переставившие на другую точку со словами: «Бейся, королева! Всего два раунда осталось».

Пригодились уродцы.

Интересно, королева уже смекнула о подмене слуг? Или её сообразительность такая же пугающая, как и другие достоинства?

Подождите….

Два раунда?

ДВА?!

Да что же это такое, мама из Инстаграма!

Вопрос ведьминой догадливости отпал сам собой. Да и как тут можно думать о чём-то другом, кроме ещё двух раундов? Почему двух? Почему в этой дурацкой сказке всё так… по-дурацки?!

Я прижалась к скале в попытке отдохнуть. Ноги дрожали, руки дрожали. Сердце выпрыгивало. У него были силы. У меня – нет.

– Победила, – громыхнул голос, принадлежавший чудовищу.

– А ты… умеешь говорить?

– Да. Но тебя это не спасёт.

– Почему? – глупо спросила я, пытаясь растянуть время.

– Ну… не знаю… – глупо протянуло чудовище.

И тут я вспомнила слова Риты о пророчестве, о том, что всё не так как кажется, и задала следующий вопрос:

– А ты чудище или чудовище?

А что? У братьев не спросила, у Яги с Лесочком не успела, но мне же интересно!

– Ну… чудиче.

И тут безграмотность. Да что ж за сказка такая?! Что не персонаж, то работа для учителя. Кошмар какой-то!

– Правильно говорить чудище, – не удержавшись, поправила я.

– Правильно чудиче, – повысило голос чудовище, и скалу затрясло почти также, как до этого от ударов.

– Я преподаю в школе, – вздохнула.

– Моя мама лучше знает, – вздохнуло.

– Любопытно. Поболтаем?

– Ну… болтать не положено.

В памяти всплыл Змеёша. Да, мама из Инстаграма, похоже и с оригинальностью у ведьмы так себе.

– Сейчас ты скажешь биться? – спросила без всякой веры.

– Биться. Ещё два раунда.

– Почему два?

– Ну… потому что их три.

Не успела я продолжить наш занимательный диалог, как море вспенилось, словно наглотавшись стирального порошка, завоняло так же. И воронкой закружило чудовище. Причём воронки возникли сразу в нескольких местах.

Да что с этой ведьмой не так?!

Моё возмущение вылилось не только в мыслях, но и словах ровно в тот момент, когда волна вместе с чудищем вылилась на скалу. Естественно, на то место, где стояла я.

И снова спасли братья.

Нет. Не зря Яга их создала. Спасибо, Виевна!

Щупальца закружились, заколошматили по скале. Я с трудом уворачивалась от ударов. Но удача в какой-то момент отвернулась – куда смотрели братья, не знаю – огромное щупальце прижало меня к скале.

Глава 20. Закон сказки

Жизнь мимо не пронеслась. Просто-напросто не успела. Она у меня слишком насыщенная, а мгновение плена длилось совсем капельку. Почти ничего. Я и испугаться-то толком не успела, а щупальце уже отпустило. Правда радости я не испытала. Помните, как было сказано в пророчестве? У чудища гипнотизирующий взгляд. Так вот теперь этот взгляд целился в меня, уводя в лабиринты подсознания… порабощая чувства и волю… превращая в марионетку…

Так должно было быть. Но…

Не знаю. Ведьма катастрофически невезучая или само чудовище что-то перепутало, а гипноза я так и не почувствовала. Силы не уходили, глазки не закрывались, тяжести или лёгкости в теле не ощущалось. Но чудовище похоже находилось в полном неведении и продолжало смотреть, смотреть… А потом ещё и начало шептать.

Расстроить его? Или подождать?

Внезапно проснувшаяся жалость ко всем существам, попавшим в ведьмину сказку, настаивала на том, что нужно дать чудищу шанс. Оно ведь так старалось. Это отчётливо читалось по напряжённой морде: сдвинутым бровям, кстати, брови похожи на червяков. Раздувающимся ноздрям. Ноздри у чудовища тоже ничего такие. Как панцири улиток. И вообще, если приглядеться, морда или то, что передо мной довольно интересное. Не в плане красоты, а с точки зрения фантазии.

Хм. А ведьма-то… не безнадёжна.

Но жалость жалостью, а жить хочется. Так что нога влево, ещё немного, ещё чуть-чуть.

Я знала, что крайне огорчаю чудище своими шевелениями в сторонку, хотя и двигаюсь аккуратненько так, и зрительный контакт не разрываю.

Шажок. Крохотный. Снова.

Но жажда к жизни была сильнее совести. Ещё шажок.

– Ты куда? Ну… ты куда?

Я замерла. Мне задали риторический вопрос или ждут ответа?

– Я же гипнотизировала! Эй! Так не честно! Что я опять напутала?

Всё же риторический.

Ведьма, а в теле чудища была именно она, тем временем сокрушалась:

– Заклинание шептала? Шептала. Не громко? Не громко. Три раза повторила. Три? А может… два? Или три? Ну почему не получило-о-ось? Второй раунд и впустую-ю-ю! Ты должна была спрыгнуть, чёртова Маша. Сама-а-а!

Мне даже стало жаль ведьму. Что, если она такая злая из-за своих постоянных неудач? Тогда её легко понять: чем сложнее тебе приходится по жизни, тем черствее становится сердце. Не у всех. Но у слабых и не имеющих поддержки, у ранимых и одиноких именно так и происходит.

– И слуг опять подменила-а-а! – продолжала она ныть. – Что за невезение-е-е! – выдохнула с такой силой, что меня впечатало в скалу. – Ненавижу! Если бы могла сидеть в этом теле сколько захочу, сама бы убила вас все-е-ех! – с непередаваемой досадой крикнула-каркнула и, отделившись стройной тенью от чудища, взмыла в воздух, а через секунду полетела вороной. – Но я буду наблюдать и проклинать! Я так просто не сдамся!

Проклятие – это серьёзно.

Чудовище моргнуло, я тоже моргнула. Оно виновато посмотрело на меня, затем на птицу, наматывающую круги в поле видимости, и траурным голосом произнесло:

– Остался самый трудный, смертельный раунд. Ты не победишь, королева.

В то же мгновение из всех щупалец разом заискрилась чёрная магия, и меня начали обстреливать почти что автоматной очередью. Я решила, это конец. И так бы оно и было. Но в самый нужный момент, по закону жанра, проснулись силы свыше. Лишь это спасло меня от множественных ранений. Да что там, мама из Инстаграма! От самой настоящей смерти! Стоило магии коснуться скалы, как это место тут же исчезало.

Выставив вперёд ладони, стреляющие не слабее щупалец, я отбивала удары белой магией и пятилась, пятилась. Пока нога не почувствовала пропасть.

Удержалась от падения чудом. И магией свыше. Во время выстрела, притягивающей к земле.

– Многие падают с обрыва! – радостно возвестила ворона. – И тебе тоже конец! – она закаркала, засмеялась и велела чудовищу. – Скинь её! Сейчас же скинь!

Теперь я понимала, как погибла королева, побежавшая не в ту сторону: с такой магией любая сторона окажется не той.

– Щупальца свои держи поближе! Поближе! Не промахнись, как раньше! – наставляла ворона, превратившаяся в саму себя – ведьму сказочной красоты.

Я с грустью перевела взгляд на растворяющихся братьев: в них попала чёрная магия. И кто теперь превратит мою душу в прекрасный цветок?

Выхода не было. Впереди смертельные щупальца, позади обрыв и бушующее море. По бокам, кстати, тоже. Чудище расстаралось, пока вело обстрел, и теперь я стояла на крохотном пятачке – ни шага в сторону. Даже белая магия теперь не нужна – ею не за что хвататься.

Похоже, это конец.

В нормальной сказке сейчас прилетел бы Змеёша и спас. Или из какого-нибудь портала появилась Яга. Лес Лесович оживил природу. Очнулся бы принц, приволок с собой придворных волшебников, рыцарей. Мои силы заискрились, помноженные на его или ещё какие-нибудь. А ведьма, плача и страдая, чудесным образом бы лопнула, не выдержав счастливого финала.

Только эта сказка была ненормальной.

Щупальца тянулись. Они были уже близко. Их вонь заполняла ноздри, сводя с ума. В принципе, чудовищу и делать ничего не надо, ещё чуть-чуть, и я свалюсь и в обморок, и с обрыва.

Отчаянно выставила руки вперёд, надеясь на то самое чудо. Но чуда не случилось. Последняя попытка отбиться магией ни к чему не привела. Я видела, как чёрный сгусток летит, неся смерть, и ничего не могла с этим поделать.

И снова перед глазами жизнь не пронеслась – почему-то закружились строки детских книжек. Бабушка перед сном мне всегда читала, а когда, уехав из родного дома, я начинала грустить, то читала себе сама. Это были те же детские книжки. Сказки. Потому что в сказках герои всегда оказываются удачливыми. Даже, если на первых

страницах в них дремлет сила, на последних она пробуждается. И речь там не о силе свыше, вроде данной угощениями Яги Виевны. Речь о силе настоящей – силе добра, любви, всепрощения.

Ведьма закрыла глаза. Она кружилась в воздухе и улыбалась. Предвкушала победу.

Глядя на неё, на чудовище, озираясь по сторонам в поисках спасения… готовясь к худшему, я вспомнила основные три закона любой сказки. Во-первых, герой всегда храбрый. Во-вторых, добро побеждает зло. И в-третьих, история заканчивается свадьбой.

А я же, мама из Инстаграма, в какой-никакой, но сказке! Так почему же здесь другие законы?!

– Верь, – послышался вдруг знакомый детский голос. Дрожа от страха, сдерживая слёзы отчаяния, я осознала, что он исходит из моего собственного сердца. Девочка, живущая где-то глубоко внутри, до сих пор верила, что добро способно победить зло. Без всякого чуда. Просто потому, что добро сильнее.

Я открыла глаза, пригнувшись. Первый сгусток магии пролетел мимо, задев голову. Мои волосы, так любимые Анькой, посыпались, исчезая.

Второго выстрела я ждать не стала. Резко поднялась и прыгнула, расправив руки, будто крылья.

Чёрная магия ранила бедро, впилась в бок, полоснула по щеке. Дрожащими руками я схватилась за скользкое щупальце, неимоверным усилием вцепилась ногтями, подтянулась, царапая чудище, перекинула исчезающую ногу, сев сверху, и направила чёрную магию в сторону.

Ведьма ничего не видела и не подозревала. Уверенная в исходе, она продолжала танцевать. Кружась, задела собственное оружие, взвизгнула, скорчилась от боли. Её ступни начали исчезать, и она заверещала:

– Нет-нет-нет! Так нельзя! Не положено! Ну я же ведьма! Я же самая сильная!

Её губы поспешно читали заклинание.

Ступни превращались в ласты.

Раздосадованная, виня всех на свете и меня в том числе за свою необразованность, она направила другие щупальца в бой.

Я снова прыгнула. Упала на нижнее, едва не соскользнула. Впившись ногтями, и, слыша рёв боли, повернула щупальце на ведьму.

– Ненавижу! – заорала та, чудом увернувшись.

А нет. Не увернулась. Её богатые рыжие волосы тоже посыпались.

Ведьма схватилась за голову и едва не заплакала:

– Всё! Хватит! Разберёмся на моей территории! – красавица, теперь уже полулысая и не такая красивая без копны волос, превратилась в ворону. С ластами. А затем, обращаясь то одной, то другой птицей, взмыла ввысь и полетела прочь.

Ласты остались.

– Негодяйка! – разносилось по небу. – Всю войну испортила!

В мыслях я поправила её: война – это не двое на одного.

– А мои волосы! Моя красота! Мои ноги! Что ты с ними сделала! Что-о-о!

Небо сотряс раскат грома, но дождик не вышел. Тучи столпились на небе, и как студенты перед преподом, который должен был прийти, но не явился, разбежались кто куда.

Потом всё стихло.

И в полной тишине я услышала:

– Ты победила, спасительница.

Я слабо улыбнулась чудовищу, а оно – мне.

Силы оставляли. Исчезающие части тела ныли, сердце колотило так, что болели рёбра.

Веки слипались.

Я услышала, как чудовище хлопает щупальцами по воде, почувствовала ласкающие тело волны.

Хотелось зажать нос от жуткого запаха, но руки не слушались.

– Яга Виевна вылечит, – пообещало чудовище ласково. – Ты молодец, спасительница.

Мысленно я с ним согласилась.

Чудище качало меня, словно в колыбели, плотно удерживая кольцом из щупалец, и мы плыли-плыли всё дальше и дальше от разрушенной скалы.

Чем сильнее одолевал сон, тем больше в голове становилось вопросов, как нелепых, вроде того, как ведьма будет теперь передвигаться с ластами, так и серьёзных. Например, что на самом деле сказано в пророчестве, станет ли Люся человеком, если я одержу победу, будут ли вместе Рита со Змеёшей, как моё исчезновение воспринимают в обычном мире – в той же школе и кто платит за

жильё, платит ли… А ещё меня волновала третья битва. Последняя. Если со Змеёшей всё было шутливо, то сейчас уже по-серьёзному. И что же тогда подготовила ведьма там, во дворце, на своей территории?

Мне стало действительно страшно.

Может ведьма и недоучка, может она непутёвая и глупая, но злость порой способна создать из мелкой пакостницы настоящую злодейку. Не исключено, что с этой ведьмой когда-то произошло именно так.

Запах моря слабел.

А затем мне послышались причитания Виевны, ласковое «Она справилась» от Леса Лесовича, всхлипывание Люси, хлопки крыльев. Я хотела открыть глаза, но не смогла.

– Всё пройдёт, потерпи, Машенька.

– Ох, и джинсы свои заморские подрала. Ну ничего, я подлатаю.

Наверное, я улыбнулась.

Меня взяли на руки и куда-то понесли.

Никакой уверенности в том, что вера в сказки поможет одержать победу у меня всё ещё не было, но я ни грамма не сомневалась в одном: добро перед трудностями не сдаётся.

И я должна спасти этот мир. Нет, мама из Инстаграма, не так.

Я.

Его.

Спасу.

Глава 21. Хранительница и спасительница

Когда чудище пообещало, что Яга вылечит, я ожидала магии. Думала, Виевна пошаманит, руками помашет, пошепчет разные слова волшебные, и я стану прежней. Но, оказалось, что так можно, если травма пустяковая, а магия ведьмы совсем не пустяк. Не успела я подробнее расспросить, как именно меня собираются лечить – возникло дурное предчувствие – а Яга уже зачем-то послала Лесочка.

В лес.

Это меня насторожило, ведь природы нормальной не осталось. Испуг забрался в сердце и поскрёб когтями.

– Не бойся, – произнесла Яга, читая страх в моих глазах, и коснулась той части ноги, где теперь была лишь пустота. Ласково коснулась. Не знаю каким образом, но я почувствовала.

В этот момент Виевна мне очень бабушку напомнила. Когда я набивала шишку или раздирала колени, она точно также осторожно трогала больное место. И смотрела также. От её взгляда у меня ещё больше текли слёзы.

– Всё будет хорошо, – улыбнулась Яга. – Никто не ожидал от тебя такого и поэтому… ай, ладно, что уж говорить. Вылечу.

Я лежала на кровати, которой не помнила, и видимо та каким-то образом возвращала силы, потому что общее самочувствие улучшилось, глаза открылись и голос зазвучал привычно звонко. А раз силы вернулись, значит можно и немного поболтать. Во-первых, страх за беседой мельчает, а у меня поводов, хоть отбавляй. Во-вторых, вопросов уж слишком много, и кажется, если не задам, то могу и лопнуть. Начала с первостепенного:

– Я во время битвы что-то сделала не так?

– Ой, Машенька… – махнула Яга рукой, – так, да не так. И до тебя королевы на чудище прыгали, и лупили его, и мечи вонзали.

– Мечи? – глаза полезли на лоб. – А мне почему не дали?

– Так кто меч добыл, тот с ним и идёт, а у тебя его не было.

– Логично. Только я о мече не знала.

– А тут уж… – развела руками Яга. – Каждый своим умом да способностями.

Стало обидно. Я жизнью рисковала, пошла на чудище с голыми руками, а у кого-то было оружие?!

Ну и дурацкая же эта сказка!

– Не переживай. С мечом опаснее, – утешила Яга.

– Да ладно… – На этот счёт у меня имелись большие сомнения.

– Меч, Маша, не каждого слушает, а если и слушает, то не обязательно помогает. Навредить тоже может. Королева, не помню уже какая, но точно не одна из первых, сама же от меча и пострадала. Без руки осталась. Правой.

– Но вы её вылечили.

– Вылечила, только битву она проиграла. А раз проиграла, то… – Яга развела руками.

– То, что? Не тяните!

– Она здесь больше вроде, как и не нужна. Отправили мы её обратно.

– Везучая… – я вздохнула.

– Ошибаешься, Машенька. Она после всех чудес умом повредилась и восстановиться не смогла.

– Подождите. Выходит, не только злых спасительниц вы домой отправляли, а мне говорили…

– Говорила? Не помню я, Машенька. Да и что говорила… Такая несчастная лишь один раз и попалась.

Я смотрела с недоверием.

– Или два?.. – задумалась Яга. – Как бы там ни было, лучше без меча.

И в своём уме, – мысленно добавила я.

А Яга продолжала:

– Отрубить руку – это не беда. Лечится. А если голову, тогда никакое волшебство не поможет.

Я сглотнула:

– Неужели и такое случалось?

Виевна кивнула.

– Ты, Машенька, молодец. Чудища не испугалась, перед ведьмой не пала, но её же силу на неё – это зря.

Я удивлённо хлопала глазами. Меня сейчас осуждают? Да, мама из Инстаграма, я же победила! В чём проблема? Это и озвучила Яге, а она руки скрестила и давай объяснять. Раньше мне казалось, что быстрее моей Аньки в момент эмоционального взрыва болтать не способен никто.

Что ж, беру свои слова назад.

Виевна, то и дело поглядывая в окно, будто там громадные часы стояли, но нет, лишь ведьмавяжские розы, кстати, их стало в разы больше, говорила о силе колдуньи. Той. Самой первой. И о её потомках. Оказывается, следующие поколения не только становились всё краше и краше, но и злее, сильнее. Обидчивее.

К чему способна привести обида, думаю никому объяснять не надо: в мире людей она тоже чревата последствиями. Редко, когда на обиду ответят добром, а ещё реже её забудут.

Из рассказа Яги получалось, что теперь мне стоит очень бояться заключительной битвы, потому как ведьма последняя не только очень обидчивая, эмоциональная и вспыльчивая, но и, к моему большому несчастью, взбалмошная.

Про себя я ещё отметила её глупость. По мне, так это самое страшное. Действия умного можно предугадать, а глупого понять невозможно.

– Поэтому я и говорю, Маша, сделала ты всё, да не совсем так, – вздохнула Яга, вновь поглаживая отсутствующую часть ноги. – Лучше бы ты за братьев спряталась, как другие делали. Они бы удары отбили, и ведьма злилась поменьше. А так… Ой, как она кричала, все слышали. Что теперь будет…

– Вообще-то, – начала я осторожно, – ваши братья… того.

– Кого того? – наморщила лоб Яга.

– Не кого, а что.

– Что?

– Удар не отбили.

– А я-то думала, они загуляли… Значит, совсем слабею, – Яга стала грустной-прегрустной. – И Лесочек не торопится. Неужели в лесу заблудился?

– Что вы такое говорите? Он же дух леса! – теперь нахмурилась я.

– Дух то дух, но лес сказочный и лес ведьмин – это совсем разные места. А она злая после поражения, чего надумает неизвестно. Ты пока

не можешь подняться, а если бы в окошко выглянула, поняла, о чём толкую. Ой… где же он? Поторапливаться надо. Чувствую, скоро опять всё забуду. Так, – лицо Яги стало серьёзнее некуда, её напряжение я буквально почувствовала. – Пока я в себе, внимательно слушай. Нет. Не слушай. Могу не успеть, а силы ещё надо на лечение оставить. Я тебе запишу. Да. Так надёжнее.

Взяла скатёрочку, попросила о чём-то на неведомом языке, и через мгновение появилась кастрюля.

– Пока я записываю, поешь. Для твоего же блага.

– Опять будет пых-пыхать о пользе и витаминах?

– Да. А что ты скривилась так, будто я тебе рыбий жир предлагаю? – насупилась Яга. – Я тебе помочь хочу. Супчик действительно полезный, а мой к тому же восстанавливающий. Или ты не хочешь поскорее волосы вернуть и будешь ходить лысой?

– Лысой?!

– И безногой, – добавила Виевна, поймав новую волну страха. – А лицо своё видела? Сейчас покажу, – и безжалостно ткнула своим сухеньким пальцем в подлетевшую косметичку. Та раскрылась, обнажая знакомый мне набор, высыпала содержимое и продемонстрировала небольшое прямоугольное зеркальце.

Взглянув, я потеряла и дар речи, и остатки храбрости. Теперь я была чудовищем.

– Такой и останешься? Или будешь лечиться? – хмуро спросила Яга. – Ты давай думай и решай поскорее. Если не надо, так я Лесочка верну. Чего он по ведьминому лесу шастает, жизнью рискует, ради тебя старается?

– Вы… злитесь?

– Злюсь! – призналась Яга. – Думаешь, одной тебе страшно? Ты своими сомнениями время теряешь, а я силы растрачиваю. Сейчас забуду всё и… ВСЁ! – повысила голос. – Тогда и захочешь, а помочь ничем не смогу! – бросилась в подвал, а вернулась с листом и ручкой. Обычными. Ручка была шариковой, лист – вырванным из тетради в линейку. На мой изумлённый взгляд ответила:

– От очередной спасительницы достались, имени не помню. Она теперь растёт травкой на одной из полянок за Зеркальным лесом. А это её подарки мне, хранительнице. За спасение.

– Так вы же не спасли.

– Ведьма заклинание на пузырёк читала, а я перехватила и на травяное переделала. Разве это не спасение? Что, по-твоему, лучше: хранить вонючие ведьмины настои или шелестеть зелёной сочной травкой?

– Лучше быть собой, – осторожно заметила я.

– Умной стала? Ешь давай, а то смотрю, права была Люся. Дерзкая ты.

Моя рука совсем не тянулась к супу, желудок и вовсе настойчиво его отвергал, но сам пыхальщик оказался не менее настойчив желудка. Одна ложка, две, три, четыре, а дальше я сдалась. В конце концов, силы мне помогли. В первый раз, конечно, не так, как ожидалось, но во второй я без них бы вряд ли справилась. Так что ладно, мама из Инстаграма, поем я супчика, он и правда лучше рыбьего жира. А если совсем честно, то довольно вкусный. Правда жирноватый.

Пока я наворачивала из кастрюли, а Яга строчила пулемётом – надеюсь, я в старости тоже буду бойкой старушкой, – вернулся Лес Лесович. В руках он держал корзину, а из неё торчали три одиноких вонючих гриба. На первый взгляд, это были мухоморы. Но разве шляпки у них синие, а ножки в чёрную клеточку?

– Пришёл, а я всё в окошко высматриваю. Невредимый? – Яга принялась ощупывать своего ненаглядного.

– Со мной всё в порядке, Ягушка, а с феями беда. Ведьма ополчилась и приклеила их к цветам своим поганым. Теперь они бедные от запаха изнемогают.

– И Колоколию? – всплеснула руками Яга.

– Она первой пострадала.

– Ой-ё-ёй. Вывела Маша ведьму из себя, ох, вывела.

– Я хотела, как лучше, – заметила тихо.

– Мы понимаем, – сказал дух леса.

– Лесочек, давай корзину, время на исходе, пора лечить нашу королеву, – Яга обернулась. – А ты суп поела? Хорошо. Теперь грибы легче пойдут.

Я поперхнулась только что проглоченным:

– Съесть? Их? Они же от ведьмы!

– А ты как думала? – удивилась Яга. – Чёрную магию чёрной лечат. Я их быстро в котёл кину, поварю, а вы оба запомните: мало ли не успею и всё забуду. Когда они совсем чёрными станут: вытащить,

размять и намазать кашицей здоровые части, приговаривая: «Возвращаю то, что моё, отдаю то, что больное. Здоровое сюда и прочь дурное». Запомнили?

Мы с Лесом синхронно кивнули.

Я вздохнула с облегчением: пошутила Виевна, есть эту гадость не надо.

– Отвар процедить и выпить. Три чайные ложки в начале лечения и три после того, как всё восстановится.

– Да вы издеваетесь, мама из Инстаграма? Зачем?! – я живо представила собственные мучения. Вдыхать запах грибов – уже геройство, а тут!

– Для закрепления. Иначе исчезнет твоя нога, к примеру, во время битвы, и что тогда?

Я даже думать о таком не хотела.

– Молчишь. То-то и оно. Слушайся меня, Маша. Я старая и кое-что знаю.

Глава 22. Тайна пророчества

В детстве думала, что хуже горчицы в тазике с горячей водой, почти что обжигающей; чеснока в контейнере от Киндер Сюрприза на груди, повешенного на грудь и протирания тела водкой с уксусом ничего быть не может, но Яга удивила. Завершения мучения-лечения я ждала сильнее, чем в том же детстве прихода Мороза с подарками. К счастью, моё восстановление шло довольно быстро. Как и подобает в сказке. К несчастью, чем сильнее становилась я, тем злее ведьма.

Как Виевна и предсказывала, началось полное безобразие: покончив издеваться над природой – небо плевалось то градом величиной с апельсин, то грозами, рассекающими землю, и разметав башню по кирпичикам, да, ту самую неразборную, ведьма принялась за существ.

Первой пострадала Люся. Вдоволь погрустив, лягушка как раз возвращалась в избушку, прыгала себе как ни в чём не бывало, стараясь не касаться ведьмавяжских роз, хотя сделать это было непросто, те продолжали расти и в ширь и в высь, но дойти до нас так и не сумела: у самого порога её застигло заклинание камня.

Следующим стал Степаныч. Он тоже окаменел. Прямо во сне. Скулил, будто принимал мои страдания от лечения, повизгивал, хвостом и лапами мотал из стороны в сторону и так и застыл. В раскоряку.

Затем пришла очередь Змеёши. Пока ведьма, ослабев, придумывала все эти пакости, он вспомнил что-то: сам успел мне крикнуть об этом, чудом не запутавшись в вонючих розах и приземляясь у окошка. Но… заинтриговать успел, а рассказать в чём дело нет. Превратился в огромную крылатую статую. Каменную, как вы понимаете.

Леса Лесовича, который с ужасом и рассказывал мне, что происходит снаружи, тоже не обошла стороной ведьмина злость. Он как раз очищал котёл, чтобы вонь уменьшить и потому что его Ягушка любила мужчин хозяйственных, когда получил заряд чёрной магии. Искры пробежали по его телу, напоминая электрический ток. Мы с Ягой, которая уже порядком путала дни и следующие за ними события,

ожидали каменное изваяние, но видимо у кого-то проснулась фантазия, и дух леса превратился…

… в дерево, пробившее верхушкой крышу избушки. Яга как раз потянулась намазать мне щёку, когда это случилось, и плохо понимая, почему так происходит, и уже напрочь забыв, кто лежит перед ней в лечебной кровати – домой бы такую полезную штуку – рухнула в обморок. А через мгновение захрапела. Подозреваю, недобрым сном.

Н-да… Таким нехитрым образом ведьма лишила меня всяческой поддержки.

Плохо…

Дальше и лечиться, и бороться мне придётся самой.

Ещё какое-то время я полежала, прислушиваясь к творящемуся безобразию и ожидая мерзкой пакости в собственный адрес, однако меня никто не трогал и даже избушку не обрушил, погребя под обломками. Не произошло больше ничего. Почему? У меня есть два варианта. Первый: потому что пророчество – не зря же его создавали? Видимо, третья битва должна состояться непременно. Второй: ведьмины силы просто-напросто иссякли.

Но я ошиблась.

– А с тобой я разберусь лично! – громыхнуло в небе и эхом разнеслось повсюду. – Завтра тебе конец, Маша!

Меня, естественно, такой расклад не устраивал.

Кое-как допрыгала до стола – без ноги равновесие терялось посекундно – взяла растёртые грибы и продолжила прерванное лечение. Щека – это, конечно, не нога. Но биться с ведьмой надо в целости. Так надёжнее. А то вдруг в самый неподходящий момент меня боль отвлечёт? Я вам не говорила? Едва Яга начала варить грибы, как у меня всё адски заболело.

Наконец, последний мазок, последний глоток. Свобода. От счастья хотелось прыгать и плясать. Но делать я этого не стала, посчитав обстоятельства прискорбными: вокруг меня как никак гора трупов, не до конца мёртвых, но и не живых.

Проверила Ягу с Лесочком на наличие рефлексов, мало ли, попыталась расколдовать добрым словом, но у меня не получилось. Вот только отчаиваться нельзя! Надо думать о хорошем!

Глупая ведьма так хотела мне насолить, что даже не включила логику и оставила Ягу напоследок. А зря. Благодаря её оплошности

Яга успела написать всё, что хотела. Она назвала это тайной пророчества.

Не теряя времени и чувствуя себя почти здоровой, я вытащила у Виевны из кармана спрятанный лист и поспешила на свежий воздух. Горе-лечение закончилось, а вонь осталась, и мои рецепторы уже изнемогали от грибного запаха. Были подозрения, что снаружи легче не станет, потому что открытое окно не помогало, но я же, мама из Инстаграма, не могла потерять крохи собственной веры? Я упрямо дёрнула ручку.

И врезалась в разочарование. Нет. Сначала в стену жуткого запаха, а затем уже в разочарование. За дверью стоял плотный туман – появился аккурат перед тем, как я вышла. Он был наполнен ароматом ведьмавяжских роз, если это можно назвать ароматом.

Засада.

Я даже не знаю, что терпеть приятнее: дурные цветы или дурные грибы? Но сдаваться нельзя. Анька моя однажды пошла на свидание с парнем, считавшим, будто самый сексуальный запах исходит от настоящего мужчины. И Анька выдержала! Она не пала перед специально не мывшимся неделю ухажёром! Её не победили зубы, забывшие, что такое паста или хотя бы жвачка с мятой! Ей удалось выстоять перед потными объятьями, хотя дезодорант и Анька – понятия вместе связанные! А я чем хуже?

И решительно настроенная, я зажала нос, выбрав избушку. Во-первых, к запаху грибов я начинала привыкать, к тому же от меня самой воняло будь здоров и с этим пока придётся мириться, а во-вторых, после жуткого лечения невыносимо захотелось пить.

Ведьма, какие бы хитрые штуки она на завтра не придумала, забыла о скатёрочке, и та, радуя моё нежданное одиночество, выдала сначала воду, а затем и сок. Для поднятия боевого духа.

И шоколадку. Для заряда позитивом.

Сразу стало легче.

С новыми силами я раскрыла лист и принялась за чтение.

Что сказать, Яга постаралась. Использовала слабость ведьмы и своё озарение на полную катушку и расписала все свои догадки, обращаясь ко мне не ласково «Машенька», а подчёркивая серьёзность ситуации строгим «Маша».

По её мнению, мне не следовало слепо верить пророчеству, потому, как и она сама уже сильно сомневалась в *«этих древних писульках, Маша»*. И на то имелись причины. Взять хоть описание любого врага. Лживое.

Память Виевны до конца не восстановилась, но она смутно помнила, вернее не помнила, чтобы тот же Змей Горыныч *«вроде бы у него другое имя есть, Маша»* был таким уж злым. Огнём плеваться любил, ну да кто из Горынычей не любит? Фей иногда пугал. Играл так. Красавиц из других сказок воровал, пока ухаживать не научился, но в битву ни с кем не вступал, зла никому не желал и вообще считался одним из самых дружелюбных в мире. Кощея вместе с его роднёй и то считали злее.

Дальше она рассуждала о чудище морском, которого мать всё заставляла любыми способами найти невесту. Чудище-то уже не маленькое, а семьи всё нет. И Виевна помнила, как оно обманом заманивало русалок, держало в гостях-плену и гипнотизировало местных и неместных красавиц. Они со Змеем даже соревновались, кто быстрее найдёт себе пару: чудище со своим волшебным взглядом или Горыныч с огненной харизмой.

Насчёт харизмы я не сомневалась.

Побеждал действительно Горыныч. Во-первых, харизмой, во-вторых, соблазнением небом в алмазах, в звёздах, то есть. Ну да и прочим из того же романтического набора. А чудищу просто-напросто не везло: взгляд не гипнотизировал, хотя чудище ежедневно упражнялось и ухаживать оно совсем не умело. К тому же красавицам больше нравилось летать, чем плавать. Первое казалось незабываемым и увлекательным, а второе навевало скуку. Чего они не видели в воде? Раковин морских или красивых водорослей? Нет. Современные красавицы привыкли ко всему. И лишь их любовь к небу оказалась вечной.

Ох и привереды они, красавицы эти сказочные... Я грустно взглянула на то, что осталось от неба, вспомнив свой собственный полёт со Змеёшей, и продолжила чтение.

Смущало Ягу и описание того, как началось заклятие. Ведьмина сила всё ещё не давала вспомнить подробностей, но моё замечание о фразе *«И стукнула трижды вокруг себя по кругу, призывая этот самый свет привлекательности, да только краше не стала»*, не

давало ей покоя. Сторон ведь действительно четыре. Неувязочка какая-то. Яга предположила, что первая колдунья сама намудрила с заклинанием, и возможно поэтому дальше всё и пошло наперекосяк. Яга имела ввиду то, о чём я и сама уже догадалась: следующие поколения не только всё больше забирали красоту сказочную, становились сильнее и могущественнее, но и глупели, а этого в планах самой первой колдуньи явно не было.

«Обрати внимание, Маша, и на строки о том, как и когда спадёт заклятие, – просила Яга. – *... заклятие спадёт, когда зло побеждённое вдох последний сделает, а сердце любящее искренне одарит принца, заколдованного теплотой».*

Я перечитала ещё раз, не улавливая в чём подвох. Но спасибо Виевне, она всё разъяснила:

– Зло бывает разное, Маша. И задумайся. Почему из трехсот двенадцати спасительниц ни одна так и не сумела победить ведьму и спасти принца, хотя были достойные, вышедшие победительницами из двух битв? Что помешало им положить конец проклятию? Разве ведьма и правда так уж сильна? В ней самодовольства больше, чем силы, а злости поболее разума. Так в чём же дело, Маша? В одной лишь ведьме? Нет ли других причин?

Чем больше я об этом думаю – всё же не зря ты так ведьму разозлила, у моей памяти хоть передышка от её влияния – тем сильнее начинаю сомневаться в правильности написанного. Всё там странно. Так что… Может, ты была и права: пора переписать пророчество. И ещё. Пока не забыла. Я и другим рассказывала об этом, но никто не сумел воспользоваться толково, а все записи раз за разом уничтожала ведьма, поэтому очень надеюсь на тебя, Маша с удивительной фамилией Сказка. Как хранительница мира, первое пророчество писала я. Но… то было первое. А потом оно неоднократно терялось вместе с моими воспоминаниями. Возвращалось уже таким, каким теперь хранится. И знаешь, что, наша почти что королева – я верю в это, Маша – старость старостью, но я совершенно не помню строк о смерти спасительницы через три года. Разве всё не должно закончиться свадьбой? Это же всего лишь сказка, Машенька. СКАЗ-КА».

Это всего лишь сказка…

Я отложила лист и задумалась. Яга права. Во всём этом что-то не так.

Глава 23. Кто здесь главный?

Чем дольше я рассуждала, тем больше склонялась к тому, что в сказочном мире есть некая теневая фигура, тот, кто тщательно следит за происходящим и несёт ответственность за пророчество. Но кто это может быть? Кому выгодны дурацкие битвы, глупеющие из поколения в поколение ведьмы, попытки спасительниц выручить принца и их же провал за провалом? Кто настолько безумен, что не поленился снова и снова вносить изменения в пророчество и стирать память Яге?

Кто обладает подобной силой?!

Обычно сложные вопросы я решала на пару с Анькой. Ей хватало сообразительности и смелости на разборки с любой проблемой. Но её здесь нет и посоветоваться не с кем, и поэтому что делать я не знаю. Если бы остался в этом мире хоть кто-то, нетронутый ведьмой, мне было бы гораздо проще. Почувствовать, что ты не одна – это многого стоит.

Совершенно потерянная, расстроенная и совсем не готовая к последней битве, я направилась к Рите, лелея надежду: а вдруг чёрная магия её не коснулась?

Путь был долгим и жутко неприятным. Ведьмавяжские розы – чувствую теперь и на обычные розы не смогу смотреть без содрогания – выросли до гигантских размеров. Их стебли ничуть не уступали ранее стоявшим здесь деревьям. Ведьма создала некую свою природу, через которую мне приходилось буквально продираться. Неудивительно, что Змеёша едва не запутался в растениях, я и сама чуть не застряла в колючках одного из цветочков. Эх, бедный Змеёша! Бедная сказка!

Глупая и злая ведьма!

«Зло бывает разное», – всплыли в памяти слова Яги. Разное. Это точно. Крошечное и огромное, по-настоящему злое и лишь попытка таковым казаться. Змеёша и чудище, например казались злыми, а на деле оказались добряками. А тот, кто издевается над миром, и правда очень-очень злой. Интересно, кто его так обидел, что он ополчился на всё и всех? Обида должна быть просто гигантской! Но за что можно так обидеться? Главному злодею, назовём его так, не дали конфетки, а

все получили? Или у него отняли любимую игрушку? А может быть испортили день рождения?

Да, знаю, речь не о маленьком проказнике или всего лишь заигравшемся ребёнке, но согласитесь, столько поколений держать обиду и выплёскивать её повсюду, придумывая что-то новое и омерзительное, способен лишь кто-то совсем незрелый. Какой взрослый состоявшийся человек будет так мелко и грязно пакостить? А ведь недобелки с прочими зверомонстрами, цветочки вонючие, деревья, обращённые золотыми столбами, мухоморы в клеточку явно не от большого ума. Да и смахивает всё это безобразие на шалости недовольного ребёнка. Ну правда, мама из инстаграма, детский сад какой-то! Такое ощущение, будто некто от скуки играет с целым миром, смеясь над последствиями. Посудите сами. Змей Горыныч лишился двух голов и заговорил девчачьим голосом. Если первое можно объяснить чьей-то жестокостью, то второе скорее сделано для развлечения. Это же так забавно видеть огромного крылатого змея, пищащего тоньше любого мультяшного героя. А чудовище, стреляющее магией, будто заправский игрок в компьютерной «убивалке»?

Повод задуматься.

Когда, пройдя не воду, огонь и медные трубы, а град, молнии и вонючие цветы, я всё-таки дошла до Риты, идей, что происходит вокруг была уже уйма. Я легко могла представить этакого злого колдуна или доброго, но странного волшебника в роли кукловода всей сказкой. Именно он, неважно плохой или хороший, отвечал за творящийся дурдом. В моём воображении у него было специальное зеркало, через которое велось наблюдение, а ещё много комплексов и детских обид, потому что как я ни пыталась, но найти что-либо положительное или хотя бы поучительное в происходящем так и не смогла.

Рита была на месте. Плыла себе речкой и даже немного журчала у берегов. Я прислушалась. Рита плакала. Подошла поближе, аккуратно опустила руку в воду и чётко различила:

– Мой Змеёша! Что она с ним сделала? Почему ты его не защитила? Маша, я же в тебя верила!

Неловкость, сожаление. Грусть. Мне тоже хотелось плакать. Все вокруг только и делают, что твердят о моей победе, ждут, когда я

положу конец проклятию и верну всем покой и радость. На меня возлагают надежды и хотят настоящих чудес. Но я всего лишь Маша из мира людей. Я не просила такой ответственности.

– Он полетел к тебе, чтобы сказать, а теперь… – надрывалась Рита. – Я его отговаривала, чувствовала беду, но он… Маша! Спаси моего Змеёшу!

– Что он хотел сказать? – груз вины за разозлённую ведьму давил на сердце. Смотреть, как убивается Рита, не было сил. Но ждать ответа оказалось бесполезно. Рано я обрадовалась тому, что Рита в порядке. Из повторяющихся фраз стало ясно: главный злодей и тут постарался. Выяснить что-то у речки мне не удастся также, как и услышать новое из уже сказанного. Рита зависла в повторах и теперь только и могла, что рыдать и произносить одно и тоже, увеличивая моё и без того растущее чувство вины. Это ведь я разозлила ведьму, я не могу разобраться с пророчеством. Я в ответе за всех, кто в меня поверил. Всех, кто теперь пал от ударов чёрной магией.

Вместе со мной вздохнула сама земля. Я всё-таки не одна.

Радует.

Но не сильно.

Падать духом вроде нельзя, но я падала. А ещё злилась. Проклинала себя за неосторожность взять путёвку, с которой всё и началось. Если бы не моя любовь к скидкам и дурацкая мечта побывать в Таиланде, сидела сейчас дома, перебирала тетради, проверяла задания и готовилась к урокам с первоклашками. Да я бы радовалась жизни! И была бы счастлива!

Поймала себя на мысли, что с удовольствием бы выслушала жалобы бабки, у которой жильё снимаю: и про цены, и правительство, и болячки её нескончаемые. Я бы даже получила удовольствие от того, что кто-то сидит рядом, подливая горячий чай и болтает-болтает, не замолкая.

Бабушке своей письмо бы написала и не как обычно: «Всё хорошо, работаю, ем, сплю, живу, как все, а как у тебя?» А расписала про уроки и детишек, про то, что готовлю на обед и как обустроила комнату. О соседке своей рассказала, о достопримечательностях Питера и о том, как вечерами иногда засыпаю с книжкой сказок. Читать не читаю – сил не хватает, много подготовки к школе, но

прижимая книгу к груди, сразу ощущаю тепло, веру в лучшее. Подпитываюсь силами, когда совсем одиноко и грустно.

И так мне сейчас стало плохо, хоть вой. Сдерживая слёзы, посмотрела на Риту и вспомнила о Костерочке. Где он прячется? Как его вызвать? Может хоть он что подскажет? Я знаю, что он не умеет говорить, но Костерочек создан чудесной девушкой. В нём не может не быть волшебства. Это же сказка.

Не зная, что ещё предпринять, без всякой веры я обратилась к воздуху, кстати, здесь дышалось легче и аромат роз ослабевал:

– Костерочек, ты ещё не спишь?

Загорелся огонёк, он увеличивался в размерах, обрастая настоящими ветками, хрустящими от жара, и плыл в мою сторону. Я обрадовалась и сразу потянула руки к огню. Мне хотелось обнять его, как близкого друга! Но я вовремя опомнилась, что даже сказочный огонь обжигает.

Села по-турецки на землю и долго смотрела на всполохи, летящие искры. Думала.

Сдаться легко. Это может каждый. Бороться до конца, когда не знаешь, как и что предпринимать гораздо сложнее. Могу ли я опустить руки? Могу. Смогу ли простить себя за слабость? Нет.

Главный, кем бы он ни был, тоже живой: размышляет, испытывает эмоции, а значит и совершает ошибки. Вы встречали идеального злодея или безошибочно всё знающую злодейку? Поэтому должна найтись какая-то брешь в этом пророчестве, мелкий, крохотный нюанс. Я должна взять себя в руки и разобраться. Яга Виевна сказала: зло бывает разное. Что она имела ввиду?

Костерочек дарил тепло, уют, и душе становилось легче. По мере того, как он сильнее разгорался, ведь вокруг неумолимо наступала ночь, я всё чаще возвращалась к истокам пророчества, а именно к истории со скучающими царём и царицей. Вспоминала рассказ Леса Лесовича, вчитывалась в записи Яги, что лежали в моём кармане. Повторяла про себя причину, по которой колдунья наложила проклятие и думала о любви царевны к Змею.

Но даже в их любви была нестыковочка. Нет. Я верю, что девушка может полюбить Змея. Змеёша, например, очень хороший. А когда улыбается, то просто лапочка. Так что, любовь между двумя совершенно разными видами возможна, но!

И тут, возможно, нелепая, но у меня появилась догадка о главном злодее. Полной уверенности не было, но такой вывод казался логичным. А если я всё же права, тогда понятно, как прекратить сказочный беспредел, и почему раньше ни одной спасительнице этого не удавалось. Виновато переделанное пророчество.

Посудите сами. Во-первых, победить может только любящее сердце. А разве можно полюбить хоть трижды распрекрасного принца, совершенно его не зная? Ага. Неувязочка.

Во-вторых, чтобы спасти мир, нужно победить зло, и все королевы, как одурманенные, пытались уничтожить ведьму. Но кто сказал, что зло – это она? Права Яга Виевна, зло разным бывает.

И ещё. Вы помните про посох чёрный и попытку самой первой колдуньи стукнуть им вокруг себя трижды?

Ага. Три. Вокруг себя.

Попробуйте на досуге.

Так что снова одни вопросы.

Не знаю, пытались ли мои предшественницы найти посох, не поверю, будто я самая умная из трёхсот тринадцати, но я прямо горю желанием с ним увидеться. В нём же царевна заточена, как вы помните, а мне с ней очень переговорить надо.

В душе вспыхнула надежда, а вместе с ней вера в лучшее и… нет, не в чудо, всё намного прозаичнее – в справедливость и добро. Ведь как сказала Виевна, это всего лишь сказка, а в сказке не бывает плохого финала.

Вооружившись своими догадками и ещё немного посидев в компании Костерочка, любезно оживившего момент, когда бабушка читала мне книжки перед сном, я попрощалась с Ритой, пообещав вернуть Змеёшу, и направилась обратно.

Теперь я знала, что делать, и вновь была сильной. Мне даже путь к избушке показался совсем коротким. Ведьмавяжские розы почти не докучали, град перестал, молнии измельчали и оставляли на земле разве что крохотные царапины. Похоже, зло наконец выдохлось. А может быть просто уснуло.

Но, подходя к избушке, моя улыбка, освещавшая всё это время лицо, поникла. Радость улетучилась, навалилась апатия, уныние и жуткая усталость. От приютившей избушки остались руины, среди

которых лежали Яга и Степаныч, застыли Люся и Змеёша. Деревом стоял Лес Лесович.

Я увидела торчащую из-под обломков стола скатёрочку, и зажмурилась, прогоняя слёзы.

Да, зло бывает разное. Но то, что поселилось в этом мире, к сожалению, по-настоящему злое.

Глава 24. Дорога не дальняя, но о-о-очень далёкая

Я хотела бы вам рассказать, как после подобного всю ночь настраивалась на победу, кляла ведьму и главное зло, вымещала злость, рисуя коварную месть, но не скажу. Полностью обессиленная, я рухнула в кровать и заснула мертвецким сном.

Утро ударило гонгом. В прямом смысле.

Древний инструмент висел прямо надо мной. В воздухе. Он раздражал громким звуком и пугал своим взглядом. Да-да, вы не ослышались, у гонга были глаза! Большие зелёные и, мама из Инстаграма, светящиеся неоном!

Присмотревшись, я обнаружила нос, похожий на реальную пуговицу, и рот. Широкий зубастый он улыбнулся с такой приветливостью, как только я подскочила с земли – пришлось спать прямо так, спасибо злу, – что мне резко поплохело.

Собралась улечься обратно, точнее упасть, но гонг внезапно голосом ведьмы пригласил на битву последнюю, но первую.

Я вспомнила, что гонг относится к семейству идиофонов и подумала, что знаю одну ведьму из семейства идиотов.

Первая, но последняя?! Да все великие учителя в гробу перевернулись! А те, кто жив, схватился за настойку валерьяны. И кому вообще хватит ума приглашать на битву? Ещё бы билетик на эшафот выдали! Не успела подумать, как мне в руки упал билет. Первый ряд, первое место. Куда? Не поверите. На мою собственную смерть.

Пока я отходила от шока, рядом с гонгом возник чёрный клубочек. Раскрыл глаза большие и круглые, обрамлённые длинными ресницами, посмотрел на меня с сожалением и велел:

– Следуй за мной. Ведьма ждёт тебя во дворце.

– Я знаю дорогу, – ответила хмуро, борясь с желанием размотать клубок.

– В том-то и дело, что знаешь, – хмыкнул шар из ниток. Его глаза засветились неоном, одна из нитей вытянулась вперёд и прилипла к правому запястью.

Так значит…

Я не стала сопротивляться. Спрятала билет в карман и послушно поплелась за клубком. Мне было интересно узнать, куда выведет ведьма и что она задумала. Подозреваю, что и ею руководит некто за сценой, но сама ведьма об этом похоже не подозревает.

По новому миру, изуродованному чёрной магией и пропахшему ведьмавяжскими розами, шли мы долго. Трудно и нудно. Трудно, потому что водил меня клубок или кругами, или длинными путями там, где можно срезать. Я хоть и пробыла в сказочном мире не так долго, но путь до болота, того же Зеркального леса или Риты запомнила. И могу сказать точно: клубок либо очень и очень плохо ориентируется, либо зло действительно имеет план.

Нитки не болтали. Хранили гробовое молчание. Только иногда из них, будто внутри была спрятана крошечная колонка, доносилась нарастающая мелодия. Такая, знаете, как будто меня провожали в последний путь. Для полноты картины не хватало лишь оплакивающих зверомонстров, травинок и деревьев.

Эх… Как они там? Все эти несчастные, павшие от главного зла?

Несколько раз я пыталась отцепить руку от нитки: дёргала, грызла зубами. Цепляла за колючку розы. Очередной. Встречавшейся по дороге гораздо чаще, чем вчера, из-за чего путь лишь усложнялся. Уворачиваться от цветочков, в разы усиливших свой аромат, было не всегда просто. Клубок, будто нарочно тащил меня прямо на стебель с шипами. А стоило избежать нескромного укола, как бутон, словно мухоловка, раскрывал пасть с острыми зубами и сначала клацал, пытаясь схватить за волосы, а потом дышал прямо в лицо. Свободной рукой я затыкала нос, но не помогало. Как только запах ослабевал, как я получала новую порцию.

Настоящий квест по выживанию, мама из Инстаграма…

И ладно бы мешали идти только розы, но небо вновь энергично плевалось, чередуя молнии обычные и шаровые. С последними вокруг сразу резко темнело, будто ночью в родном деревенском домике, неон клубка гас, и деревья, вновь становившиеся собой, начинали тянуть длинные крючковатые ветки-пальцы и хватать за что попало.

В первый раз попали мои многострадальные волосы. Во-второй, многострадальные джинсы. Треснула ткань, и получилась новая дырка, добавленная к так и не заштопанным. В третий мне надоело

быть страдалицей и услышав шелест, я присела, а потом и вовсе повалилась на землю. Та меня с радостью начала поглощать, но злу это не понравилось. Клубок потянул сильно и резко, вырывая из земельных объятий, поставил на ноги и велел так больше не делать.

И тут я вспомнила, что сегодня не ела волшебной еды, а значит и силам взяться неоткуда. Как же я так? Перед одной битвой набиралась волшебной мощи, перед второй. А перед третьей самой важной забыла!

Я вздохнула, чувствуя себя пленницей. Не кавказской, но не менее несчастной и с надеждой вновь схватилась зубами за нить. А вдруг?

Рот обожгло, губы стало печь, неон глаз сверкнул сердито и пугающе, моя рука сама собой вытянулась за клубком и больше не меняла положения.

А между тем мы всё шли и шли, а я слабела и слабела. Рука устала, живот бурчал от голода, все эти молнии с цветами жуть как надоели. Но сдаваться нельзя и поэтому, кляня дурацкую фантазию главного зла, я пыталась найти хоть какой-то плюс в происходящем. И я его нашла! В любимых некогда белых, а теперь заляпанных грязью, подпорченных магией, кедах. Если бы ходила на шпильках, как вечно делает Анька, или в лодочках, как делаю я по статусу учителя начальных классов, ноги бы уже отнялись. А так неплохо. Ноют, но терпимо.

Наконец-то показались верхушки башен, озарённые молниями, я их сразу узнала. Ещё тогда, в первый раз оказавшись у дворцовых ворот, подумала, что дворец с заставки у Диснея выглядит и то скромнее, а ведь он с детства у меня был эталоном. И как все девочки, представляющие себя принцессами, в таком я и хотела жить.

Дворец приближался, я радовалась, в сердце просыпалась надежда и она придавала сил, а дорога, к несчастью, всё не кончалась и не выводила к воротам.

– Да это издевательство какое-то! – не выдержала, блуждая целую вечность в сотне метров от цели, перехватила нить свободной рукой и потянула клубок. – Ты издеваешься? – едва не сказала «зло», но вовремя опомнилась. Нельзя выдавать собственного плана. Зло не должно понять, что я его раскусила. Не знаю, как действовали мои предшественницы, но я буду играть по собственным правилам.

– Иди! – гаркнула ведьма.

Моя попытка потянуть клубок привела лишь к тому, что обожгло кожу, и на ней выступили волдыри. Кто-то злится? Я позволила себе ухмылку. Знал бы этот кто-то, как сильно злюсь я!

– Не останавливайся! Не положено! – нить потащила вперёд, но сначала оттолкнула назад, и я упала.

– Хочешь, чтобы я сдалась? – спросила, поднимаясь. – Обойдёшься, мама из Инстаграма! Главная героиня этой сказки я!

– Хочу, чтобы сдалась? – рассмеялась ведьма. – Нет, я хочу, чтобы ты явилась на битву и проиграла.

– Тогда зачем водишь кругами? Давай поскорее во дворец и покончим с этим!

– Это моя месть! Никто ещё так не портил мне жизнь! Ты знаешь, что с моими волосами?! Из-за тебя я потеряла красоту. И ты попортила мне кровь, а значит и свет привлекательности! Я этого так не оставлю!

Если у меня и оставались какие-то сомнения о том, кто прячется за бедами мира, то теперь они окончательно развеялись. Не зря вчера до дыр читала пророчество и вспоминала слова Леса Лесовича:

– *Кровь царская, Машенька, обладает светом привлекательности. Говорят так. Сам не знаю, но склонен верить, потому как каждая девушка из царской семьи отличается лицом своим да так, что сотни женихов бегут к ней свататься.*

Я лишь вздохнула. Бедные царевны, принцессы. Оказывается, это им нелегко, а не современным девушкам. Тем помогают косметика и разные процедуры, а сказочным только кровь. Даже не гены.

– Ты заплатишь за мои слёзы! – продолжила тем временем ныть царевна.

– А как я тебе кровь-то попортила?

– Что? – такого вопроса, несчастная, видимо, не ожидала и сразу вернулась из своих страданий.

– Спрашиваю, я же тебе кровь не пускала, так что же с ней сделала?

– Как не делала?! А ласты чья работа?

– Не моя.

– Издеваешься?!

Ага. Не только же тебе измываться надо мной, – подумала и улыбнулась.

– Ты испортила мне ноги! Чтобы их вернуть, пришлось применить кучу магии! А магия портит кровь! Особенно, если действовать на исчезнувшие части тела! И это очень больно!

Про себя я снова порадовалась. Отлично, мама из Инстаграма, не только моё лечение было жутким.

– Так что бойся, Маша! Ты попадёшь к воротам тогда, когда я захочу! – рявкнула царевна и вновь окунула мир в непроглядную ночь. – В этом мире будет всё, как я того пожелаю!

Хотела заметить какая же она капризная, пожалеть её несчастных родителей и спросить за невыполнение какого каприза она их так наказала, но сдержалась и лишь уточнила:

– И долго мне ещё бродить? Ведьма?

– Пока не устанешь.

– О! Тогда пора заканчивать. Я уже устала, честное слово.

– Нет, Маша. Это ещё не усталость, – дьявольски рассмеялась царевна, и я заподозрила, что среди её дальних родственников имеются если и не настоящие демоны, то очень и очень чёрные маги.

А клубок уже потащил новой дорогой, открывшейся по воле ненормальной царевны, и я поспешила следом. Потому что нитки теперь разматывались с удивительной скоростью. Мелькнула надежда, что он размотается, и всё закончится, но вскоре я осознала: магия не заканчивается – клубок ничуть не уменьшается, а злость царевны лишь набирает обороты. Испорченная внешность – навсегда, как мне НЕлюбезно сообщили, – привела к открытию новых и новых дорог, ведущих вокруг дворца, совсем рядом, но не дающих зайти на территорию столь желанной цели.

Когда я начала не на шутку переживать – кеды уже не спасали ноги, рука чувствовала себя деревенщиной, а постоянное попадание на шипы прорвало всю одежду и местами поранило кожу, клубок мигнул проклятым неоном, остановился в метре у ворот, а затем и вовсе исчез, оставив после себя лишь траурную мелодию. Но и она вскоре затихла.

– Теперь ты готова! – порадовала царевна.

Ворота распахнулись. Скрипя. Но мои зубы от досады скрипели сильнее. Как я ни старалась держаться, но спустя столько мучительных часов – мне кажется, прошёл весь день, но по заколдованному небу не поймёшь – сил почти не осталось.

На битву я не шла – ползла. И не в ободранной одежде, а в лохмотьях под улюлюканье царевны.

Ворота захлопнулись. Тут же послышались аплодисменты. Механические. Я повернула голову на звук и увидела, что на последней ступеньке у парадного входа стоит принц с остекленевшим взглядом.

Глава 25. Картина

– Можешь на него не смотреть и даже о нём не мечтать, – хмыкнул голос царевны. – Он только мой. Ты хоть и симпатичная, но шансов у тебя никаких.

Возникло желание сказать, что я ни о чём таком не думаю и хочу лишь одного: положить конец творящемуся безобразию. Но нить, всё это время плотно приклеенная к руке, похоже, вытягивала силы. Чувствовала я себя ужасно. И хотя после исчезновения клубка, состояние посекундно улучшалось, до спора со злой царевной было ещё далеко.

– Милый, за мной, – прозвучало одновременно отовсюду.

Принц послушно поплёлся внутрь.

Меня втянуло в двери и потащило вперёд. И хорошо, что так. Ноги шли крупной дрожью. Идти сама я не могла.

Пролетая, как заправское привидение по огромному холлу, я лишь успевала поражаться количеству чистого блестящего, совершенно безвкусного, но несомненно богатого, и слоям грязи на всём остальном. Когда Лес Лесович говорил, что дворец дожидается меня для уборки, я, конечно, подозревала нелёгкую работу. Но увиденное поразило даже моё неплохое воображение. В мыслях проскочили все герои замарашки и попросту лентяи, но мигом померкли перед грязнулей царевной.

– Возьми мои любимые цветы и расставь по периметру Зала для Отбивной.

Принц споткнулся о кончик загнувшегося ковра, бывшего некогда красным, а теперь ставшего неприятного-серого цвета в красную крапинку, упал, растянулся, словно, кукла, поднялся и без каких-либо эмоций направился дальше, оставив меня у массивной золотой двери.

Золотые двери были повсюду.

– А ты, Маша, заходи сюда. Здесь будешь ждать, пока я готовлюсь к победе. Не стесняйся, спасительница, – раздался хохот, и чёрные силы, смутно напоминавшие размытые силуэты людей, втащили в просторное помещение. Они же усадили на такой же, как ковёр в

холле, пуф – тот стоял у большого зеркала – и всучили лист в клеточку. Вырванный из тетради.

Я начала подозревать, что царевна, откуда бы она ни черпала свои жуткие силы, любительница посещать наш мир. Иначе откуда бумага, шариковая ручка – такой же подписываю тетради – бутылка Пепси и с детства мне знакомый крекер «Рыбки»?

– Ничего не ешь и никуда не ходи! – велел голос царевны, и силуэты, будто испугавшись её крика, развеялись прямо в воздухе. Правда развеивались они с определённой очередностью. Двое в дальнем углу справа, двое в левом, пара в ближайшем к моему пуфу, напротив, и последние у самой двери.

– А они останутся здесь, – хмыкнула царевна, – не надейся, что удастся прогуляться по моим владениям. Травники невидимы, но они следят за тобой и сделают всё, что велю им я, их королева.

Сама того не заметив, а царевна вновь себя выдала. Травники.

– *Скучающий царь нередко использовал знания травников для того, чтобы игра стала интереснее,* – вспомнились слова Леса Лесовича.

Я могу и ошибаться, но что, если окутанные злом травники, и помогли царевне взять под власть ведьму и сотворить столько недоброго? Сама бы в одиночку она никак не справилась. Для воплощения такого масштабного плана требуется волшебство. Настоящее. Травники создали заклинание пыли, из-за которого погиб Горыныч – мне уже совсем не хотелось смеяться – могли придумать и что-то другое.

– Ты поняла? Ничего не ешь и не пытайся выйти. Жди. Скоро я тебя победю.

Так вот откуда, мама из Инстаграма, безграмотность Змеёши! Царская дочь и такая неуч.

– Милый, ставь цветочки левее, – услышала удаляющийся голос царевны. – Не влево, а чуть левее! Не так! Милый! Хоть сама всё делай. Но я не могу! Я должна быть в этот раз особенно красивой. А я ещё не наложила мейкап!

Точно гостит у нас. Вряд ли в сказке даже слово подобное слышали.

– Аккуратнее с розами! Они же нежные! Не ломай их шипы! Они должны быть шипастыми!

Голос замолк, и как я не ждала, а так ни единого слова от самого принца не услышала. Немым она его что ли сделала? Или поработила всю волю?

Взглянула на листок в руке и только хотела спросить для чего он, как запоздало прилетело:

– Я из-за тебя всё позабыла! Листок, Маша, для завещания. Заполни его. Тебе отдавать особо нечего, но глаза твои мне нравятся. Их завещай!

Мне оставалось лишь хлопать этими самыми глазами, глядя в зеркало на собственное отражение, потому как большей наглости я в жизни не слышала. Назло потянулась к крекеру. Я ведь не завтракала. Только коснулась пакета, и стены сотряслись от жуткого:

– Я же велела не трогать! Это моё! Я в каждом зале оставляю для себя сюрпризы! Сейчас же убери руки!

На меня повалил дым.

Ну и ладно. Поем после победы, – пообещала страдающему желудку и, разгоняя дым, осторожно поднялась с пуфа.

– Разрешаю пройтись по залу и полюбоваться моими статуями. Но за дверь ни-ни.

Какие мы добрые…

На первый взгляд зал не был огромным. Но на второй он удлинялся и расширялся с каждым моим шагом: ходить не переходить. И я, почувствовав любопытство и силы, ну и дискомфорт от сидения на грязном пуфе, решила пройтись.

Убранство не менялось, пыль не исчезала, а лишь увеличивалась. Статуи, которыми так гордилась царевна, тыкались в меня на каждом метре. Да-да, вы не ослышались. Именно тыкались: стоящие ровно, без движений, разные грифоны и на них похожие начинали заваливаться, стоило мне оказаться на их уровне, грозясь раздавить своей массой. И… пожалуй, это единственное, стоящее внимания в этом помещении.

Не считая подпевал царевны.

Интересно, она их обманом служить заставила, или те тоже имели зуб на своих правителей?

Мне даже представлять не хотелось причин, по которым те так обозлились. И не верилось, честно говоря. Посудите сами, будь правители такими плохими, сказочный мир расцветал?

Точно бы нашлись желающие изменить положение, подняли бунт, устроили революцию. Не знаю, как всё это делают в сказках, но уверена, способы отличаются лишь наличием волшебных элементов.

Попыталась разглядеть травников, но неудачно. Пошла дальше и увидела картину. На фоне леса, в окружении не зверомонстров, а обычных белок и барсуков, на расстеленном золотом покрывале, сверкающим ослепительным блеском, расположилась семья. Тёмно-русый мужчина в короне, украшенной изумрудными листьями, сидел с выпрямленной спиной, хотя сидеть так было не слишком удобно – покрывало на земле не тоже самое, что трон со спинкой. Губы мягко улыбались, а глаза цвета свежей травы смотрели по-доброму, но не на художника, старательно писавшего сразу три образа, а на женщину с золотыми волосами. Волны струились с плеч, дальше вдоль платья небесного цвета и затем падали на подол платья, завиваясь кончиками в кольца. Голова, увенчанная короной с изумрудными листьями, но меньшего размера, была повёрнута в сторону сидящего между женщиной и мужчиной мальчика, в котором я без труда узнала принца. С детства он совсем не изменился. Только взгляд его голубых глаз, доставшихся от матери, раньше был не стеклянным, а лучистым задорным, как у той, что его родила.

Передо мной предстало счастье во всём его великолепии: счастливая и дружная семья, явно любящая народ и любимая им. Ну… Природой так точно. Звери так и жались к королевской троице, хотя вроде должны были преклонять головы или скромно ютиться на заднем плане. Но нет, они были рядом и воспринимались частью семьи. И во всём этом читалась такая искренность, что невозможно было и вообразить, как кто-либо из них делает нечто, грозящее катастрофой целому миру.

Единственное, что смущало на картине – это блестящий вантуз в руках принца, но даже несмотря на эту дикость, а может и безумство, я категорически не верила в вину короля, королевы или маленького принца.

Снаружи что-то громыхнуло и сразу прозвучало:

– Милый! Почему врезаешься в мои розы? Ты так разобьёшь все вазы! А в одной из них твоя мама! Хочешь навсегда её потерять?

Ответа не последовало.

Я невольно зажала рот ладонями. Как можно быть такой жестокой? Бедный принц!

А царевна, нет, настоящая ведьма… продолжала:

– Твоя мама так любила природу. Ты же не хочешь её расстроить? Знаю, что не хочешь, хотя никак не реагируешь. Будь внимательнее к цветам. Милый! Да что же ты врезаешься в стены! И почему вдруг стал таким неуклюжим? Утром ещё нормальным был. Что произошло? И не стой здесь, дай пройти. Милый! Мне нужно в гардеробную!

Душа кипела, сердце разрывалось. От жалости, от злости, от невозможности прямо сейчас закончить всеобщие мучения. Взгляд невольно мазнул по вантузу и… на нём задержался. Такое ощущение, будто вантузом зарисовали нечто иное. Но зачем?

– В туалет хочу! – заявила как можно громче, понимая абсурдность догадки.

– Потерпишь! – донеслось в ответ.

– Не потерплю! – я была настроена решительно. – Хочешь, чтобы я использовала твою комнату не по назначению?

– Ты не посмеешь!

– Проверим?

– Нет! Не будем. Откройте ей двери и проводите куда следует. Не хватало ещё, чтобы она испортила зал ожидания. После тебя будет следующая спасительница! Перед ней не стыдно?

– Я ведь по твоему плану не выживу, а значит её не увижу. Чего стыдиться?

Царевна задумалась:

– Точно. Ты правильно поняла, живой из дворца не выйдешь. Иди, делай свои дела и возвращайся. Совсем скоро встретимся в зале для Отбивной.

– В зале для чего? – я не смогла удержаться от вопроса. Решила, что ослышалась.

– Отбивная. От слова «бой». А ещё учителем называешься… – фыркнула царевна и со смешком добавила: – Ты там будешь отбиваться. Не понятно?

Я даже ничего объяснять не стала:

– Договорились. Мне всё равно не сбежать.

– Смирилась? Наконец-то.

Двери открылись. Две размытые фигуры встали по обе стороны от меня, но за руки не схватили, и мы пошли туда, где скрылся принц, а затем, не дойдя до очередной двери, раза четыре повернули.

Коридоры были одинаковые. Пыль, грязь и золото в них тоже. Не дворец, а лабиринт. Без путеводителя не разберёшься. Впереди показался ещё один поворот, заблестела дверь: не золотом, серебром. Видимо, не только я боялась запутаться.

Представила, как очумелая царевна ищет туалет, открывает дверь за дверью, сжимает платье от нетерпения, и мне стало смешно. Не время веселиться, но так можно впасть в уныние. Так что, подняв боевой дух такой нелепицей, я резко повалилась на пол и поползла прочь. Сама не знаю, на что рассчитывала, но знала одно: царевна категорически не желала, чтобы я гуляла по дворцу. А значит она боится. Чего?

Ответ очевиден – того, что я могу найти.

– Так нечестно! – завизжала от досады царевна. – Не положено! Передо мной никто не ползает! Сразу погибает! А туда вообще нельзя!

Я её не слушала, быстро вползая в поворот и устремляясь дальше. Рассчитывала на эффект неожиданности, и, кажется, получилось

– Ползите за ней! Ползите! – кричала царевна.

Травники послушно поползли.

– Нет! Бегите за ней! Бегите!

– А чего сама не побежала?

Я же раздета! – гаркнула царевна. – И не дайте ей зайти в зал!

Травники поднялись с колен, но я уже заползла в ближайшее помещение и, захлопнув дверь, услышала:

– Это всё равно ещё не конец! Клубочек в бой!

Тут же возникли хорошо знакомые нити и начали стремительно оплетать моё тело.

Глава 26. Герои не сдаются!

Они кружились змеями и даже характерно шипели, но возможно мне это лишь казалось, потому что змей и прочих рептилий я боюсь до икоты, немоты и потери сознания. Тоже отношение к паукам, червякам и доброй половине насекомых. А вот бабочек я люблю, и в детстве даже мечтала завести штучек десять-двадцать.

Красивые и обязательно огромные, по-мультяшному яркие, они бы летали по комнате и поднимали настроение. Это позже я узнала, что мечтала стать душегубом – бабочкам в неволе ох как плохо, но тогда ловила сачком на дворе у бабушки, на соседних участках и прятала в баночку, лелея голубую мечту. Бабочек выпускала бабушка, она же как-то перед сном рассказала страшную правду: моя мечта так и останется мечтой. Я уговаривала её создать теплицу и высадить сад цветов – так бабочки могли бы жить в неволе – но бабушка дала почитать энциклопедию, раздел о бабочках, и я успокоилась. Всё-таки, есть красота, которую не стоит брать под власть человеку. И я решила: пусть летают на свободе.

Нити были совсем не бабочками, а поэтому дыхание перехватывало, язык немел, руки шли крупной дрожью. Ноги бы тоже пошли, но их уже плотно окутали.

Приближалась паника.

Я закрыла глаза, сдаваясь. Страх взял верх.

– Я надену фату, а ты неси её сразу в зал для Отбивной, – услышала, как в дрёме властный голос. – Она умрёт, а я выйду замуж за принца и сказке конец. А следующим спасительницам я такое устрою, когда с Ягой расквитаюсь… Больше ни одна речкой не зажурчит, травой не шелохнётся и яблонькой не вырастет. Всех в вазы для моих розочек превращу! А тебя, Маша, сделаю крышкой для унитаза!

Это она зря сказала. Я может быть, всего лишь Маша, обычная учительница начальной школы, в чьём сердце страха больше, чем смелости, и помимо насекомых с высотой ещё боюсь клоунов с их разрисованными лицами, кукол с механизмом речи и прогресса в робототехнике, но Ягу Виевну в обиду не дам. И крышкой никакой не

стану. Мне ещё надо к детям вернуться, уму-разуму их научить, бабушке мази привезти. Да у меня дел полно! И несбывшихся желаний. Принца жаль. Я с ним знакома лишь шапочно, но отдавать на растерзание безумной царевне не хочу. Не заслужил он подобного, сердцем чувствую.

Никто не заслужил.

Сказка должна жить. Потому что без сказок всё хорошее в людях начнёт гаснуть, а зла в любом мире и так хватает.

Нет. Не дам я царевне победить.

Ни

За

Что.

Нити уже добрались до шеи. Я собрала все страхи в кулак. Мысленно. И раздавила. Как жуков. Которых тоже боюсь.

Нити оплетали меня стремительно, а поэтому не основательно: там одна легла ниже, тут выше. В итоге полно было дырок, чем я и воспользовалась, и заревела медведем – или очень напуганной девушкой – прямо на змею-нить. Та не ожидала, растерялась, замерла на мгновение. Царевна приняла мой крик не за готовность к бою, а за боль, несущую поражение, громко порадовалась и также громко сообщила, что ждёт нас в зале.

Всё это произошло за короткое мгновение. Я для закрепления повторила крик. Нить дёрнулась в сторону. Клубок, чьи глаза мигнули неоном, и мне на секунду показалось, что за ядрёным цветом прячется небесная голубизна, начал трястись, будто в лихорадке. А я, представляя, как змеи превращаются в бабочек, тоже начала трястись, сбрасывая нити.

Сильную тряску никто не любит. Магия не исключение.

Нить дала слабину, я резко дёрнулась, веря, будто съела не одну, а две кастрюли супа с силами, в фантазии добавила все угощения, какими меня пичкали перед встречей со Змеёшей, и… вы не поверите, освободила руку.

Клубок очнулся, попытался взять ситуацию под контроль, но я отмахивалась от него и от нити, как от назойливых комаров. Их не боюсь. Но не люблю. В комариный сезон включаю «Раптор», опрыскиваюсь химией и коконюсь под одеялом.

Представила, как суп пыхает о пользе витаминов, «съела» жареный картофель от скатёрочки, – и вторая рука свободна.

Я начала хлопать ладонями по воздуху, пытаясь поймать улепётывающую нить.

Теперь кричал клубочек.

Я испугалась, что проиграю, не начав толком сражения, и небывалой до этого ловкостью схватила нить и запихнула в рот клубку.

– Послышалось, – уверенно заявила царевна. – Ей не сбежать. Я победю.

Клубок замолк. От неожиданности. И захлопал длинными ресницами, кривясь обидой.

А у меня проснулась совесть.

Да мама из Инстаграма! Я не должна вспоминать, что клубочек тоже под чёрными силами – как же иначе – мне надо сказку спасать!

Выпуталась из нитей, но не порвала, схватила клубок и забросила в первую попавшуюся вазу.

Откуда здесь вазы?

Огляделась. Они тут были повсюду: стояли рядами вдоль стен. И отличались от виденных ранее во дворце вкусом и отсутствием ведьмавяжских роз.

Клубочек ударился о вазу. Меткость у меня всегда хромала. И закрыл глаза, упав на пол. Видимо, лишился чувств. Я на всякий случай подняла его и спрятала в сундук.

Сундук?!

Огромный – я такие по сказкам и представляла – расписанный витиеватыми узорами, украшенный изумрудными листьями, точь-в-точь как на королевской короне, он был не заперт. Но как только я сбросила клубок, щёлкнул замком.

Предчувствие, что мне кто-то помогает, подтвердилось, когда я беглым взглядом прошлась по убранству зала. Не зря царевна так не хотела, чтобы я сюда попала. Да только я попала.

Помещение оказалось ничем иным, как настоящим складом секретов царевны и захоронением всего, что раньше было в сказке. Здесь надо пояснить. В правильной сказке.

На стенах висели картины: каждая отражала то или иное событие.

В рамке с золотыми листьями Яга Виевна лечила Змеёшу: он прилетел к избушке с перевязанной мордой. Та кривилась в

страданиях, а две другие – близнецы первой – выражали настоящее сочувствие. Подпись гласила: «Травник Миролюб, он же художник, поэт, мыслитель, помощник Хранительницы и правая рука королевской семьи. Фрагмент о том, как Хранительница Змеиный род спасала».

На следующей картине изображалось то, как Змеёша получил травму. Я без труда узнала и его, и морское чудище, бестолково махающее щупальцами перед крошечной феей в платье-ромашке. На заднем плане возвышалось второе чудище. С суровым взглядом и не менее суровым цунами из волн-волос. Называлось это творение следующим образом: «Фрагмент о том, как со слов Моревы Моревовны, её любимое Чудиче боролось за сердце прекрасной Романиды с жестоким крылатым соперником».

Увидев следующий фрагмент, я невольно улыбнулась, потому что там жестокий крылатый соперник выделывался в небе на глазах у восхищённого Чудича. Подпись гласила: «Змей Змеёша Горыныч в первый раз делает тройной тулуп перед своим лучшим другом».

Вереницу картин со Змеёшей и Чудичем продолжали фрагменты из жизни других обитателей. Яркими событиями полнились будни фей: Колоколия, с ног до головы, облитая мёдом, спорила с медвежонком, пока две другие феи, в одинаковых платьях-незабудках, этот самый мёд черпали крохотными графинчиками из огромной бочки. Название было уморительным: «У фей бывают разные тёти. Некоторые любят мёд не меньше мишек». А на соседней картине медвежонок уже кланялся фее толстушке, прогибающей ветку берёзы под пугливыми взглядами белок.

Белки тоже отличились: они играли с барсуками в догонялки и врезались в водяного. Выглядел тот очень недовольным.

В этих красках – а травник Миролюб талантлив – оживал сказочный мир. Здесь не только были ссоры и примирения, громкие события, вроде пирушки у Рощи, правнука Кощея, устроенной по поводу выхода того в лигу «Самых Бессмертных в роду», но и знакомство Леса Лесовича с росточком дуба, первая свадьба зарубежной царевны в наших краях, первый выгул Ягой Степаныча. Или выгул Яги Степанычем? На картине было не разобрать.

Ой, мама из Инстаграма! Я сказала «в наших краях?» А ведь, если задуматься, то этот мир стал мне действительно милее не меньше

собственного. Так что, это наши края. И да, за них стоит побороться.

Я прошла мимо царских сюжетов разных времён, о чём можно было понять из нарядов и окружающих предметов, и подошла к единственной завешенной здесь картине, сдёрнула чёрную ткань и увидела точно такой же сюжет, как и в зале ожидания. Только в этой семье был не мальчик, а девочка, и родители смотрели на неё с нескрываемым обожанием. Этой картине Миролюб тоже дал название: «Царская семья. Уже не скучает». Но кто-то зачеркнул его и подписал прямо шариковой ручкой: «Играют в любовь. Ненавижу».

– Ты где ходишь?! Я, конечно, в этот раз дольше обычного собиралась, но и спасительница попалась нестандартная. А если устал, так потерпи! Скоро всё кончится! Жду! Неси Машу. Если ей сил хватает рыпаться, скажи. Молчишь?

Клубок в отключке молчал. Я тоже.

– Значит, всё хорошо. Ладно. Побуду доброй перед концом. Можешь ещё немного отдохнуть. Милый! Ты скучаешь? Как мне это знакомо. Ну иди цветы переставь или ещё чего тебе приказать?.. Что ж ты стал таким неуклюжим? Ай. Стой и просто будь красивым. Маша, тебе повезло! Я уже в хорошем настроении! Ой, ты же не можешь ответить. Замотана по самые уши. – Раздался злодейский смех.

Не веря удаче, я вновь обратилась к картине.

Нет. Что-то странное происходит в этом помещении. Мне будто кто помогает.

И тут картина сама собой накренилась, открывая крошечную щель.

– Тебе нужен ключ, – прозвучал голос.

Я опасливо обернулась.

Сундук медленно двигался в мою сторону.

Ноги сами попятились. Я не знала, чего ожидать от дворца и конкретно этого зала, а поэтому вооружилась вазой с привычными взгляду, но, увы, увядшими розами.

– Король с королевой очень любят природу. Будь осторожна. Если растопчешь цветы, они расстроятся. А ещё, Маша Сказка, наш мир не восстановится.

Что?! Мама из Инстаграма? Не восстановится?

– По лицу читаю удивление, но в тебя верю. Ты единственная, кто сюда пробрался. Не зря.

– Тише! – я стала показывать жестами. – Услышит! Снаружи! Царевна!

– Я часто в вашем мире бывал и понимаю. Но боишься ты зря, Маша, я тот, кого царевна не слышит. И тебя не услышит, пока я рядом и часть сил её в себе держу. Можешь свободно говорить.

– П-простите… Я что-то ничего не понимаю. Вы кто? Я понимаю, сундук. Но…

– Не сундук я, хотя уже забыл, когда собой был. Я Травник Миролюб, он же художник, поэт, мыслитель, помощник Хранительницы и правая рука королевской семьи. Много времени я ждал, когда хоть кто-нибудь разгадает загадку картины, но, спасибо принцу, помог. С вантузом я не догадался.

– Принц? Он же заколдован. Смотрит стеклянным взглядом. Ведёт себя, как робот.

– Заколдован. Но не сдаётся.

– Почему? – глупо спросила я.

– Положение, Маша, обязывает.

Глава 27. Ползком за правдой

Мне об очень многом хотелось расспросить, но Миролюб напомнил, что времени мало. В любую секунду царевна может смекнуть, что творится неладное. Явится с проверкой и… что будет дальше, предсказать не мог даже он. А ведь на его руках можно сказать мир и вырос. Они вместе с Ягой его убаюкивали, успокаивали, подпитывали добрыми словами, когда люди – это он про нас – перестали в сказки верить. Травник обещал, что я всё-всё-всё пойму, когда зло повергну, а сейчас надо действовать, пока есть шанс на победу. И перво-наперво мне придётся найти ключ.

– И как же я его искать буду, если мне к царевне спешить надо?

– В этом помогу, – ответил травник, но предупреждаю: работа предстоит нелёгкая. Это тебе не от Чудича прыгать и не со Змеёшей в слова играть. Тут дело посерьёзнее. Кстати, Маша, в тех битвах ты вела себя достойно.

– Вы за мной наблюдали?

– Я за всеми наблюдал. И, наконец, хоть кто-то добрался до зала Правды. Здесь лежит посох, а в нём заточена…

– Настоящая ведьма?

– Она, все прочие и колдунья первая. И добрая часть души царевны тоже в посохе.

– А посох за картиной.

– Верно, Маша. Но что-то мы разговорились. Ты готова столкнуться с собственным страхом и дойти до конца?

– Так выбора же нет, – я чувствовала, что скоро пожалею о своём согласии.

– Выбор есть всегда. Ты можешь сдаться в руки царевны и оставить всё, как есть.

– Ну уж нет. Я в ответе за сказку. Я не сдамся.

– Не разочаровала, Маша. Яга так и предсказывала.

– Хотите сказать, я действительно избранная?

– А что значит быть избранной? Это же философский вопрос и если…

Миролюб, соскучившийся по разговорам, едва не забыл о нашей цели, философ в нём приготовился к научному докладу, но тут уж я напомнила о времени.

– Да-да, Маша. Пора.

– Эй, клубочек! Отдохнул и хватит!

Я с опаской взглянула на дверь.

В ту же секунду сундук задрожал, подлетел к потолку, закружился. Меня ослепило яркой вспышкой, на голову посыпалось что-то вроде золотого конфетти, а потом всё вокруг резко выросло, и видеть я стала как-то иначе, и тело ощущалось совсем по-другому. Конечности умножились.

Страшное подозрение закралось в сердце, и я не сдержала нервного вздоха.

– Клубок! Ты решил меня огорчить? Снова не слушаешься? Ты теперь злой! Запомни! И подчиняешься только мне! Хватит бездельничать! Тащи Машу!

– Ми-миролюб?

– Я же обещал помочь, не волнуйся. Царевна знает, что этот зал ей полностью не подчиняется, сейчас придёт, а дверь не откроется. У тебя будет время найти ключ. Ползи по стенам. Где ключ, тебе сородичи подскажут. Их тут много. Царевна убираться не любит, живёт в грязи. Так что, увидев тебя, не смутится. Но, на всякий случай, на глаза ей не попадайся.

– Со… ро… ди… чи? – зубы задрожали, я была близка к обмороку. – Я паук, да? – мысленно молила травника сказать «нет», но он ответил положительно.

– Прости, Маша, знаю твои страхи, но другого выбора нет. Остальных насекомых царевна ловит и скармливает ведьмавяжским розам. А пауки ей вроде как нравятся. Я слышал, она восхищалась, что они плетут паутину столь же искусно, что и она своё зло.

В другой бы ситуации я ухмыльнулась, но в этой…

Ой, мама из Инстаграма, я ПАУ-У-УК!

– Ну всё, я иду! Я к нему по-хорошему, клубочком зову, а он не слушается!

– Вперёд, Маша! – поторопил Миролюб. – Наш мир в твоих руках! Через мгновение станешь видеть по-обычному.

– А как же я ключ дотащу?

– Помощи попроси.

– Но где хоть иска… – закончить не успела. Меня резко сдуло под дверь.

И что теперь делать? Как быть? Задачка-то действительно непростая. Мало того, что я не знаю, где искать ключ, а времени в обрез, так я ещё паук! Может ли быть что-то хуже?! Ладно, мама из Инстаграма, главное не сдаваться. Подумаешь. Паук. Это же я ползаю, а не по мне ползают. А-а-а! Я ПОЛЗАЮ-Ю-Ю!

Сказать, что я была не в себе, значит ничего не сказать. А повсюду уже громыхали шаги царевны на шпильках. Я и раньше-то не слишком любила шпильки – неудобные они – а после звука, будто усиленного стократно, их вообще возненавидела.

Бум-бум. Било по голове, многочисленным лапам. Стучало в сердце.

Бум-бум. Я живо представила свою негероическую смерть под ногой царевны. Хотя почему не героическую? Очень даже. А то, что умерла я от нелепости, а не от чёрных сил, с которыми вступила в неравную борьбу, следующим спасительницам знать не обязательно. Только Миролюб говорил, что я единственная, кто попал в зал Правды. А что, если сказочный мир обречён?

И всё из-за меня?

Показалась царевна. В свадебном платье. И начала приближаться. Резво. Недовольно.

К эффектному появлению подготовилась она на славу. Не знаю, как хотела биться с такой пышной юбкой и длинным шлейфом, но, если битва – это сразить наповал нарядом. То она победила. Я сражена.

Знаете, моя Анька, несмотря на нескончаемый крах надежд, продолжала мечтать о свадьбе. Ходила по салонам, изучала свадебную моду. На будущее.

И до того приноровилась, что с лёгкостью могла определить стоимость платья с одного лишь взгляда. Не поверите, но в своих расчётах она почти не ошибалась.

Естественно, я всегда была рядом, следовала с ней по пятам той самой моды и тоже кое-чему научилась. И знаете, что скажу? Платье, несущееся к залу Правды, стоило даже не пару моих зарплат – все зарплаты учителей вместе взятые.

Помноженные на два.

Свадебное платье сидело идеально. Белее цвета я в жизни не видела. Хотя вроде белый он и есть белый, но этот искрился.

Отделка золотой вышивкой по низу корсету смотрелась не вычурно, гармонично: сплетаясь, узоры поднимались к груди, вились по оголённому плечику и раскрывались пышным бутоном розы в ложбинке.

Опять эти розы, мама из Инстаграма…

Пышная юбка должна была выглядеть, как верхушка очень-очень кремового торта, но по какой-то причине смотрелась шикарно. Струящаяся ткань переливалась драгоценными камнями, достигая апогея сияния у самого низа.

Мне кажется, Золушки и прочие невесты обзавидовались бы такому платью. Лично мне попросту не хватало слов, чтобы описать его великолепие.

Именно в такой я пребывала уверенности.

Пока царевна не приблизилась.

С трудом сбежав от шлейфа, – тот будто раскусил, кто перед ним и теперь изо всех сил пытался замести меня под себя – я забралась на стену и уже оттуда оценила свадебный наряд.

Взглянула, должна сказать, по-новому.

Шикарное платье оказалось подделкой: камни не драгоценные – бутафория, причём не лучшего качества, ткань обыкновенная, узоры неровные, пышная роза увядшая.

Но как так?!

Осторожно посмотрела на лицо царевны. Красоту не спасали тонны макияжа. Я пришла к выводу, что зло в её сердце затмевает всё чистое и прекрасное. Кстати, о чистоте. Белый стал серым. И тут, подтвердив мои догадки, царевна опустила взгляд на подол и вдруг завопила:

– Почему ничего не держится? Не работает ни одно заклинание? Так не положено! Я должна быть самой прекрасной невестой, как и полагается в сказке! Дурацкая сказка! Ненавижу!

Глупая царевна, – подумала я с горечью и с долей жалости. – Кто же столь яда влил в твою душу?

Царевна потянулась к дверной ручке, дёрнула раз, другой:

– Давно не заходила. Может, надо прокрутить?

Влево-вправо, итог тот же.

– А-а-а! Волшебное слово! – вроде как вспомнила она. – Дверь, откройся, пожалуйста. Нет, – тут же себя одёрнула. – Если волшебное слово, то как же вползла эта Маша? Клубок, открой. Клубочек, помоги. Попробовать заклинание?

Я не стала дожидаться, пока царевна смекнёт, в чём дело и поползла прочь.

Пожалуй, это было самое неприятное из всех моих путешествий. А я ведь двое суток ехала в плацкартном вагоне: в жару, без кондиционера; спала у туалета; питалась яйцами, моя не самая любимая еда, и слипшимися макаронами.

Так уж вышло.

Но ползать по стенам дворца мне понравилось ещё меньше.

Страх высоты – все сородичи находились, как назло, у самого потолка, ощущение собственных лапок, осознание того, кем я стала, и груз ответственности за целый мир и его обитателей делали мой путь незабываемым.

Ежесекундно рискуя, – меня жаждали убить многие «сестрички»; пытаясь не быть раздавленной, шмякнувшись об пол, потому что плести паутину не умела и не собиралась этому учиться, я всё же продолжала ползти и ползти. Когда надежда начала гаснуть, впереди показался огромный паук. По сравнению с другими этот выглядел хилым и казался старым. Я почти не верила в его способность мне помочь. Думала, он или не услышит, или примет за одну из внучек, но повезло. Паук оказался не только старожилом дворца, но и знатоком всех потайных мест. Вместе мы нашли ключ. Он был спрятан в спальне принца. Лежал под подушкой. И если бы не сообразительный старый паук, я сама там поискать не догадалась. На этом мы распрощались. Феня пополз к внукам, сказал, что одни они могут бед натворить, например, опутать паутиной вазы с ведьмавяжскими розами. А меня ждало возвращение в зал Правды.

Тащить ключ одной оказалось не по силам, но не успела я отчаяться, как меня догнал старый паук. И не один. С ним бежало около пятидесяти паучков. Не думала я, мама из Инстаграма, что когда-нибудь обрадуюсь такому количеству этих тварей, но сейчас искренне радовалась.

– Нечего им без дела ползать, пусть помогают, а то одни неприятности от мелочи!– сердито сказал Феня, и его внуки с

внучками тотчас взялись за работу. Паучки собрались вместе, образовав стол на лапках, и на своих спинах потащили ключ.

Мы шли по полу.

Я стояла между Крушей и Крошей и уже решила, что дело сделано, ведь до зала Правды оставалось совсем ничего, но из-за угла выскочила царевна, и чтобы та не заметила ключ, нам всем пришлось срочно заползти под самый потолок.

Ой как высоко!

– Где ты прячешься, Маша? – зло сверкнула глазами царевна.

Мои лапки от страха задрожали, подогнулись и… я полетела вниз.

Конец, промелькнула мысль.

Открыла глаза.

Нет. Я жива. Вешу на паутине. Видимо, каким-то чудом сплела. Да только зависла я в опасной близости от носа царевны.

И что дальше?! Я же грохнусь! Прямо на неё!

– Где же ты прячешься, Маша? А если… Милый… – царевна вдруг стремительно повернула в другую сторону, и меня качнуло ветром. – Милый! А может ты поможешь мне найти Машу? Милы-ый!

Она ушла, и я выдохнула с облегчением:

Пронесло.

К Миролюбу я вползла обессиленная. А паучки устремились дальше: они хотели играть, веселиться и проказничать, пока деда нет рядом.

– Справилась. Я в тебя верил, – Миролюб снова задрожал сундуком, и я стала человеком.

Радости не испытала – повалилась на пол и закрыла глаза, нервно выдыхая.

– Потом отдохнёшь, Маша. Действуй.

Я с трудом поднялась и на негнущихся ногах, опираясь на стену, дошла до картины. Ключ вошёл в скважину раза с десятого – рука дрожала и попадала мимо. Наконец, замок повернулся.

В открывшейся нише лежал посох. И был он цвета чёрного, ночи темнее. И шептал голосами, полными страдания.

– Бери его, Маша, и беги к темнице, где заточены правители. Найди родителей царевны и родителей принца. Но знай, царевна всех их сделала на одно лицо.

– Так как же я узнаю?

– В этом посох поможет. Спасёшь их и помни. Заклятие спадёт, когда зло побеждённое вдох последний сделает, а сердце любящее искренне одарит принца, заколдованного теплотой.

– Но что это значит? Я же не могу взять и полюбить принца!

– Ты не можешь. Но кто сказал, что это должна быть ты? Поторопись, Маша. Мне пора клубок выпускать. Не могу больше с его силой справляться. Сильна царевна, много в ней зла. А если пустит своих слуг, моих друзей травников по твоему следу, всё пропало.

И я бросилась прочь, вытянув посох, как оружие. Устала жуть. Но не время для передышки.

Сказку спасать надо.

Глава 28. Как Маша сказку спасала

Посох, к счастью, молчал. А надежда на то, что царевна, как и прежде не блеснёт сообразительностью, таяла быстрее пломбира на солнце. Некогда добрые травники появлялись то тут, то там, выпячиваясь из стены, выглядывая из-за поворота, вырастая прямо из пола. Я еле успевала уворачиваться, падать, подниматься и защищаться посохом. Вертеть я им, как заправский боец не умела, но того и не требовалось. Стоило чёрному посоху сверкнуть алой вспышкой, как травники исчезали, и мы с ним продолжали путь. Потом царевна загоняла нас в ловушку, оттуда выныривали травники или злые пауки – одну паучиху я узнала – и пытались отобрать посох или хотя бы утащить меня с собой. Но пауки, даже став гигантскими, теперь почти не пугали, а даже если и пугали, я об этом не думала. В мыслях билось лишь одно: спасти царя с царицей, короля с королевой, уничтожить зло.

Иногда, едва мне казалось, темница близко, потому что начинало веять холодом, я замедляла бег и опускала посох. Но в то же мгновение из воздуха появлялись всё новые травники, а с потолка буквально спрыгивали розы. Ведьмавяжские бутоны раскрывали пасти и как тогда, на подходе ко дворцу, начинали клацать зубами, надеясь отхватить кусок меня побольше, одурманивали вонью и тянули к себе взятый в плен посох. Но я отдавать его категорически не желала и поэтому снова представляла, будто съела горшок волшебной еды, набиралась сил свыше и продолжала борьбу. Одержав очередную победу, устремлялась вперёд и так, казалось, без конца.

– Когда же этот чёртов дворец закончится? – Я сильно нервничала. – Мы что, бегаем по кругу?

Посох не реагировал на претензии. Зато реагировали стены. Они дрожали, перешёптывались и голосом царевны обещали мучительную смерть.

– Вам… меня… не за… пугать, – с трудом выговорила я, выдыхаясь. Шутка ли, столько бегать? Да ещё поворотов не счесть.

Только решила отдохнуть, секундочку постоять, как тут же спустились розы, окружили травники, наползли пауки. И все

увеличивались в размерах, чем пугали ещё больше, но вместе с тем и словно расплывались. Теряли очертания. А раньше такого не было.

Мы близко? Спасительная мысль не хотела покидать голову, будоражила сердце и увеличивала силы. Неловко, но я отмахнулась от цветочных клыков, вынырнула из облака с одуряющим ароматом, увильнула от травников и поспешила вперёд. Правда уже с сомнениями.

Посох упрямо вёл меня к стене, а я упрямо не видела выхода: ни дверей, ни каких-то намёков. Ни поворотов. Кажется, это был тупик. А что, я же хотела, чтобы дворец закончился? Напросилась…

Картин, скульптур или ваз тоже не было. Стена можно сказать выглядела скучно. Просто стена. Серая. Даже странно, что такая нашлась во дворце столь эксцентричной царевны. Где же пресловутое золото и роскошь? Грязь и пыль, наконец?

Я развернулась.

Если бы не паучки, та самая шкодливая мелочь старого Фени, точно бы пошла обратно. Посоху я уже поменьше доверяла. Сколько он там пролежал в бездействии? Мог и сломаться. И Миролюб мог что-то напутать. Всё-таки возраст.

Но паучки преградили мне путь к отступлению и быстро сложились в знак восклицания. Я начала всматриваться в стену, пытаясь разобраться, в чём секрет. И тут посох вдруг выпал из рук. Выскользнул. Хотя я сжимала его крепко.

Наклонилась, чтобы поднять и увидела. На уровне моих носков было пятно. Небольшое и плохо заметное оно сливалось с серой стеной. Но сливалось почти, всё же немного выделяясь формой. Краями. Чуть более тёмными.

Я подползла поближе, коснулась. Ничего не произошло. Постучала, простучала, пнула с досады.

Подействовало.

Пятно заскрипело, будто древний механизм, часть стены с пятном и часть пола пришли в движение, и через секунду передо мной уже открылся вход – тоннель, ведущий под землю.

Всё-таки, мама из Инстаграма, что в мире людей, что в сказочном, а с пинком даже непонятно что работает быстрее.

От неожиданности я совсем забыла про посох, но тот сам скользнул обратно в руку. И вновь, вооружившись им, как оружием, я

начала совсем неспешный спуск.

Ожидала ловушки, может быть привидений, но, видимо, царевна не рассматривала такого варианта, где спасительница пробирается под землю. Никто нас с посохом не встретил, ничто не потревожило. До вереницы тёмных злачных помещений мы добрались без происшествий.

Как и предупреждал Миролюб, здесь все были на одно лицо. Сидели в камерах, измождённые уставшие. Одинаково несчастные и похожие на одну и туже девушку: золотоволосую в простеньком платье с золотым украшением на груди.

Если хоть немного верить пророчеству, то это та самая девушка, за которую первая колдунья приняла царскую дочь. Хорошо, что хоть кто-то здесь, а не в посохе.

Только почему она здесь? Как спаслась? Выходит, и в этом лжёт пророчество? Так может… И тут меня осенило.

– Никакого проклятия нет! – сказала громко, и сама же испугалась звука собственного голоса. Он тут же ударился эхом об стены и понёсся, понёсся всё дальше, к следующим камерам.

А в моём уме уже всё сложилось.

– Посох. Посошочек, – я перешла на шёпот. – Проклятия ведь не существовало, да? А существовала одна очень злая и обидчивая царевна, которая воспользовалась дурной славой колдуньи, заколдовала её, а потом придумала историю со своей любовью к Горынычу, местью отцу и подставой бедной девушки.

Посох молчал.

– Позднее она написала пророчество. Для потехи. И начала творить в сказочном мире безобразие. От скуки. Или мести. Но что же такого ей сделали жители? Чем могли насолить… все? И если пророчества не существует, то предыдущие спасительницы умирали зазря? Хорошо же царевна память Яге подчистила. Виевна так ничего и не вспомнила. А зачем тогда Миролюб напомнил мне о пророчестве? О словах про последний вздох зла? Значит, всё же пророчество существовало, но царевна его переделала. Я права?

И снова молчание.

Ну и ладно. Разберусь. Главное, посох выскочил из руки и устремился вперёд. Я бросилась за ним. Внезапно он врезался в прутья, точно напротив двух «девушек», затем подлетел к соседней

камере и указал на тех, что ютились в углу. В следующую секунду посох бил по прутьям, и те с лёгкостью гнулись – точно волшебство сработало, в жизни так легко бы не получилось – а я помогала несчастным выбираться наружу. Сначала одних поддерживала, подбадривала. Затем других. Всех четверых вела к выходу. К свободе.

Мне очень хотелось всех освободить, но я помнила слова Миролюба. Наверное, не зря он говорил лишь про две семьи.

Наверное…

Я вас спасу. Обязательно.

Некоторые кивнули, другие вцепились в прутья, третьи слабо улыбнулись.

Я тяжело вздохнула и продолжила путь.

Посох летел рядом. В руки я его взять не могла. Придерживала то одну ослабевшую «девушку», то другую. Но он тоже не бездельничал. Страховал нас сзади. Стоило кому-то оступиться или потерять равновесие, как посох начинал изображать из себя этакого рыцаря и начинал сиять алым, создавая светом щит. Изображал хорошо. Никто не упал.

Помню, говорила, что спускались мы без приключений. Странно… Поднимались с явными препятствиями. Не зря я упомянула про страховку: ступеньки, будто резко воспротивившись освобождению пленных, исчезали прямо на глазах. Только я ступила на одну, как нижняя пропала. «Девушка» взмахнула руками и повалилась на световой щит. «Её» отпружинило назад, и мы продолжили путь.

Чем ближе становился выход, тем сильнее грызли подозрения. Ступеньки сошли с ума, тянет вонючими розами, никак наверху поджидает царевна? И что тогда делать? Как спасаться?

Но спасаться не пришлось. Только я вылезла во дворец – пошла первой, с проверкой – как меня сразу схватили.

– Попалась? Маша…

Травники держали за руки, ноги оплетали розы, царевна что-то шептала в некрасивом платье, в голове туманилось. Я смотрела на увядшую розу на её груди и проклинала зло, поселившееся в душе царской дочери. Глаза закрывались, губы немели. Кажется, впервые заклинание царевны работало правильно. Она и сама громко удивлялась. И радовалась. Пока я теряла силы.

Сквозь мрак увидела, сквозь вату услышала, как спасённые мною разом вылезли во дворец и наперебой заголосили:

– Я её обманула, и я её обманула, мы посох обманули. Твои родители и родители принца остались там, в темнице. Тебе ничто не угрожает. Пора на свадьбу.

От подобной подлости я пришла в себя. Нет. Не верю я будто посох подвёл, будто зло восторжествует. Это же сказка. В сказке всегда хороший финал! Разлепила веки, начала искать взглядом посох, но его нигде не было. Неужели предал? Неужели конец?

– Принц заждался, – улыбнулась царевна. – А ты, Маша, почему в сознании? Опять не подействовало заклинание? Ну и пусть! Смотри, как всё рушится, как принц моим становится. Смотри на смерть всех, кто стал дорог. – Захохотала дьявольски и пошла, а меня травники подняли и понесли.

Мысли путались, сердце стучало болью: оно не верило в обман и предательство. Сил, чтобы дёргаться не хватало. Я лежала смирно в ожидании участи.

В памяти проплывали строки из пророчества, слова Миролюба, детские сказки и их простые истины. Добро побеждает зло, отчаиваться нельзя. Тот, кто ничего не делает, обречён на провал.

Но во что теперь делать?

Большие красивые двери любезно распахнулись. Царевна объявила, что это и есть Зал для Отбивной. Меня, как куклу поставили на пол.

Дурацкое название, дурацкое положение, дурацкие повсюду цветы. И принц тоже дурацкий. Борется он… Как же! Стоит столбом!

– Знаешь, Маша, тебе уже Миролюб рассказал, кто я такая на самом деле, поэтому не буду скрывать правды. Я бы прямо сейчас от тебя избавилась, но скучно мне. Раньше было скучно и после тебя будет. Через пару мгновений выйду замуж и всё. Снова стирать память Яге, следить за вами, спасительницами, учить дурацкие заклинания, чтобы потом выглядеть глупо, перепутав всего одну букву. Одну, Маша! А какой позор! Но сколько бы спасительниц не было, побеждаю всё равно я. Обычно довольно легко. Все они недогадливые, видят зло в образе, а про настоящую меня не догадываются. Ты одна добралась до зала Правды и узнала истину, а поэтому хочу бороться с тобой вечно. Оставайся в нашем мире. С тобой хоть веселее. У тебя фантазия

есть. Давай вместе проучим всю сказку. Будем властвовать и переделывать природу, жителей. Родителей ты всё равно не привела, значит шансов на победу нет. А так получишь множество попыток. И меня позабавишь.

– Мерзкая ты, – честно сказала я. – А ещё жалкая. Какой надо быть несчастной, чтобы собственных родителей заточить в темницу? Сколько в тебе ненависти, раз весь мир страдает? А сколько эгоизма? Обмануть всех, переделать пророчество, уничтожить стольких невинных и всё ради чего? Чтобы не было скучно? Или одиноко?

Сама того не ожидая, я попала точно в цель. Царевна побледнела, её губы задрожали. Она вскочила и с яростью бросилась на меня. Но запуталась в собственном платье, шлейфе, позабытой до этого фате и упала, лишь мазнув меня плечом.

– Непутёвая, несуразная, обиженная на весь мир. Тебя не приняли, может, обидели, а ты вместо того, чтобы простить обиду, начала мстить всем без разбора. Глупо.

– Глупо?! – прошипела царевна. – Да здесь всё в моей власти! Если я захочу, меня все полюбят. И принц тому подтверждение! – она взмахнула рукой, шепнула заклинание, и принц, скользя по полу, начал приближаться. Выглядел умилительно, будто впервые на катке. Даже руками размахивал так же. Только взгляд оставался прежним. Холодным безразличным.

– И что ты в него вцепилась, словно блоха в собаку? – потеряв весь страх, спросила я. – Боишься, что сбежит? А разве тот, кто любит, сбежит? Да и можно ли заставить полюбить? Никакая магия на это не способна.

– У меня ни магия, Маша, у меня сила! Я забрала все знания, какими обладали травники, я…

– И умело воспользоваться так и не сумела, – бесцеремонно перебила я.

– Я научусь. В этот раз обязательно научусь.

– И сколько раз ты себе это обещала?

– Молчи! Здесь только я говорю! Ты проиграла битву!

– Проиграла? Как я могла проиграть, если даже не билась?

– Я тебе не Змеёша, в твоём мире бывала, знаю эти штучки, одурить меня не пытайся. Во дворце только я решаю, что значит битва. И я решила. Ты её проиграла!

– Жаль мне тебя…

– Не надо меня жалеть! Не положено!

– В жизни глупее и нахальнее не встречала.

– Травники, взять её! Травники?

Но те не двинулись с места. Не могли. Их держало сразу четверо.

– Одумайся, пока не поздно, – попросила одна из «девушек».

– Что происходит? Отпустите моих слуг! Возвращайтесь в темницу, если жить хотите!

– Ты ещё можешь стать хорошей, – сказала «другая», а в открытые двери Зала уже влетел посох.

– Нет. Этого… не может быть… – замотала головой царевна. – не положено. Я так не придумывала!

Посох подлетел к той «первой», что заговорила. Она взяла его свободной рукой:

– Каждый имеет право на ошибку. И каждый имеет право её исправить. Ещё есть шанс. Одумайся.

– Одумайся, – повторили все четыре голоса.

– Одумайся, – повторила и я.

– Ни за что! – безумно вращая глазами, становясь всё безобразнее и безобразнее, закричала царевна. – Это моя сказка! Это я здесь главная! Только я!

Она взметнула руками с молниеносной скоростью, никто и опомниться не успел, закружилась, завертелась, с её губ сорвались непонятные, но по-злому звучащие слова, и в следующий миг всё вокруг утонуло во тьме. А когда тьма рассеялась, я увидела, что царевна жутко улыбается, глядя на принца. Красавец превратился в ледяную скульптуру.

Кто-то истошно закричал.

– Нет. Не будет по-твоему. Прости, доченька… – сквозь слёзы прошептала «девушка» и ударила посохом об пол.

Сотни осколков взмыли в воздух, сотни заточенных душ окружили царевну.

– Одумайся… – просили они, но она лишь смеялась. – Отпусти зло, верни добро.

Что-то яркое и светлое, искрящееся подлетело к царевне. Она раскрыла ладонь, приняла эту крохотную частичку и… раздавила.

Охнули все. Я закрыла рот руками. Даже мне было жаль, что так вышло. Я до конца не теряла надежду.

Глаза царевны затуманились, она невидящим взором скользнула по присутствующим, дошла до скульптуры принца, сделала шаг, и когда никто не ожидал от неё такой прыти, бросилась к нему.

– Это моя сказка! Всё будет по-моему! – Закричала какое-то заклинание, прервалась, опомнилась, но поздно. Сделала последний вздох, и сама же превратилась в лужу, а после и высохла без следа.

Я бросилась к принцу, хотела опуститься на колени, но меня опередили. На месте девушки возникла мать. Она опустилась возле сына и заплакала горючими слезами, роняя их на холодное тело.

«Заклятие спадёт, когда зло побеждённое вдох последний сделает, а сердце любящее искренне одарит принца, заколдованного теплотой» – вспомнила я и закричала:

– Обнимите его, согрейте, скажите что-нибудь тёплое! Ему тепло нужно! Не плачьте. Слёзы не помогут.

Королева посмотрела на меня, кивнула и прижала к сердцу любимого сына. Через секунду присоединился отец. Они говорили ему о детстве, напоминали о счастливых мгновениях и растирали, будто он просто замёрз. Мать всё равно плакала, её слёзы текли и скатывались с ледяного тела, но она продолжала вспоминать, как в первый раз взяла его на руки, как он пошёл, как потерял любимую игрушку. Она говорила о его первой примерке короны, стащенной у отца, о том, что он не выдержал груза и плюхнулся на пушистый ковёр. Отец обещал свозить сына в любую сказку и купить долгожданную столько лет собаку, а мать сказала, что отпустит его в мир людей на экскурсию.

– Я сама тебя буду провожать, – шептала мать. – Раз ты хочешь посмотреть на людей, значит сделаем это вместе.

– Это могу устроить и я.

Король с королевой перевели взгляды.

Я смутилась:

– Если вам нужен хороший проводник, экскурсовод, то я человек и как раз всё знаю.

Шаг. Ещё. С их молчаливого согласия я опустилась на колени:

– Принц. Ты должен очнуться. Тебя так любят. У тебя есть родители. Ты не можешь их оставить. Знаешь, какое это счастье, когда рядом есть кто-то близкий? Кто-то, кому ты важен?

Не знаю, почему, но мне хотелось плакать. Сдерживая слёзы, потребовала:

– Ты будешь настоящим эгоистом, если уйдёшь вот так! Слышишь?

Родители сильнее прижали сына, моля очнуться, и лёд наконец стал растворяться. Принц открыл глаза, закашлялся, увидел меня и… улыбнулся.

Глава 29. Полный порядок и свадебный дурдом

Мы смотрели друг на друга, а мир вокруг рассыпался.

Расколовшаяся сказка злой царевны открывала сказку другую.

Сыпались осколками стены дворца вместе с золотым излишеством и безвкусными украшениями, распадались ведьмавяжские розы, вазы. Очертания самого дворца менялись: залы становились проще, коридоры короче. Повсюду слетала паутина – только старого Фени и его семьи осталась. Мрак рассеивался, чёрные силы истончались, исчезали. Темницы открывали двери и выпускали на свободу пленников, щёлкали замками, и те засыпали, ожидая настоящих злодеев.

Но это всё мне гораздо позднее Миролюб рассказал. Он стал собой, сбросив громоздкость сундука, и пришёл в Зал для Отбивной, ставший Свадебным Залом. А ещё что-то пошептал, и мои тряпки вновь стали привычной одеждой. Кеды и то заблестели белизной.

Но мы с принцем ничего не видели, не замечали. Не до того было. Смотрели друг на друга и не могли оторваться.

Знаете, я не слишком верю в любовь с первого взгляда, но верю в первое прикосновение, и когда ослабшая рука принца коснулась моей, в сердце что-то шевельнулось, заискрилось, обдало жаром, забурлило по венам и успокоилось, подарив долгожданный покой.

– Как тебя хоть зовут? – спросила я, помогая ему подняться.

– Александр. Последний.

– Последний? Почему?

– Не пугайся, Маша. – Он снова закашлял. – Фамилия такая.

– Когда поженитесь, ты тоже станешь Последней, – тихо прозвучало со стороны давно позабытых царя и царицы. Я обернулась.

Родители царевны почти не плакали. Непередаваемая боль читалась в глазах, губах. Коленопреклонённых позах над тем местом, где погибла царевна. Но правители держались. Царица улыбнулась мне и сказала:

– Всё хорошо, Маша.

А царь философски добавил:

– К сожалению… счастье всегда приходит с потерями.

– А где ведьма? – я наконец осмотрелась вокруг. Видела живых травников, а не их размытые тени, незнакомцев-слуг, парочку ведьм – горбатых и уродливых, таких ни с кем не перепутаешь – и очень много царских, королевских семей. Они толпились на входе, не решаясь войти.

Из толпы вышла бедная девушка. Она крутила золотое украшение и выглядела расстроенной.

– Ведьмы… больше нет. Это я виновата, – сказала едва слышно. – Пострадала она ни за что. Когда-то я испугалась внешнего вида колдуньи, столкнувшись с ней ночью у дома. Я… начала распространять слухи о её злой силе и рассказала о ней царевне. Простите…

Бросив взгляд на одну из ведьм, я ничуть н удивилась. Если они все такие, то такой страшилы я бы тоже испугалась.

– За свою поспешность и недобрые намерения ты уже заплатила, – прозвучал голос царицы. – Не вини себя больше. Ты прощена.

Девушка бросилась к царице, упала перед той на колени и принялась целовать подол платья.

– Не нужно, – ласково произнесла царица. – Поднимайся с колен. Ступай. Умой личико и готовься. Сегодня все приглашены на свадьбу.

Что?! Я ослышалась? Какую свадьбу?

Все взгляды устремились на нас с принцем. Я отодвинулась от красавца, вроде тот и сам неплохо держался на ногах, и громко спросила:

– Мы, мама из Инстаграма, даже не знакомы толком! Какая свадьба? Я так не хочу!

Все резко погрустнели, кто-то вздохнул. Принц удивлённо заглянул мне в глаза и спросил:

– Разве твоё сердце не бьётся чаще при встрече со мной? Разве душа не поёт?

– Мы встретились первый раз, Александр. Последний. А тот… в моём мире… ни в счёт. К тому же ты каждый раз искал свою любовь и звал очередную избранную в сказку. Так что… – я гордо отвернулась.

– Ревнует, – услышала вдруг голос Виевны. Она подлетела к высокому арочному окну, сидя на Змеёше, и заглянула внутрь, улыбаясь.

– Ничего я не ревную! – скрестила руки на груди. – Но разве любящие так поступают? Не знаю, как здесь, а в моём мире любовь доказывают. А тут и принца я спасала, ну… почти я… И за мир боролась. Обычно в сказках происходит как раз наоборот. Да и дело даже не в этом! Люди сначала знакомятся, затем узнают друг друга и лишь потом начинают отношения. А уж свадьба… Да у нас, среди людей, проходят годы! Пока двое соберутся в ЗАГС. А вы хотите, чтобы я так, сразу, и побежала под венец?

– Хотим, – честно сказала Яга.

– Здесь так принято, – поддакнул Рита, ставшая красивой девушкой. Она сидела на средней голове Змеёши, а Яга – на правой.

– И во дворце принимают решения правители, – довольно строго заметил король.

– Александр, ты хочешь взять её в жёны? – заботливо поинтересовалась королева у сына.

Я во все глаза уставилась на принца.

– Хочу… наверное… – неуверенно забормотал он. – Она спасла меня, значит мы должны поженится. Так и должно быть в сказке.

– Принц сказал своё слово, – широко улыбнулась королева. – Все слышали?

– Я свидетель, – кивнула Яга.

– Красивая пара, – предал меня Змеёша.

– Мы организуем самый красивый букет, – показалась Колоколия.

– Лес Лесович уже договорился со скатёрочкой, – сообщило Чудиче, оно не присутствовало – сидело в море. Но голос его я расслышала.

– Мы мёд принесём, – пробасил медведь. Его я тоже узнала. Змеёша на секунду опустил свободную голову, а поднял уже с мишками. Те самые, что приветствовали меня, сидели на Змеёше, улыбаясь.

– У Скатёрочки тоже мёд хороший, – сказал один из них.

– Но наш, собранный знакомыми пчёлами, всё же лучше, – добавил другой.

– И варенье из шишек будет, – пообещал третий. – Принц Александр Последний его любит.

– Не стоит беспокоиться, – махнул рукой принц. – Но за то, что помните, большое спасибо. И да. Я знаю, что обещал разобраться с

болезнями старых медведей. Травники займутся этим в самое ближайшее время.

– Заботливый, как и раньше, – прошептала Колоколия чуть ли не влюблённо.

Рита всплеснула руками и подмигнула мне. Медведи смутились, Змеёша смутился, Яга покраснела. В общем все. Кроме меня. Но посмотрела на принца я совсем другими глазами.

– Замечательно. Свадьба будет! – громогласный возглас королевы приняли аплодисментами и криками «Ура!».

Нас с принцем подтолкнули друг к другу, толпой подняли на руки и потащили из Зала.

– Среди наших травников есть такие умельцы! – доверительно сообщил мне принц, – Любую причёску сделают, накрасят, как придумаешь, а платье сотворят в мгновение. Только тебе выбрать надо. Их, кажется, много.

– Две тысячи пятьсот шесть, – подтвердила ведьма. С большой бородавкой на носу. Но, когда улыбнулась, стала намного милее.

– Три тысячи пятьсот шесть, – поправила её другая. С бровями «Брежнев». – Проклятая царевна не нашла того самого платья и сотворила ещё тысячу.

– Одно из них ты видела, Маша, – хитро сверкая глазами, сообщила третья. С кривым носом. – Царевна в нём была сегодня. Хочешь такое? Только роза цветущая и ткань нормальная. Как подобает, сказочная.

– Её платье должно быть самым лучшим! Ты что такое говоришь? – шикнула первая. – Она же наша будущая царевна! А когда-нибудь и королева.

– Это да. Не подумала. И туфли ей надо подобрать. И украшения.

– С бриллиантами.

– Сапфирами.

– Агатами.

– Хватит! – я начала рыпаться и в конце концов, ударив кого-то рукой, пнув ногой, свалилась на пол. Поднялась и, глядя на обалдевшую толпу, серьёзно заявила. – Я очень рада, что всё хорошо закончилось. Сказка в порядке, вы живы, свободны. Но! Бежать замуж за первого встречного даже в сказочном мире не стану.

– Бежать и не надо, – сказал кто-то. Я уже не разбирала. – Прибудет карета. Как подобает.

– Да при чём здесь карета? – я не на шутку разозлилась. – Я, мама из Инстаграма, не хочу вот так вот замуж!

– Откуда мама?

– Не поняла.

– И я тоже.

– Забудьте! Я не выйду замуж! Всё!

– Как это не выйдешь?

– Не выйдет?

– Принцу отказывает?

– От усталости верно чушь говорит.

– Надо травникам её подлечить.

– Ага, а Колоколии сон послать.

– Тогда свадьба откладывается, если сон будет?

– Откладывается.

– Нет! – завопила я.

– Так сна не будет?

– Сон будет. Свадьба откладывается.

– Нет! Свадьбы не будет!

И пока меня не схватили – кто знает, что придумают эти… сказочники… – я растолкала всех локтями и бросилась к выходу.

– Если ты боишься из-за смерти через три года, – летели за мной слова Виевны, – то это неправда! Почти всё в пророчестве ложь! Я вспомнила! Маша, вернись!

– Не избранная я, не избранная, отстаньте! – я набирала скорость и бежала, бежала, пока не оказалась за воротами.

И куда теперь идти? Как домой вернуться? И вернут ли меня? А вдруг заставят выйти замуж? Так ведь поло-о-ожено.

Грустно стало. Не зная, что делать, пошла на болото.

Природа вокруг была сказочная: красивая и ароматная. От каждого листочка, травинки и цветочка веяло добрым волшебством. Я смотрела вокруг и не могла налюбоваться. Даже не верится, будто сегодня утром всё было по-другому. Всё-таки хорошо, что всё закончилось.

Села прямо на землю. Ждала, что та вздохнёт, но нет. Видимо, и она успокоилась.

– Тебе тоже грустно? – повернула голову и увидела девушку. – Мне тоже, – она присела рядом. – Я, ква, в свой мир возвращаться не хочу. Я здесь влюбилась.

– Люся?!

– Я самая. И что теперь будет?

– Не знаю. Посоветуйся с Ягой или Миролюбом. Они точно знают, что делать.

– Эх… Хорошо тебе. Принц в жёны берёт.

– Никто меня никуда не берёт! Мы даже не знаем друг друга!

– А мы знаем друг друга. И что с того? Где он, а где я. Лучше бы не знали…

– И кто же он? – во мне проснулось любопытство.

– Брат Змеёши, – нехотя ответила Люся.

– Тогда чего страдаешь? Вместе с Ритой на пару свадьбу сыграете!

– Так он меня жабой обзывает! А я, между прочим, лягушка. Была.

Я усмехнулась:

– А за косички, прости… лапки не дёргал?

– Чуть не оторвал! А каждый раз, когда мы встречаемся, надо мной насмехается!

Я улыбнулась:

– Не волнуйся. И смело иди к Миролюбу. Всё будет хорошо.

И я осталась одна. Но ненадолго.

В небе пролетела стая птиц, затем следующая – радовались возвращению – потом третья. Но уже стремительно, с криками, будто кто подгонял. И тут я увидела Змеёшу. Это он играл с птицами.

Змей опустился на землю – деревья расступились, образуя площадку – и все три головы качнулись с явным недовольством.

– Зря ты так, Маша, – сказала средняя. – Принц, он хороший.

– А замуж тебя никто не потащит. Под венец лишь добровольно, – мягко улыбнувшись, сказал старичок, спускаясь с левой головы. – Это я, Миролюб. Такой же толстый, как сундук.

И действительно. Травник был большим и круглым. Я подумала о бублике и вспомнила, что до сих пор ничего не ела.

В то же мгновение в воздухе появилась большая корзина, до краёв заполненная фруктами.

– Давно не практиковался, – развёл ручищами травник. – Пока только так.

– Спасибо! – я с жадностью впилась зубами в спелое зелёное яблоко и схватила банан.

– Ты кушай, Маша, а я пока тебе кое-чего расскажу.

Фрукты были сладкими сочными и вкусными – в жизни таких не ела. Речи Миролюба текли плавно мирно, но не убаюкивали. Рассказал он мне, что царевна с красивым именем Злата с детства не отличалась добротой и душевностью. В нашем мире таких называли трудными детьми, в сказочном тоже. И чего только не пробовали родители её несчастные: местных травников привлекали, иностранных. К ведьмам водили, напитки волшебные давали, но ничего не помогало. Злата оставалась красивой, но душой чернела, и никто не знал, как ей помочь.

В один не самый прекрасный день она услышала – народ шептался, будто есть одна колдунья. Страшная и злая. Выяснила, кто лично её видел и пообещала подарить золотое украшение, если та прокрадётся к ней в дом и разузнает что-нибудь полезное.

Колдунья, на удачу Златы, обиделась на подколки жителей и на эмоциях написала пророчество. Тем и воспользовалась царевна.

Сначала Злата хотела отомстить родителям за их попытки перевоспитания, но потом обозлилась на Ягу – та лечить пыталась, на Змея – он не посчитал её красивой (в итоге умер из-за пыли), начала творить разные безобразия и окончательно растеряла добрую часть души. Спасительниц Злата в мире людей выбирала сама, с расчётом на провал. Но со мной прогадала. В этот раз к людям отправился сам принц.

Я долго хлопала ресницами, молчала.

Осознавала.

Наконец ко мне вернулся дар речи, и я спросила:

– Так… остальных спасительниц приглашал… не он?

– Нет. Злата присылала его копию. Так что ты подумай, Маша, насчёт принца. Он и правда неплох. Он, хоть и заколдован был, а тебе помогал, вантуз на картине придумал, чтобы путь подсказать.

– Ага, мама из Инстаграма, потому что р-раз! И влюбился! Даже не зная, что я из себя представляю!

– Нет. Потому что он такой. Небезразличный. Ладно. Убеждать тебя ни в чём не стану. У тебя своя голова есть. Если не захочешь выходить за Александра, тебя за это никто не накажет. Как решишь, позови клубочек – он вновь стал добрым, возьми его за нить, и он выведет из сказки.

Миролюб забрался на голову Змеёши, и они улетели, а я поплелась к Яге за вещами.

Глава 30. Сказка в жизни

Степаныч бросился ко мне и облизал с ног до головы, а потом не отходил ни на шаг, пока я благодарила за всё Леса Лесовича, скатёрочку и объясняла своё решение. В избушку вошла Яга. Посмотрела на меня, вздохнула и сказала:

– Принц просил передать тебе вот это.

В ладонь легло зеркальце. С виду обычное дешёвое.

Перевернула.

Никаких вензелей, королевских печатей. Прощальных слов.

Но и влюблённых посланий тоже не было.

– Александр извиняется за то, что вырвал тебя из дома и просит взять зеркало на память. Если вдруг захочешь узнать, как здесь дела, подумай, чья именно судьба тебя интересует, и он тотчас же появится в отражении. И твои собственные приключения в нашем мире оно тоже покажет, стоит лишь вспомнить нужный момент.

– Об заклад вы со Змеёшей здорово бились, – улыбнулся Лес Лесович. – А как ты перед Чудичем прыгала… Взгляни на досуге. И через два дня вспомни о нас с Ягушкой, увидишь, как мы на балу танцуем.

– И мой юбилей празднуем. Девяносто тысяч.

– И свадьбу играем, – Лес обнял свою любимую.

– Спасибо…

Мне снова захотелось плакать. Не люблю расставания. И зачем принц этот подарок сделал? Теперь мне совсем неудобно…

Поспешила в восстановленную башню, взяла рюкзак, спрятала зеркальце и на выход.

– Маша! – окликнула Яга уже на поляне, – Миролюб тоже кое-что просил передать. Помни! Избранных нет. Есть только те, что верят в свои силы и готовы бороться, несмотря ни на что.

Ну вот. Мама из Инстаграма. Слёзы всё же потекли.

– Прощайте! – крикнула я с улыбкой, махая рукой. – Прощайте… – прошептала, стирая слезу.

Клубочек явился по первому зову и долго извинялся за всё-всё-всё, я гладила его по ниткам и говорила, что за всё-всё-всё прощаю.

– Уходишь? Точно? – захлопал длинными ресницами. Глаза у него и правда были небесно-голубыми. Мне тогда не показалось. – А может, передумаешь?

– Я не могу здесь остаться, клубочек. У меня там бабушка осталась, подруга любимая. Да и не пойду я замуж за того, кого не знаю.

Он тяжело вздохнул:

– Принца жаль. Царевна над ним издевалась, обманывала, будто маму держит в вазе, чтобы он за розами её ухаживал. Злая она. А он… Хороший, – и снова вздохнул. Потом добавил: – Мы скучать будем, Маша…

– Я тоже… Всё. Пора.

Мгновение, и я засветилась точно, как в автобусе. Клубочек, лес, далёкие башни дворца начали расплываться. В небе мелькнул трёхглавый силуэт, за ним ещё один. Я услышала женский смех, следом другой – громкий и немного квакающий и… очутилась в собственной кровати. Зазвонил телефон. Я быстро вытащила мобильник и взглянула на экран. Анька.

– Машка! Ты же спор выиграла! Скоро платье получишь. Я его тебе экспресс-доставкой оформила. Кстати, как ты после вчерашнего? Выпили мы прилично. Я до сих отхожу.

– Вчера?

– Поня-я-ятно. Ладно. Отсыпайся!

Не успела отложить телефон, как снова позвонили.

– Маш, хочу уточнить, ты уже в пути? А то я немного проспала и ещё ничего не приготовила.

– Я…

– Или вместе приготовим? Ой! Маш, соседка идёт. В общем, жду. Сейчас у неё грибочков возьму. Суп на обед сварим.

Я положила телефон и упала обратно, на подушку.

Получается, то время, что я провела в сказке в этом мире прошло всего за… ночь?

Бросила взгляд на часы.

Именно сейчас я должна выйти из дома, если хочу успеть на электричку.

Хочу?

И вновь загрустила.

Сказка сказкой, но жизнь продолжается. Я вздохнула и поднялась с кровати.

Выходные прошли хорошо: мы отлично провели время с коллегой. За два дня я даже почти забыла о своём приключении.

Почти.

Войдя в квартиру, вспомнила о свадьбе Яги Виевны, бросилась к зеркальцу. Испугалась, что оно исчезло, но нет. Лежало в кармане.

Праздник вышел отменным, присутствовала вся сказка. Прибыли даже бывшие недокоролевы со своими семьями. Выглядели счастливыми.

Было много смеха, веселья, неуклюжих танцев, тостов в тему и нет, шутливых драк. Особенно мне понравилось, когда все сидели за столом, и Любомир вспомнил о понравившейся ему в мире людей традиции. Все дружно крикнули: «Кисло!» Затем: «Сладко!», «Солёно!» и наконец «Горько!».

Молодожёны целовались при каждом выкрике.

Королевская семья тоже присутствовала на празднике. Король сообщил, что время прежних правителей вышло, и поэтому все коронованные пленники отправились в другую сказку, где их ждала иная жизнь и другая судьба.

Принц, одетый с иголочки, улыбался, всех очаровывал. Колоколия и прочие феи то и дело вздыхали, бросая на него томные взгляды. Принц танцевал со всеми желающими – с ведьмами по три раза – шутил с Горынычами, но всё равно казался чуть-чуть грустным.

После основной части начался бал. Яга Виевна переоделась в платье ещё лучше свадебного, хотя и тому бы позавидовала сама Злата. И удивила присутствующих гибкостью, это в свой-то огроменный юбилей. Станцевала с Лесочком вальс, жаркую сальсу и румбу, а потом, выдохшись и раскрасневшись, уступила поляну-танцпол гостям.

Клубочек разматывался в русском-народном танце, Змеи выделывались в небе, подруги Рита и Люся летали на их головах и рассыпали конфетти, заливаясь звонким смехом. Барсуки, белки и медведи кружились, меняясь партнёрами, птицы рисовали в облаках узоры и поздравления, используя пойманные конфетти. Миролюб, большой как сундук, вместе с друзьями травниками умело вертелся в брейк-дансе – точно у нас понабрался. Танцевала даже избушка,

забавно и неуклюже. Башня моего заточения под музыку шевелила кирпичиками и старалась повторить кувырки Степаныча, повторяющего за травниками, но кувырки получались лишь у последних.

Вся сказка ходила ходуном.

И море.

Чудиче с мамой и остальными обитателями тоже танцевали.

А что вытворяли старый Феня с внуками… Никогда бы не подумала, что пауки способны отбивать чечётку.

Наблюдая за всеобщим весельем, я всё больше грустила. Хотела бы оказаться сейчас там. Я ведь тоже неплохо танцую и тосты говорить умею. И стихи сочиняю не хуже фей.

И торт бисквитный люблю.

Скатёрочка постаралась на славу, но торт всё равно побеждал в номинации «Самый-самый». Такого аккуратного, многослойного и безумно красивого я в жизни не видела.

Даже на разных кулинарных шоу.

А мы их с Анькой насмотрелись вдоволь, когда она влюбилась в будущего повара.

– Желаем вам жизни, как в сказке, – сказала королева.

Принц вручил подарок от их семьи.

И я заплакала.

Следующий день прошёл привычно: задания, тетради. В обед я наварила себе суп. Пыталась, как у пыхающей кастрюли, но не получилось.

Через неделю навестила бабушку, привезла ей мази. Перестала думать о сказке и зажила обычно. Но иногда просыпалась среди ночи, доставала зеркальце, и окунаясь в собственные приключения, смеялась.

Очередное утро, день. Я возвращалась с работы. Подходила к дому, когда заметила фигуру. Та отделилась от стены, будто шагнув из другого мира, и улыбнулась.

– Здравствуй, Маша. Я хотел пригласить тебя на свадьбу. Двойную. Рита с Люсей выходят замуж.

Я бестолково молчала.

– Змеёша сказал, что обидится, если ты не придёшь. Он ради тебя, – принц вновь улыбнулся, – выучил пару словесных игр.

– Ага, – только и смогла вымолвить я.

– Мне нравятся твои туфли. Но кеды нравятся больше.

– Ты… только за этим… пришёл? – я сглотнула, испугавшись собственного вопроса. Что я такое говорю?! Он же принц! А я простая учительница!

– Нет. Хочу тебя ещё кое-куда пригласить.

– На чью-то свадьбу? – сердце подскочило и ухнуло вниз.

– В кафе.

***

Прошёл год. Мы поженились. Анька, кстати, тоже встретила Свою Любовь.

Принц, теперь я зову его Саша, взял мою фамилию. А что? Александр Сказка звучит. К тому же мы представили, как нелегко придётся нашим детям в школе с фамилией «Последний» и сделали выбор.

А ещё Саша отказался от своих регалий и попросил Миролюба забрать его сказочную силу. Нет. Поднять стол одной рукой или дом подвинуть он не может, но красотой обладает волшебной. Я уже устала ревновать. С таким красивым мужем из дома не выйти. Где бы он ни появился, все только и ахают, вздыхают, а самые наглые бегут знакомиться.

Так что, мама из Инстаграма, без силы лучше. Теперь он не сказочно-красивый, а просто красивый. Хотя, что я такое говорю? Он невозможно красивый. Правда говорит, я красивее.

Мы по этому поводу часто смеёмся.

А ещё он пытается отучить меня от дурацкого выражения, но… пока безрезультатно. Саша грозится, что будет в каждое предложение добавлять «ёжики горелые», потому что первые «ёжики», которые он у меня попробовал, как раз подгорели. И мы снова смеёмся.

Сейчас два часа ночи. Мы отгуляли новоселье – родители Саши помогли. И травники. Превратив сказочное золото в реальные деньги. И теперь он моет посуду, сам вызвался, а я кормлю грудью Зарину. Нашего ангела, нашу красавицу. Мы месяц назад выписались.

Смотрю на её золотистые волосы, глаза голубые, как небо, и понимаю, что сказка-то здесь. Сказка в моей семье.

– Уснула? – в комнату осторожно заглянул Саша.

– Да, – ответила шёпотом. – Сейчас приду. – Переложила дочурку в кроватку и вышла из комнаты.

Саша накрыл меня одеялом и нежно поцеловал. А потом…

– Прости, что так долго.

– Нестрашно, зато теперь мы вместе навечно.

– Ну столько я вряд ли продержусь, а до старости – пожалуйста. Только я тебе не понравлюсь сморщенной старухой со вставной челюстью.

– С удовольствием подам тебе эту самую челюсть.

– Да? И водичкой ополоснёшь?

– И тряпочкой протру.

(Из летописи Яги Виевны)

Вот и сказочке конец, кто читал, тот молодец.

Надеюсь, история вам понравилась, и, если вы хоть немного улыбнулись, отдохнули, взгрустнули или о чём-то задумались, значит, она удалась. Спасибо за ваши комментарии, поддержку, сердечки, репосты. Спасибо за то, что вы были с героями и боролись вместе с ними со злом.

На данный момент я некоммерческий автор, хотя и хочу им стать. Но если вы хотите поблагодарить за труд, то можно это сделать здесь: Сбер. **5469550051988035 Анастасия. К.**

Конечно, это не требование, и только на ваше усмотрение.

А с новыми героями, совершенно безбашенными, приглашаю познакомиться 7 октября. Старт 7 утра по МСК.

До скорой встречи! Подписывайтесь, чтобы не пропустить НОВИНКУ ;)

Конец